

32н Ф4
К91

А.Е.
Кунина

Идеологические основы внешней политики США

А.Е.
Кунина

Идеологические
основы
внешней
политики
США

Издательство
политической литературы
Москва · 1973

32И
К91

Кунина А. Е.

К91 Идеологические основы внешней политики
США. М., Политиздат, 1973.
 223 с.

В книге доктора исторических наук А. Е. Куниной рассматриваются идеологические концепции послевоенных лет, лежащие в основе внешней политики США. Автор показывает также, как под влиянием неуклонно меняющегося в пользу социализма соотношения сил на международной арене буржуазные идеологи вынуждены маневрировать, приспосабливаться к новой обстановке в мире.

Книга рассчитана на преподавателей, лекторов-международников, пропагандистов.

К 0155—248
079(02)—73 273—73

32И

© ПОЛИТИЗДАТ, 1973 г.

ВВЕДЕНИЕ

Эта книга посвящена анализу идеологических основ внешней политики США. Ее цель — определить, что именно составляет их содержание, а также познакомить читателя с политическими теориями, призванными обосновать внешнеполитический курс Вашингтона на различных этапах исторического развития.

Вопрос об идеологических основах внешней политики империализма, в частности империализма США, принадлежит к числу коренных проблем международных отношений. Его значение особенно велико в свете задач, поставленных перед общественными науками XXIV съездом КПСС. В материалах и решениях XXIV съезда, как и в других документах КПСС, международного коммунистического и рабочего движения, получили дальнейшее развитие ленинские теоретические положения об империализме и идеологической борьбе. В этих материалах и документах сформулирован или конкретизирован применительно к современной эпохе ряд принципиальных положений, относящихся к изучаемым вопросам. Вместе с тем КПСС, мировое революционное движение ставят перед исследователями внешней политики империализма и идеологической борьбы серьезные задачи, подчеркивают необходимость наращивания усилий в этой области.

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежnev подчеркнул: «Особенности современного капитализма в значительной мере объясняются тем, что он приспособливается к новой обстановке в мире... Отсюда —

стремление буржуазии применять более замаскированные формы эксплуатации и угнетения трудящихся, ее готовность в ряде случаев идти на частичные реформы, с тем чтобы по возможности удерживать массы под своим идеяным и политическим контролем. Монополии широко используют достижения научно-технического прогресса для укрепления своих позиций...»¹. Эти положения дают ключ к пониманию особенностей внешней политики империализма на современном этапе, применяемых в ее обоснование идеологических средств.

В постановлении ноябрьского (1971 г.) Пленума ЦК КПСС подчеркивается, что в ходе дальнейшей борьбы партии за осуществление внешнеполитической программы XXIV съезда КПСС все больше возрастает роль идеологической борьбы на международной арене. Пленум обратил внимание на необходимость повышать уровень и эффективность идеологической работы, активно отстаивать интересы нашей страны, всего социалистического содружества, международного коммунистического движения в борьбе против империалистической пропаганды и противников марксизма-ленинизма.

В СССР в последние годы издано немало серьезных работ, посвященных проблемам идеологической борьбы в международных отношениях. Хорошо известны исследования Г. А. Арбатова, С. И. Беглова, А. И. Власова, Д. В. Ермоленко, Н. Н. Иноземцева, В. Н. Келина, В. В. Кортунова, В. М. Кулакова, Ю. М. Мельникова, М. Б. Митина, Е. Д. Модржинской, Т. Т. Тимофеева, П. Н. Федосеева, Г. Б. Хромушкина, Е. Б. Черняка, Б. А. Шабада, А. Н. Яковлева и др.²

¹ «Материалы XXIV съезда КПСС». М., 1972, стр. 14—15.

² См. Г. А. Арбатов. Идеологическая борьба в современных международных отношениях. Доктрина, методы и организация внешнеполитической пропаганды империализма. М., 1970; С. И. Беглов. Монополии слова. М., 1969; А. И. Власов. В конфликте с реальностью. Кризис внешнеполитической пропаганды США. М., 1972; Н. Н. Иноземцев. Внешняя политика США в эпоху империализма. М., 1960; В. Н. Келин. Внешняя политика и идеология. Роль идеологии во внешней политике империализма. М., 1969; В. В. Кортунов. Битва идей (Идеологическая борьба на международной арене). М., 1969; В. М. Кулаков. Идеология агрессии. М., 1970; Ю. М. Мельников. Внешнеполитические доктрины США.

Авторы этих работ не ставили себе целью специально исследовать идеологические основы внешней политики США, не стремились анализировать идеологические концепции во внешней политике США в их совокупности, с одной стороны, в их развитии на протяжении длительного исторического периода — с другой. Именно эту задачу и ставит перед собой автор. Имеется в виду проанализировать в первую очередь те теории и концепции, в которых в концентрированном виде выражен общий классовый интерес правящих кругов в сфере международных отношений на данном историческом этапе и которые наиболее активно используются империализмом в идеологической борьбе на международной арене.

Как и внутренняя, внешняя политика империалистического государства выражает интересы не всех классов общества и даже не всего класса буржуазии, а коренные интересы ее правящей верхушки — монополистической буржуазии, стремящейся к сохранению своего господства, к стабилизации социально-экономической системы, осужденной на гибель объективным ходом исторического развития. При этом эффективным оружием господствующего класса являются политические теории, формулирующие классовые интересы монополий; они играют все возрастающую роль в системе идеологических мер, направленных на сохранение капитализма. Чем более ослабляются позиции империализма, тем настойчивее субъективные усилия политиков и идеологов укрепить их при помощи различных средств, среди которых идеологии придается первостепенное значение.

Происхождение и сущность программы «Новых рубежей» президента Д. Кеннеди. М., 1970; Е. Д. Модржинская. Ленинизм и современная идеологическая борьба. М., 1970; П. Н. Федосеев. Коммунизм и философия. М., 1971; Г. Б. Хромушин. Развеянные мифы. Критика доктрины «американской исключительности». М., 1969; Е. Б. Черняк. Адвокаты неоколониализма. Неоколониалистская историография. М., 1964; Б. А. Шабад. Политическая философия современного империализма (Критика основных концепций). М., 1966; А. Н. Яковлев. Идеология американской «империи». Проблемы войны, мира и международных отношений в послевоенной американской буржуазной политической литературе. М., 1967.

По мере углубления общего кризиса капитализма империализм вынужден изыскивать все новые пути и средства, дабы оправдать в глазах народных масс, роль которых в международных отношениях возрастает, антимонархическую, реакционную политику. Вопрос об идеологических основах политики империализма и средствах ее обоснования необходимо поэтому анализировать не абстрактно, а применительно к определенному историческому контексту. Исторический подход позволяет уяснить, под влиянием каких факторов империализм меняет формы защиты своей политики, выявить процесс преемственности концепций, с одной стороны, их кризис и трансформацию — с другой. На фоне исторической перспективы отчетливо видно значение поворота от политики и идеологии «холодной войны» к мирному сосуществованию, происходящего под влиянием внешней политики СССР, всего социалистического содружества.

Во внешней политике США роль идеологического фактора характеризуется в последние годы рядом новых особенностей.

В своей идеологической борьбе на международной арене правящие круги США все реже отваживаются открыто выступать в защиту системы частной собственности, маскируя ее сущность различного рода теориями «народного капитализма», «индустриального» и «постиндустриального» общества.

Спекулируя на международном характере современной научно-технической революции, буржуазные теоретики пытаются извратить классовую сущность международных отношений, скрыть фундаментальную истину о борьбе двух систем как основном факторе, определяющем их содержание. С этой целью выдвигаются различного рода теории «технотронного общества», «мирового сообщества» и др.

Антикоммунизм является неизменной основой внешней политики империализма на всем протяжении периода общего кризиса капитализма. Но в современную эпоху правящие круги предпочитают его маскировать, прибегая к так называемому «либеральному» антикоммунизму. Последний отличается от антикоммунизма откровенно агрессивного толка тем, что, «действуя исподтишка», вводит в заблуждение непод-

готовленных людей, служит оружием «тихой контрреволюции». Использование империализмом более изощренных приемов требует всемерного усиления бдительности и своевременного их разоблачения.

Важным явлением современности, в значительной мере обусловленным научно-технической революцией, является широкое использование средств массовых коммуникаций (печати, радио, телевидения, спутников связи) для воздействия на мировое общественное мнение. Таким путем теории и концепции, бывшие прежде достоянием сравнительно узкого круга идеологов, внедряются в сознание широкой аудитории. Вместе с тем империализм, терпя поражение в борьбе идей, все в большей мере использует средства массовых коммуникаций для психологических атак, апеллируя не столько к разуму, сколько к эмоциям людей. «Психологическая война» стала важным орудием внешней политики империализма.

Мировая система социализма, превратившись в решающий фактор развития общества, оказывает все возрастающее влияние на международные отношения. Приспособливаясь к новым условиям, империализм наряду с совершенствованием форм осуществления и обоснования своей внешней политики корректирует в известной мере и саму эту политику. Так, на Западе вынуждены признать идею мирного сосуществования государств с различным общественным строем.

Сдвиги в сторону разрядки напряженности не исключают, однако, возможности контратак реакционных сил. Для того чтобы давать должный отпор идеологическим поискам империализма, необходимо четко разбираться в аргументации буржуазных теоретиков.

Исследование идеологических основ внешней политики империализма открывает дополнительные возможности для наступательной идеологической борьбы.

1. Период домонополистического капитализма: идеи «естественного права» США на экспансию

Как известно, в эпоху капитализма внешнеполитическая экспансия сопровождается рассуждениями колонизаторов об их «цивилизаторской» миссии. Не составляют исключения и правящие классы Соединенных Штатов.

Возникшая в 1776 г. буржуазная республика расширяла первоначальную территорию отнюдь не «мирным» путем, как об этом говорится в американских учебниках, а посредством непрерывных кровопролитных, грабительских войн. Стремясь оправдать их, американская буржуазия использовала прогрессивные идеи буржуазной политической философии XVIII века. Даже доктрина «естественного права», положенная в основу Декларации независимости 1776 г., в которой говорится о «неотчуждаемых правах людей», была приспособлена для обоснования раннего американского экспансионизма. В ходе войны за независимость члены континентального конгресса, ссылаясь на «естественный закон самосохранения», выдвигали требование о присоединении к американской республике, в качестве четырнадцатого штата, Канады¹.

О «естественном праве» говорил и Томас Джефферсон, когда во время мирных переговоров с Англией требовал присоединения к Соединенным Штатам всей территории, расположенной к западу от реки

¹ G. H. Smith. Our Struggles for the Fourteenth Colony. Canada and the American Revolution, vol. 1, N. Y., 1907, p. 215.

Миссисипи — так называемой Большой Луизианы¹. Между тем именно Джейферсону принадлежат слова: «Никто не имеет естественного права совершать агрессию против естественных прав других»².

Спустя несколько лет тезис о «естественном праве» выдвигается в американской печати уже для того, чтобы обосновать претензии этой страны на весь североамериканский континент³.

На протяжении XIX века на службу американскому экспансиионизму были поставлены идеи «предопределения судьбы», географического детерминизма, биологического роста и ряд других. При этом лейтмотивом неизменно оставались утверждения о «праве» Соединенных Штатов — благодаря их молодости, размерам, демократизму — владеть прилегающими территориями. Отделенное двумя океанами от великих держав Европы, американское буржуазное государство расширяло свои владения, не встречая, в сущности, серьезных препятствий.

2. Начало эпохи империализма и идеологическая подготовка борьбы США за мировое господство

С наступлением эпохи империализма агрессивность Соединенных Штатов резко возрастает. Соответственно увеличивается роль идеологического фактора в их внешней политике. В. И. Ленин подчеркивал: «Внешэкономическая надстройка, вырастающая на основе финансового капитала, его политика, его идеология усиливают стремление к колониальным завоеваниям»⁴.

¹ «Наши географические особенности,— говорил Джейферсон,— могут потребовать кодекса естественного права в отношениях с другими странами, отличного от кодекса, порожденного в условиях Европы» (G. Chinard. Thomas Jefferson. Boston, 1939, p. 398).

² A. Weinberg. Manifest Destiny. Baltimore, 1935, p. 38.

³ 28 января 1803 г. газета «New York Evening Post» писала: «Соединенным Штатам принадлежит право управлять будущими судьбами Северной Америки. Страна эта наша» (A. Weinberg. Manifest Destiny, p. 31).

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 382.

Подготавливаясь к новым колониальным захватам, правящие круги США использовали идеологический фактор в двух направлениях: для раздувания экспансиионизма и милитаризма, а также для того, чтобы оправдать свой агрессивный курс в глазах народных масс различного рода «гуманными» мотивами («помощью», «поддержкой», «освобождением» и т. д.).

Первое направление, отражавшее подлинное идеологическое кредо американских монополистов, выразили такие апологеты империалистической экспансии США, как Джон Фиске, Джон Барджесс, Альфред Мэхен, Брукс Адамс и другие буржуазные теоретики. В их произведениях откровенно провозглашались культ силы, милитаризм, расизм, ненависть к народным массам, планы завоевания Соединенными Штатами мирового господства.

Известный историк Джон Фиске в книге «Американские политические идеи, рассматриваемые с точки зрения всеобщей истории», изданной в 1885 г., писал, что англосаксонской расе суждено подчинить себе все остальные народы мира. Английский язык, утверждал он, «станет в конечном счете языком человечества»¹. Об «англосаксонизации» населения нашей планеты мечтал клерикал Джошуа С特朗г в изданном в том же году труде «Наша страна, ее возможное будущее и нынешний кризис»².

Джон Барджесс попытался «научно» обосновать превосходство англосаксонской расы и ее «право» на подчинение других народов. Он разделил все народы на высшие — «политически развитые» — расы и низшие — «политически неразвитые»; первые, утверждал Барджесс, обязаны «взять на себя руководство всеми остальными государствами мира». «Большая часть земли, — писал он, — населена народами, которые не сумели образовать цивилизованные государства. По существу, они неспособны выполнить эту задачу и должны поэтому оставаться в состоянии варварства или полуварварства до тех пор, пока политически развитые народы не выполнят за них задачу организации государства»³.

¹ J. Pratt. Expansionists of 1898. Baltimore, 1936, p. 5.

² Ibid., p. 6.

³ Ibid., p. 9—10.

Вполне законченную форму расистская аргументация империалистической экспансии обрела в произведениях социолога С. Вудрафа, откровенно ратовавшего за истребление низших рас и подчинение тех, кого уничтожить не удастся. Человечество, писал Вудраф, нуждается в постоянном истреблении неприспособленных особей посредством войны, голода, болезней. Это, говорил он, является законом эволюции, борьбы за существование. «Война очищает нацию», она способствует «благотворному кровопусканию для истребления излишков населения...»¹. «Фактически война является нормальным состоянием, а мир — не-нормальным»². В промежутках же между войнами низшие расы должны, подобно домашнему скоту, находиться в полном подчинении у высших: «Все низшие расы в цивилизованном обществе фактически являются, таким образом, особой разновидностью домашних животных»³.

Широкую программу колониальных захватов разработал Альфред Мэхен, основоположник военно-морской доктрины американского империализма. Свои взгляды А. Мэхен изложил в книге «Влияние морской силы на историю» (1890 г.) и в сборнике статей «Зантересованность Америки в морской силе» (1897 г.). Исходная точка теории А. Мэхена — культ силы. «Военная сила,— заявляет Мэхен,— один из преобладающих политических элементов для оправдания... политики»⁴. При этом, исходя из географических особенностей США, он отдает предпочтение военно-морской силе: «Контроль над морем — главный среди чисто материальных элементов, определяющих мощь и благосостояние народов»⁵. Он «означает преобладающее влияние в мире...»⁶.

Целью США должен быть не мир, рассуждает далее Мэхен, а всемерная подготовка к войне за господство на море и, следовательно, над миром. «Подготов-

¹ C. Woodruff. Expansion of Races. N. Y., 1909, p. 5, 8, 216.

² Ibid., p. 123.

³ Ibid., p. 379.

⁴ A. Mahan. The Interest of America in Sea Power. Boston, 1897, p. 171.

⁵ Ibid., p. 52—53.

⁶ Ibid., p. 125.

ка к войне является единственным средством обеспечения мира»¹, — утверждает он; «война остается фактом печальным, но неизбежным нашей истории»².

Призывая к строительству мощного военно-морского флота, Мэхен подчеркивал необходимость приобретения военно-морских баз в тех бассейнах, над которыми США хотят установить свой контроль, — на Тихом океане и в Карибском море. Речь шла в первую очередь о Кубе, которая по занимаемому стратегическому положению «не имеет себе равного в военном отношении среди островов мира, не считая Ирландии»³, и Гавайских островов, имеющих «огромное значение для коммерческого и военного контроля над Тихим океаном»⁴. Завладев этими позициями, США, считал Мэхен, получат возможность «продвигаться дальше в любом направлении»⁵.

Наряду с Мэхеном идею мирового господства как цель внешней политики США проповедовал в своих трудах социолог Брукс Адамс, теснейшими узами связанный с правящей верхушкой (его прадед и дед были президентами США, отец — послом в Англии, сенатор-экспансионист Генри Кэбот Лодж был его близким родственником). В книге «Экономическое превосходство Америки» Брукс Адамс подробно обосновал «закономерность» притязаний США на мировое господство. Преобладающему влиянию Англии пришел конец, писал он, «экономический центр мира передвигается на запад и уже, возможно, достиг США»⁶. В связи с этим роль Англии в качестве «сдерживающей силы цивилизации» должна перейти к США: «Очевидно, Америка должна, в более или менее полной мере, занять место, которое когда-то занимала Англия»⁷, — утверждал Брукс Адамс.

Основной мотив произведений этого автора — восхваление агрессии как наиболее верного средства захвата преобладающего места в мире. «Война —

¹ A. Mahan. *The Interest of America in Sea Power*. Boston, 1897, p. 266.

² Ibid., p. 133.

³ Ibid., p. 310.

⁴ Ibid., p. 47.

⁵ Ibid., p. 35—36.

⁶ B. Adams. *America's Economic Supremacy*. N. Y., 1947, p. 171.

⁷ Ibid., p. 175.

конечное и наиболее решающее испытание национальной энергии»¹, — писал он. Для того чтобы победить в этом испытании, США должны вооружаться. Поэтому «США... превращаются в вооруженную и агрессивную нацию»².

Куда должны быть направлены экспансионистские устремления США? На этот вопрос Б. Адамс отвечал: «Наградой, которой добиваются все энергичные нации, является Восточная Азия»³. Уточняя, он подчеркивал: речь идет в первую очередь о Китае. «Китай представляет собой единственную область, открывающую в настоящее время почти безграничные перспективы поглощения... От определения судьбы Китая, возможно, будет зависеть экономическое преобладание в будущем столетии»⁴. Чтобы проникнуть в Китай, США, по мысли Б. Адамса, должны прежде всего овладеть Филиппинами. «Очевидно,— писал Б. Адамс,— основные интересы (США) будут охватывать Тихий океан, им они будут владеть как внутренним морем. Естественным фокусом такой тихоокеанской системы станет Манила... военный и коммерческий ключ к Восточной Азии. Укрепившись здесь... и располагая достаточной силой, чтобы не позволить конкурентам закрыть от нас китайский материк, США, по всей вероятности, превратятся в более мощную крепость богатства и могущества, чем Англия, Рим или Константинополь»⁵.

Другим направлением американской экспансии Б. Адамс считал страны Карибского моря: «Карибский архипелаг должен, очевидно, быть поглощен экономической системой США»⁶.

Но ни Китай, ни страны Карибского моря, по мнению этого исследователя, не являются конечной целью: «Экспансия США автоматична и неизбежна... Америка должна распространять и концентрировать свое влияние до тех пор, пока будут достигнуты пре-

¹ B. Adams. America's Economic Supremacy, p. 151.

² Ibid., p. 85.

³ Ibid., p. 98.

⁴ Ibid., p. 79, 173.

⁵ Ibid., p. 105.

⁶ Ibid., p. 130.

дели возможного...»¹ Уже в XIX веке на языке американских экспансионистов предел возможного означал господство над миром. «В настоящее время,— писал Б. Адамс,— все признаки указывают на приближающееся верховенство США»².

Таким образом, уже к концу XIX века американский империализм располагал солидным идеологическим багажом, отражающим его притязания на господство в мире. Такие теоретики, как А. Мэхен, Б. Адамс и др., открыто провозгласили цели внешней политики империализма США и ее идеологические основы — культ силы, захватнической войны, убеждение в том, что США должны господствовать над миром, крайний шовинизм, пренебрежение к правам других народов.

«Всеобщее» увлечение империализмом, «всевозможное прикрашивание его — таково знамение времени»³, — отмечал В. И. Ленин, характеризуя писания экспансионистов XIX века.

Теории А. Мэхена, Б. Адамса и других экспансионистов подготовили почву для захвата Соединенными Штатами Кубы, Пуэрто-Рико, Филиппин, Гаваев. Это были одни из первых шагов США по пути экспансии в страны Латинской Америки и Китай. Знакомство с подобными теориями показывает, что к первой войне эпохи империализма — войне с Испанией 1898 г. правящий класс США готовился не только в военном отношении, но и в идеологическом.

Книги, откровенно излагающие экспансионистские концепции, предназначались в основном для узкого круга. Вместе с тем уже тогда правящий класс придавал большое значение идеологической обработке общественного мнения. По этому поводу А. Мэхен писал: «Народные чувства являются наиболее решающим элементом, определяющим национальные действия. По этой причине правительства прилагают все усилия к тому, чтобы, придав своим притязаниям видимость правдоподобия, удержать за собой народ»⁴.

¹ B. Adams. America's Economic Supremacy, p. 133.

² Ibid., p. 170.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 407.

⁴ A. Mahan. The Interest of America in International Conditions. N. Y., 1910, p. 167—168.

В идеологии империализма уже в этот период звучат лицемерные мотивы о «помощи» порабощенным народам, «поддержке» их в борьбе против чужеземного ига. Когда, например, в 1898 г. США захватили Кубу, в печати широко распространялась версия об их намерении «освободить» кубинский народ от испанского ига.

Аннексия Кубы и Филиппин в 1898 г. подготовила почву для дальнейшей экспансии США как в Латинскую Америку, так и на азиатский континент, в частности в Китай. «Филиппины — шаг к Азии и Китаю...»¹ — отмечал В. И. Ленин.

3. Идеологический фактор в борьбе империалистического лагеря против первой страны социализма

Важным этапом в борьбе империалистов США за мировое лидерство была первая мировая война 1914—1918 гг. «На сцене появился новый гигант империализма и претендент на мировую гегемонию...»², — отмечалось в резолюции VI съезда РСДРП(б) в августе 1917 г.

Создание Советского государства ознаменовало конец эры безраздельного господства капитализма и начало новой эры — эры социализма и коммунизма. «Империализм навсегда утратил монополию в решении мировых дел, какой он обладал до Октября 1917 года, перестал быть господствующей силой на международной арене»³.

В лице первого в мире социалистического государства империалистические претенденты на мировое господство встретили непреодолимое препятствие. Октябрьская революция не только вырвала Россию из капиталистической системы, но и послужила мощным стимулом революционной борьбы пролетариата в капиталистических странах и национально-освободитель-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 28, стр. 186.

² «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», т. I. 1898—1917. М., 1970, стр. 484.

³ «К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Тезисы ЦК КПСС». М., 1970, стр. 39.

ногого движения народов колоний и полуколоний. «Само появление Страны Советов сковало империалистам свободу рук на международной арене,— отмечается в Тезисах ЦК КПСС «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции».— Буржуазия вынуждена теперь действовать с оглядкой на Советский Союз»¹.

С этого времени коренным образом меняется сущность международных отношений. Если раньше она заключалась в борьбе социально однородных эксплуататорских классов между собой, то теперь сущность международных отношений составляет классовая борьба между буржуазией и завоевавшим государственную власть пролетариатом. Особенность борьбы империалистических государств за мировое господство в таких условиях состоит в том, что острее ее направлено против Советского государства. Первоочередная цель империализма — уничтожение социалистического строя, восстановление на всей земле безраздельного господства капиталистической системы.

Сразу же после победы Великой Октябрьской социалистической революции США берут на себя роль гаранта и охранителя мировой капиталистической системы. Осуществляя свои агрессивные планы, империализм США выступает прежде всего как активный организатор и участник борьбы против Советского государства и освободительного движения во всем мире, как международный жандарм.

В эпоху общего кризиса капитализма главной идеологической основой внешней политики США, основным идейно-политическим оружием американского империализма становится антисоветизм, широко используемый и для обоснования агрессивного внешнеполитического курса. Этой цели служит, в частности, возникший вскоре же после Октябрьской революции и живущий по сей день миф о «советской угрозе». «Всякий раз, когда империалистам требуется замаскировать свои агрессивные мероприятия,— отмечал Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев на XXIV съезде партии,— они пытаются воскресить миф о «советской угрозе»»².

¹ «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Документы и материалы». М., 1967, стр. 83.

² «Материалы XXIV съезда КПСС», стр. 28.

Правящие круги США активно участвовали в империалистическом заговоре против молодой Советской республики.

8 января 1918 г. президент Вильсон выступил с пресловутыми «четырнадцатью пунктами». Вильсон рассчитывал ввести в заблуждение мировое общественное мнение, лицемерно провозгласив дружественное отношение к Советской России, тогда как на деле уже шла подготовка к военной интервенции против нее. Пункт шестой вильсоновской декларации провозглашал право России принимать «независимое решение относительно ее собственного политического развития и ее национальной политики» и обещал ей «рациональный прием» в Лиге наций «при том образе правления, который она сама для себя изберет». «Отношение к России в грядущие месяцы со стороны сестер-наций,— говорилось далее,— послужит лучшей проверкой их доброй воли и понимания ими ее нужд... проверкой их разумной и бескорыстной симпатии»¹.

На деле «бескорыстная симпатия» выразилась в широкой поддержке контрреволюционных сил в России. Американское правительство поддерживало (займами и вооружением) белогвардейцев в Архангельске, атаманов Семенова, Калмыкова и Колчака в Сибири².

Заверяя в своей приверженности к миру, правительство США в то же время пыталось любыми путями сорвать заключение мирного договора между Советской Россией и Германией, который был крайне необходим нашей стране.

И после заключения Брестского мира правительство США не прекратило вмешательства во внутренние дела Советского государства. «Мы не признаем Брест-Литовский мир»³,— заявил посол Френсис. На следующий день после ратификации Брестского мирного договора, 16 марта 1918 г., он обратился с заявлением ко всем контрреволюционным силам России, призывая к свержению Советской власти и продолже-

¹ «Архив полковника Хауза», т. IV. М., 1944, стр. 151.

² «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. Russia. 1918», vol. II. Wash., 1931, p. 47—48, 155, 162.

³ D. Francis. Russia from the American Embassy. N. Y., 1921, p. 239.

нию войны против Германии. «Если какая-либо часть России откажется признать власть большевистского правительства,— писал Френсис в Вашингтон,— я буду поощрять эту борьбу». При этом он неоднократно заверял Советское правительство в том, что «не вмешивается во внутренние дела России»¹.

Чтобы дискредитировать мирную политику Советского правительства, пропагандистское ведомство США («Комитет Крила») организовало идеологическую диверсию. В октябре 1918 г. оно распространило в миллионах экземпляров так называемые «Документы Сиссона», представляющие собой грубую фальшивку. Сопровождавший «Документы» сенсационный заголовок — «Германо-советский заговор» — выдавал их назначение: оклеветать Советское правительство, изобразив большевиков «тайными германскими агентами»². Почти одновременно в конгрессе (сенатским подкомитетом под председательством сенатора Овермэна) проводилось «расследование большевизма»; с показаниями выступали бежавшие из России контрреволюционеры. Протоколы овермэновского подкомитета были изданы в 1919 г. и содействовали раздуванию антисоветских настроений³.

Идеологические средства, которые правительство США использовало в поддержку своей внешней политики в отношении Советской России, отличались, таким образом, крайним лицемерием: с одной стороны, делались официальные заявления о «дружественном отношении» и «помощи», а с другой — осуществлялись подрывные политические действия, проводились клеветнические кампании.

То же лицемерие характеризовало позицию американского правительства в вопросе об интервенции. В официальных документах неизменно говорилось о «дружбе» и «помощи» русскому народу. Так, на Севере английские, американские, французские войска высаживались будто бы лишь для «охраны» военных складов Антанты от немцев. Для «охраны жизни»

¹ D. Francis. *Russia from the American Embassy*. N. Y., 1921, p. 236, 257.

² «The German-Bolshevik Conspiracy. War Information Series». October, 1918, N 20.

³ «Bolshevik Propaganda». Hearings before a Subcommittee of the Judiciary. U. S. Senate. Sixty-fifth Congress. Wash., 1919.

граждан союзных держав и якобы «защиты» России от немецких военнопленных была начата союзная интервенция на Дальнем Востоке. США приняли в ней участие «неохотно», поддаваясь уговорам и давлению со стороны Англии и Франции и руководствуясь всецело чувством «дружбы» к русскому народу¹.

Эта аргументация, прикрывавшая подготовку империалистическими державами войны против нашей страны, была исчерпывающим образом разоблачена в выступлениях В. И. Ленина и советских дипломатических документах. «Они все кричат о демократизме,— говорил В. И. Ленин,— но ни в одном парламенте мира они не посмели сказать, что объявляют войну Советской России»².

Убедительные свидетельства агрессивного характера вторжения США в Россию, его антисоветских целей приводятся в воспоминаниях генерала У. Грэвса, командующего американским экспедиционным корпусом в Сибири. В книге «Американская авантюра в Сибири (1918—1920)», написанной по прямому заданию военного министра США Н. Бекера, он утверждает: «Я сомневаюсь, мог ли какой-нибудь непредубежденный человек считать, что Соединенные Штаты не вмешивались во внутренние дела России. Вследствие этого вмешательства Соединенные Штаты при помощи своих вооруженных сил помогли продержаться непопулярному и монархически настроенному правительству (Колчака.—А. К.), к чему подавляющая масса населения относилась отрицательно. Этим поступком Соединенные Штаты снискали себе ненависть со стороны более чем 90% населения в Сибири»³. И далее: «...остается в силе тот факт, что подобное выступление являлось интервенцией и как таковое было обдуманным вмешательством во внутренние дела русского народа, продолжившим гражданскую войну и сопровождавшимся неслыханной потерей человеческих жизней и имущества»⁴.

¹ См. Грэвс. Американская авантюра в Сибири (1918—1920). М., 1932, стр. 8—9.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 392.

³ Грэвс. Американская авантюра в Сибири (1918—1920), стр. 242.

⁴ Там же, стр. 245.

Существует важный американский источник, который разоблачает подлинные планы США в отношении Советской России в 1918—1919 гг. Речь идет о так называемом «Дневнике Миллера», представляющем собой 20-томный сборник документов, собранных американским юридическим экспертом на Парижской мирной конференции в 1919 г. Д. Миллером¹. «Дневник Миллера» был отпечатан всего в 40 экземплярах и является библиографической редкостью.

В IV томе «Дневника Миллера» опубликован уникальный документ, составленный 21 января 1919 г. государственным департаментом для делегации США на Парижской конференции. Документ содержит географическую карту расчленения России. Карта озаглавлена «Предлагаемые границы в России»². Судя по этой карте, американские империалисты планировали отторгнуть от России значительно большую территорию, чем Германия по условиям Брестского договора. Предполагалось отсечь от территории нашей страны не только Прибалтику, Белоруссию и Украину, но и Кавказ, Сибирь и все среднеазиатские области³.

В комментарии к карте говорилось, что сохранение целостности России «допускается» только в случае свержения Советской власти и восстановления буржуазных порядков. «С другой стороны,— подчеркивалось в нем,— если большевистское правительство останется у власти и будет продолжать свой нынешний курс к тому времени, когда русские территориальные вопросы будут решаться на мирной конференции, не представляется другого выбора, кроме признания независимости и начертания границ всех нерусских национальностей...» Уничтожить Советское государство, насилием расчленить его и создать на отторгнутых территориях марионеточные буржуазные государства — такова была цель Англии, Франции, США.

Набор аргументов, призванных «оправдать» анти-

¹ D. H. Miller. *My Diary at the Conference of Paris*. 20 volumes. N. Y., 1924—1926.

² D. H. Miller. *My Diary at the Conference of Paris*, vol. IV, p. 219—220, Document 246.

³ Подробное описание карты см. в кн.: А. Е. Кунина. Провал американских планов завоевания мирового господства в 1917—1920 гг. М., 1954, стр. 96—100.

советскую интервенцию 1918—1920 гг., прочно вошел в арсенал идеологических средств внешней политики США. Те же мотивы о «помощи», «поддержке», необходимости «защиты американских граждан» выдвигаются всякий раз, когда требуется замаскировать агрессивные действия против суверенных и независимых государств.

4. Идеологическая маскировка внешней политики американского империализма накануне второй мировой войны

На протяжении последних десятилетий американская буржуазная историография предпочитает молчать о роли империализма США в развязывании второй мировой войны. Между тем общеизвестно, что западные державы активно содействовали возрождению германского милитаризма, проводили политику поощрения фашистских государств с целью направить гитлеровскую агрессию против СССР. «Антисоветская направленность гитлеровской политики активно поддерживалась реакционными кругами Запада. Империалисты Соединенных Штатов Америки, Англии и Франции немало сделали, чтобы после первой мировой войны возродить германский милитаризм и направить его против Советского Союза»¹.

31 августа 1935 г., в то время, когда правительство СССР настойчиво добивалось создания системы коллективной безопасности, президент США подписал закон о нейтралитете. Не делая различия между агрессором и его жертвами, этот закон, как и известные дипломатические маневры Англии и Франции, способствовал разжиганию державами «оси» второй мировой войны.

Одновременно буржуазная пропаганда вновь широко развернула антисоветскую кампанию.

Идеологические диверсии в этот период преследовали несколько целей: дискредитировать Советский

¹ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. I. М., 1970, стр. 122.

Союз — единственную страну, ведущую последовательную борьбу за мир и коллективную безопасность, за обуздание фашистских агрессоров; бросить тень на международное коммунистическое движение; разоблачить прогрессивные силы, активно выступавшие против угрозы фашизма и войны. Вместе с тем буржуазные теоретики стремились замаскировать классовую природу фашизма, представляющую собой открытую террористическую диктатуру наиболее реакционных, шовинистических элементов финансового капитала, сущность которого была разоблачена коммунистами. Разного рода семантические «новшества» — «унитаризм», «тоталитаризм» — должны были отвлечь внимание мирового общественного мнения от коренной, раскрытоей В. И. Лениным истины о том, что «политическая реакция по *всей* линии — свойство империализма»¹.

Желая сыграть на антифашистских настроениях масс, теоретики буржуазии выдвинули идею о реакционности диктатуры (независимо от классового содержания) в противовес демократии (разумеется, буржуазной). Ее «научным» фундаментом служила теория «массового общества». Источником антидемократических тенденций, утверждали творцы этой теории, является сам демос, т. е. народ². В 30-х годах социологи консервативного направления — Х. Ортега-и-Гассет, Э. Ледерер, К. Мангейм — характеризовали революционный подъем 1917—1920 гг. как «бунт толпы», угрожающий цивилизации. Сотворив пугало в виде «человека масс», они возлагали на него вину за порождаемые империализмом величайшие социальные бедствия — фашизм и войну, обвиняли в «тоталитаризме». Согласно теории «массового общества», народ тоталитарен и тогда, когда создает диктатуру пролетариата, от которой, следовательно, также исходит «угроза»³.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 164.

² См. Г. К. Ашин. Миф об элите и «массовом обществе». М., 1966, стр. 99.

³ «Большевизм и фашизм... типичные движения массового человека», — писал Ортега-и-Гассет (*J. Ortega-y-Gasset. The Revolt of the Masses. N. Y., 1932, p. 67*).

Любопытно отметить, что тезис о «тоталитаризме», изобретенный реакционной буржуазией, дополнялся троцкистским — о «бонапартизме» масс. Схожесть аргументации теоретиков ультраправых кругов буржуазии и ультралевых в международном рабочем движении прослеживается на примере высказываний бывшего троцкиста Джеймса Бэрнхема. В силу стихийного движения масс революция, по мнению Бэрнхема, неизбежна, но она вырождается в бонапартизм, приводит к образованию тоталитарного государства и обязательно ведет к войне. Утверждая, что угроза войны в равной мере исходит и от Советского Союза, и от фашистской Германии, он с нетерпением ожидал нацистского нападения на СССР, а после 22 июня 1941 г. предрекал поражение социалистического государства и образование мировой империи во главе с тремя «сверхдержавами» — Японией, Германией и США¹.

Главной мишенью реакционной пропаганды, распространявшей в 30-х годах тезисы о «тоталитаризме», «коммунистической угрозе», служил Советский Союз. Это было не что иное, как «идеологический Мюнхен», призванный, подобно известным маневрам западных «умиротворителей», расчистить путь фашистским захватчикам, заранее отождествить их с жертвами агрессии, практически переложив на последних ответственность за развязывание войны².

Своего апогея антисоветская подрывная кампания достигла в 1939 г., когда СССР, убедившись в нежелании западных держав создать систему коллективной безопасности в Европе, был вынужден подписать с германским правительством договор о ненападении.

¹ J. Burnham. The Managerial Revolution. N. Y., 1941; J. Burnham. The Machiavellians. N. Y., 1943.

² Антисоветская клевета нашла отражение в сборнике «Нацистско-советские отношения 1939—1941 гг.», изданном госдепартаментом США в 1948 г. Цель этой публикации, как отмечалось в исторической справке Совинформбюро «Фальсификаторы истории», заключалась «не в том, чтобы дать объективное изложение исторических событий, а в том, чтобы исказить действительную картину событий, оболгать Советский Союз, оклеветать его и ослабить международное влияние Советского Союза, как подлинно демократического и стойкого борца против агрессивных и антидемократических сил» («Фальсификаторы истории. Историческая справка». М., 1952, стр. 5).

Летом 1939 г., отмечается в исторической справке «Фальсификаторы истории», «...выбор, стоявший перед Советским Союзом, был таков:

либо принять в целях самообороны сделанное Германией предложение о заключении договора о ненападении и тем самым обеспечить Советскому Союзу продление мира на известный срок, который мог быть использован Советским государством в целях лучшей подготовки своих сил для отпора возможному нападению агрессора,

либо отклонить предложение Германии насчет пакта о ненападении и тем самым позволить провокаторам войны из лагеря западных держав немедленно втравить Советский Союз в вооруженный конфликт с Германией в совершенно невыгодной для Советского Союза обстановке, при условии полной его изоляции.

В этой обстановке Советское правительство оказалось вынужденным сделать свой выбор и заключить с Германией пакт о ненападении»¹.

В 1971 г. Министерство иностранных дел СССР опубликовало сборник документов и материалов «СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь 1938 г.—август 1939 г.)»². Приведенные в сборнике документы подтверждают, что правительства западных держав преднамеренно сорвали переговоры 1939 г. с СССР об организации коллективного отпора агрессорам. «В этих условиях Советское правительство, не желая играть на руку провокаторам войны и стремясь оградить интересы своих народов, пошло на единственно возможный в сложившейся тогда обстановке шаг и подписало с Германией пакт о ненападении. Тем самым военное нападение фашизма на Советский Союз было задержано почти на два года, которые партия и правительство использовали для энергичной подготовки страны, народа и вооруженных сил к надвигавшейся войне»³. В исторической справке «Фальсификаторы истории» с полным основанием ска-

¹ «Фальсификаторы истории. Историческая справка», стр. 53.

² См. «СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь 1938 г.—август 1939 г.). Документы и материалы». М., 1971.

³ В. Г. Трухановский. Правда о 1939 году: новые данные. «Вопросы истории», 1971, № 7, стр. 24.

зано, что подписание советско-германского договора о ненападении явилось « дальновидным и мудрым шагом советской внешней политики при создавшейся тогда обстановке»¹.

Антисоветская шумиха, поднятая в связи с подписанием советско-германского пакта о ненападении пропагандистскими аппаратами западных держав, чьи планы развязать войну между капиталистическим миром и изолированной Советской страной оказались сорванными, стала понемногу стихать лишь после памятного для всех народов дня 22 июня 1941 г., когда началась Великая Отечественная война советского народа против фашистской Германии.

Идеологической маскировкой проводимой империалистами США политики поощрения агрессоров служил и другой тезис буржуазной пропаганды — об «изоляционизме» масс. Как известно, политика правящих кругов Англии, Франции, США, прикрывавшаяся «невмешательством» и «нейтралитетом», была главным препятствием на пути создания системы колlettивной безопасности, предложенной Советским Союзом. Между тем в 30-х годах в американских документах, в заявлениях и высказываниях официальных лиц делались попытки переложить ответственность за политику «нейтралитета» на американский народ, обвинив его в приверженности к изоляционизму. Эту версию подхватила буржуазная пропаганда, настойчиво твердившая, будто «американский народ в 30-е годы — это «изоляционистски» настроенный народ, который решительно противился проведению Соединенными Штатами курса на оказание противодействия агрессии фашизма и выступал за полный нейтралитет США»². Правительство же США, согласно этой версии, якобы осуществляло политику для него — народа — приемлемую, а именно политику «нейтралитета».

Концепция об «изоляционизме» масс нашла отражение в изданных американским правительством до-

¹ «Фальсификаторы истории. Историческая справка», стр. 53.

² Д. Г. Наджафов. Критика концепции «изоляционизма» в американской буржуазной историографии (К вопросу об отношении народных масс США к проблеме войны и мира в 30-е годы). «Против фальсификации истории второй мировой войны». М., 1964, стр. 43.

кументах о политике США в 1931—1941 гг.¹, мемуарах государственного секретаря в 1933—1944 гг. К. Хэлла и других политических деятелей².

Нет нужды подробно останавливаться на разоблачении этой концепции. Основываясь на документах³, советские историки дали обстоятельную характеристику внешней политики США в предвоенный период⁴. Факты показывают, что натравливание Германии на Советский Союз, нашедшее наиболее полное выражение в мюнхенском говоре 1938 г., было важной составной частью внешней политики США в период между двумя мировыми войнами⁵. В основе этого курса лежала финансовая поддержка американскими монополиями фашистской Германии. Многочисленные факты свидетельствуют и о поддержке концернами США милитаристской Японии. Такая политика правящих кругов тщательно маскировалась ссылками на «нейтралитет», «миролюбие», «гуманизм» США.

¹ «Peace and War: United States Foreign Policy. 1931—1941». Wash., 1943.

² «The Memoirs of Cordell Hull». Volumes I—II. N. Y., 1948; S. Welles. The Time for Decision. Cleveland, N. Y., 1945.

³ См. «Внешняя политика СССР. Сборник документов» т. IV (1935—июнь 1941). М., 1946; «Документы внешней политики СССР» т. VIII. М., 1963, т. XI. М., 1966; «Новые документы из истории Мюнхена». М., 1958.

⁴ См. Е. В. Ананова. Новейшая история США. 1919—1939 годы. М., 1962; М. Батурина. США и Мюнхен (Из истории американской внешней политики 1937—1938 гг.). М., 1961; В. А. Вальков. СССР и США (Их политические и экономические отношения). М., 1965; Н. Н. Иноземцев. Внешняя политика США в эпоху империализма. М., 1960; Б. И. Марушкин. Американская политика «невмешательства» и японская агрессия в Китае (1937—1939 гг.). М., 1957; В. А. Матвеев. Провал мюнхенской политики (1938—1939 гг.). М., 1955; Ю. М. Мельников. США и гитлеровская Германия. 1933—1939 гг. М., 1959; Д. Г. Наджафов. Народ США — против войны и фашизма. 1933—1939. М., 1969; Р. С. Овчинников. За кулисами политики «невмешательства». Испанский вопрос в политике империалистов Англии, Франции и США накануне второй мировой войны. М., 1959; И. Д. Овсяный. Тайна, в которой война рождалась (Как империалисты подготовили и развязали вторую мировую войну). М., 1971; Г. Н. Севостьянов. Политика великих держав на Дальнем Востоке накануне второй мировой войны. М., 1961; В. К. Фураев. Советско-американские отношения. 1917—1939. М., 1964; Н. Н. Яковлев. Новейшая история США. 1917—1960. М., 1961.

⁵ См. И. Д. Овсяный. Тайна, в которой война рождалась, стр. 43—47.

Распространяя мифы об «изоляционизме» и «миролюбии» США, буржуазные идеологи не только обеяли действия американских правящих кругов, направленные на разжигание войны в Европе и на Дальнем Востоке, но также в ложном свете изображали настроения народа США в предвоенные годы. Американский народ не только не был настроен изоляционистски, как это пытаются представить буржуазные исследователи, но активнейшим образом на протяжении 30-х годов боролся против войны и фашизма¹. «Крупнейшие массовые выступления рабочих, безработных, фермеров, негров, молодежи, женщин и интеллигентов в ранние годы нового курса в Соединенных Штатах имели прямое отношение к развивавшейся борьбе против мирового фашизма»², — писал Председатель Национального комитета Компартии США Уильям З. Фостер в «Истории Коммунистической партии Соединенных Штатов».

В то время как в официальных американских документах и выступлениях политических деятелей предвоенных лет на разные лады склонялись такие слова, как «нейтралитет», «изоляционизм», «миролюбие», содержание многих книг 30-х годов удивительно напоминает проекты экспансионистов XIX века. В изданной в 1937 г. книге «Боится ли Америка? Новая внешняя политика для США» Л. Хартли, бывший сотрудник госдепартамента, откровенно изложил расчеты правящих кругов в связи с надвигавшимся мировым конфликтом. «Мы можем легко создать американскую империю, управляемую из Вашингтона, — писал он. — Мы имеем возможность в настоящее время... взять курс на подобную политику и подчинить все западное полушарие американскому флагу. Активное и умелое использование нашей морской, экономической и потенциальной военной мощи позволит нам даже расширить наше господство за пределы полушария, пока Европа и Восточная Азия остаются раздробленными, для того чтобы установить мировую американскую ге-

¹ Исчерпывающее исследование этого вопроса дано в кн.: Д. Г. Наджафов. Народ США — против войны и фашизма. 1933—1939. М., 1969.

² W. Z. Foster. History of the Communist Party of the United States. N. Y., 1952, p. 320.

гемонию и направить всемирное развитие по пути установления нашего мирового господства, основанного на американских долларах, линкорах и бомбардировщиках»¹.

Хартли выражал взгляды сторонников так называемой школы «политического реализма». Предвидя возможности небывалого расширения могущества США, представители этой школы вновь открыто провозгласили культ силы, впервые сформулированный экспансионистами XIX века. Н. Спайкмен в изданной в 1942 г. книге «Американская стратегия в мировой политике» писал: «Только сила может способствовать достижению целей внешней политики... В международных отношениях все формы насилия, включая разрушительные войны, допустимы... Сила равнозначна выживанию, способности навязать свою волю другим; она дает возможность диктовать тем, кто лишен силы. В случае, когда конечной формой конфликта является война, борьба за силу становится борьбой за военную силу, т. е. подготовкой войны... Имеется тенденция рассматривать мир как нормальное, а войну — как ненормальное состояние,— продолжает Спайкмен,— но это результат интеллектуальной путаницы. Война — неприятное явление, но она представляет собой составную часть жизни системы государств, состоящей из суверенных самостоятельных единиц»².

Однако в годы войны, когда Советский Союз и народы других стран вели освободительную борьбу против фашистских захватчиков, подобные откровения империалистических идеологов не поднимались на щит буржуазной пропагандой. Их время пришло позднее.

* * *

*

С наступлением эпохи империализма идеологический фактор приобретает все возрастающее значение во внешней политике США. Он неизменно сопутствует нарастающему экспансионизму американских моно-

¹ L. Hartley. Is America Afraid? A New Foreign Policy for the United States. N. Y., 1937, p. 63—64.

² N. Spykman. America's Strategy in World Politics. The United States and the Balance of Power. N. Y., 1942, p. 18.

полий. Их идеологическому кредо присуща глубокая реакционность, пренебрежение к жизненным интересам народов, культивированная, антинародная, антиреволюционная направленность. Однако свою классовую политику, империалистическую борьбу за мировое господство правящие круги США пытаются представить как естественный, неизбежный процесс, воплощающий «национальные интересы» страны в целом.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции в России реакционный характер внешней политики империализма США выступает особенно отчетливо. На пути империалистических планов завоевания мирового господства непреодолимой преградой встает первое в мире социалистическое государство. Отныне антисоветизм становится главным идеино-политическим оружием империализма.

1. Политика «с позиции силы»

Есть ли год, который более памятен людям нынешнего поколения, чем 1945-й, год окончания войны, год, когда героическая борьба советского народа, народов других стран завершилась победой над фашизмом?

Однако 1945 год памятен и другим. В самом конце войны, когда милитаристская Япония уже находилась накануне капитуляции, по приказу президента США Трумэна на два японских города — Нагасаки и Хирошиму — были сброшены атомные бомбы... В результате бомбардировок было убито и искалечено 447 тыс. мирных жителей.

Президент Трумэн отдавал себе отчет в страшных последствиях атомной бомбардировки. «Я понимал, конечно, что взрыв атомной бомбы причинит невообразимый ущерб иувечья»¹, — пишет он в своих мемуарах. Но он тем не менее пошел на этот шаг, руководствуясь якобы «гуманным» стремлением положить конец войне с «наименьшими потерями» для США. Этот аргумент по сей день выдвигается в качестве официального объяснения атомной бомбардировки японских городов.

В действительности никакой военной необходимости в применении атомной бомбы не было. 8 августа 1945 г. Советский Союз объявил войну Японии. Первая американская бомба была сброшена за два дня до официального заявления правительства СССР о вступ-

¹ Harry S. Truman. Memoirs, vol. I. Years of Decision. N. Y., 1955, p. 419.

лении в войну, другая — в день, когда Советские Вооруженные Силы начали боевые действия против Японии. В ходе наступления Советской Армии была разбита отборная Квантунская армия, насчитывающая 881 тыс. человек. Именно это наступление, а не атомные бомбы, сброшенные на Хиросиму и Нагасаки, решило исход войны.

Разгромив Квантунскую армию и положив конец войне на Тихом океане, Советский Союз спас японский народ от третьей атомной бомбы, которую американское командование предполагало сбросить. Все было для этого готово. «...Наши заводы,— свидетельствует генерал Гровс, руководивший работами по созданию бомбы,— теперь (т. е. после взрыва атомных бомб в Хиросиме и Нагасаки.— *A. K.*) работали таким темпом, что ядерный заряд для бомбы мог быть немедленно готов для отправки на театр военных действий»¹. По решению американского командования отправка груза расщепляющегося сырья намечалась на 13 августа. Американские журналисты Ф. Нивел и Ч. Бейли, получившие в 1961 г. доступ к секретным архивам, подтверждают намерение США сбросить третью атомную бомбу над Японией 17 или 18 августа.

К тому времени, однако, Советская Армия уже одерживала победу.

«Вступление России в войну (на Тихом океане),— говорил американский генерал Ченнолт, бывший главнокомандующий военно-воздушными силами США в Китае,— было решающим фактором, ускорившим ее окончание. Оно осталось бы таковым, даже если бы атомная бомба не была сброшена»². Это же косвенно признавал Черчилль, склонный преуменьшить вклад СССР в победу над Японией: «Было бы ошибкой предполагать, что судьбу Японии решила атомная бомба»³.

Вывод о том, что атомные бомбы не сыграли решающей роли в окончании войны на Тихом океане, подтверждается в официальном документе американских вооруженных сил (*«U. S. Strategic Bombing*

¹ *Л. Гровс.* Теперь об этом можно рассказать. М., 1964, стр. 292.

² *P. M. S. Blackett.* Fear, War and the Bomb. N. Y., 1949, p. 136.

³ *W. Churchill.* The Second World War, vol. VI. L., 1954, p. 559.

Survey»): «Япония капитулировала бы, даже если атомные бомбы не были бы сброшены»¹.

Почему же на японские города обрушились атомные бомбы, и именно 6 и 9 августа 1945 г.?

По мнению видного английского физика-атомника, лауреата Нобелевской премии профессора Блэкетта, одна из причин была чисто пропагандистской: союзники хотели преуменьшить в глазах мирового общественного мнения роль наступления советских войск в Маньчжурии, которое в кратчайший срок привело к капитуляции Японии. «Советское наступление пошло по своему запланированному победному руслу, почти не замеченное в той международной сенсации, которую вызвал взрыв бомбы»².

Разумеется, и это соображение — атомной сенсацией заглушить решающее значение советского наступления — сыграло свою роль. Главная же причина кроется в том, что для империализма высшим законом является закон силы, и прежде всего военной. Обладание превосходящей военной силой, новыми средствами истребления людей всегда рассматривалось империалистическими государствами как важнейшее условие обеспечения своего решающего влияния в мире. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что в условиях империализма капиталисты делят мир и разрешают противоречия по силе³.

Империалисты США не сомневались, что вторая мировая война приведет к истощению обеих воюющих сторон и тогда самой могущественной державой в мире окажется их страна⁴. Однако преградой на пути к осуществлению этих планов стал СССР. Председатель Национального комитета Компартии США Фо-

¹ Цит. по: *W. Wilds, editor. Japan's Struggle to End the War.* Wash., 1946, p. 13.

² *P. M. S. Blackett. Fear, War and the Bomb*, p. 135.

³ См. *В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 372, 394.*

⁴ Именно этот расчет нашел свое выражение в получившей печальную известность фразе сенатора Трумэна, произнесенной на следующий день после вероломного фашистского нападения на СССР: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше» (см. «Международные отношения после второй мировой войны», т. I (1945—1949 гг.). М., 1962, стр. 11).

стер (в июне 1945 г.) отмечал: «Воинствующие империалисты рассматривают США и СССР не как друзей, призванных сотрудничать в мирное время... а как врагов. Их цель — добиться господства США. К старой ненависти к СССР, обусловленной социалистической природой последнего, прибавилась новая: они считают СССР самым серьезным препятствием на пути осуществления империалистических планов»¹.

Победа Советского государства в войне продемонстрировала прочность социалистического общественного строя, неоспоримое преимущество социалистической системы над капиталистической, ее неограниченные потенциальные возможности развития экономики, непобедимость народа, взявшего власть в свои руки.

В разгроме фашистских держав во второй мировой войне наглядно проявилась закономерность новой эпохи: в условиях, когда империализм перестал быть всеохватывающей системой, привычный империалистический расчет исключительно на фактор силы несостоителен.

Однако правящие круги Соединенных Штатов продолжали придавать этому фактору решающее значение. Для них взрывы атомных бомб были прежде всего демонстрацией собственной силы, средством оповестить весь мир, что США являются единственным обладателем нового невиданного средства массового истребления людей. В атомной бомбе империалисты США видели модернизированный вариант «большой дубинки», которой на заре американского империализма размахивал Теодор Рузвельт.

Именно так расценивал атомную бомбу Трумэн. В июле 1945 г., с нетерпением ожидая в Потсдаме сообщения о результатах первого испытания атомного оружия, он позволил себе в доверительной беседе выразиться следующим образом: «Если она взорвется... у меня, конечно, будет дубина для этих парней!»²

Смысл политики угроз и шантажа в отношении СССР, получившей впоследствии название «атомной дипломатии», четко сформулировал Джеймс Бирнс, го-

¹ «Political Affairs», N 6, June 1945, p. 495.

² См. Г. Аллровиц. Атомная дипломатия: Хиросима и Потсдам. М., 1968, стр. 133.

сударственный секретарь в кабинете Трумэна: бомба «позволит нам занять такие позиции, с которых мы сможем после окончания войны диктовать наши условия»¹.

Надо сказать, что уже в ходе войны США и Англия пытались разговаривать с Советским Союзом «с позиции силы». Так было при обсуждении границ польского государства. В этой связи Председатель Совета Министров СССР И. В. Сталин счел нужным отметить (23 марта 1944 г.), что во взаимоотношениях между союзниками метод угроз ничего, кроме вреда, принести не может. В письме Трумэну от 24 апреля 1945 г. И. В. Сталин вновь подчеркнул недопустимость попыток правительства Соединенных Штатов и Великобритании диктовать представителям СССР свои требования².

Тем не менее правительство США и позднее прибегало к подобным методам. Так, 8 мая 1945 г., накануне Дня Победы, президент Трумэн в целях дипломатического давления на СССР отдал приказ о сокращении американских поставок по ленд-лизу³. 18 августа 1945 г., в самый разгар советского наступления против Японии, поставки были полностью прекращены.

В ходе Потсдамской конференции (17 июля — 2 августа 1945 г.) президент Трумэн прибег и к другому средству давления. Он пытался шантажировать Советское правительство наличием у США нового оружия небывалой разрушительной силы. (16 июля 1945 г. был произведен первый испытательный взрыв атомной бомбы в Аламогордо, штат Нью-Мексико.) Но, как отмечает в своих мемуарах У. Черчилль, глава советской делегации чрезвычайно спокойно воспринял сообщение Трумэна и больше к этому вопросу не возвращался.

Попытки американских империалистов прибегнуть к угрозам в отношениях с СССР были заранее обречены на провал. Тем не менее правительство США по-

¹ См. Г. Аллорвиц. Атомная дипломатия: Хиросима и Потсдам, стр. 8.

² См. «Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», т. II. М., 1957, стр. 133, 218.

³ Harry S. Truman. Memoirs, vol. I, p. 228.

шло именно по такому пути, поставив под удар не только сложившиеся в ходе войны отношения сотрудничества, но и перспективу мира в послевоенных международных отношениях. «Взрыв атомной бомбы был... первой крупной операцией холодной дипломатической войны с Россией»¹, — отмечает известный английский физик профессор Блэкетт.

Итак, империализм в этот период вновь вернулся к основанной на насилии антисоветской стратегии. Сразу же после окончания войны США развернули «холодную войну» против своего недавнего союзника. Следует подчеркнуть, что «холодная война» представляла собой не новую политику, а возврат к обанкротившемуся антисоветскому курсу империализма, начатому сразу после Великой Октябрьской социалистической революции. Известный американский историк У. Уильямс отмечал: «Решение уничтожить Советскую власть возникло не в 1945—1947 гг., а в январе 1918 г.»².

При этом совершенно сбрасывалось со счетов новое соотношение сил, сложившееся в мире в результате разгрома фашизма — победы, в которой решающая роль принадлежала Советскому Союзу.

Вступление ряда государств на путь социализма, рост международного рабочего и национально-освободительного движений свидетельствовали о том, что широчайшие народные массы стали активными участниками международных отношений.

Национальные интересы народов капиталистических стран, в том числе и США, требовали учета новой обстановки на международной арене, выработки соответствующей внешнеполитической стратегии. Однако правящие круги США из всего разнообразного арсенала средств, имеющихся в распоряжении внешней политики, на первый план выдвинули средства военные. Атомный шантаж, создание военных баз вокруг СССР и других социалистических стран, сколачивание агрессивных блоков, использование экономических средств в военных целях («доктрина Трумэна», «план Маршалла») — таково содержание политического курса

¹ P. M. S. Blackett. *Fear, War and the Bomb*, p. 139.

² W. A. Williams. *American-Russian Relation. 1781—1947*. N. Y., 1952, p. 107.

США, получившего название политики «с позиции силы». Суть этой политики еще в 1946 г. выразил Г. Трумэн: «К России надо обращаться с железным кулаком и крепкой руганью»¹.

Начатый правительством США сразу после окончания войны агрессивный курс во внешней политике привел к нарастанию международной напряженности.

В апреле 1949 г. США и ряд их западноевропейских партнеров заключили агрессивный Североатлантический договор. Североатлантический союз был направлен в первую очередь против СССР и других социалистических стран. «...«Новое направление» внешней политики правящих кругов этих государств заключается в том, что они *вернулись* к тому *старому антисоветскому курсу* внешней политики, строившейся на проведении изоляции СССР, которого они придерживались в годы, предшествовавшие второй мировой войне...»² — отмечалось в заявлении Министерства иностранных дел СССР. Вместе с тем пакт был враждебен и народам Западной Европы, ибо юридически закреплял «право» США размещать американские войска на территориях стран-участниц.

В основу военно-политической стратегии США в этот период легли доктрины глобальной и тотальной войны, предусматривавшие использование атомной бомбы против СССР³. «Намерение использовать (атомные) бомбы, чтобы одержать победу над Россией,— писал в июле 1949 г. военный обозреватель газеты «Нью-Йорк таймс» Х. Болдуин,— является главным положением доминирующей стратегической концепции... Это основа нашего политического мышления...»⁴. «Атомная бомба составляла сердцевину всей послевоенной политики милитаризма»⁵.

¹ H. S. Truman. Memoirs, vol. I, p. 552.

² «Внешняя политика Советского Союза. 1949 год». М., 1953, стр. 69.

³ См. М. А. Мильштейн, А. К. Слободенко. О буржуазной военной науке. М., 1957, стр. 210—213; «Военная стратегия». Под ред. Маршала Советского Союза Соколовского В. Д. М., 1962, стр. 194—228; Г. А. Трофименко. Стратегия глобальной войны. М., 1968, стр. 43—177.

⁴ H. Baldwin. What Kind of War. «The Atlantic Monthly», July 1949, p. 27.

⁵ «The Forrestal Diaries». Edited by Walter Millis. N. Y., 1966, p. 94.

Идеология милитаризма являлась доминирующей в правительственные кругах. Официальные лица, преимущественно военные, призывали к атомному блицкригу против СССР¹. Среди них были министр обороны в правительстве Трумэна Джеймс Форрестол, его преемник Луис Джонсон, адмирал Рэдфорд (с 1953 по 1957 г. председатель Комитета начальников штабов), генерал Макартур, бывший во время войны главнокомандующим американскими войсками на Дальнем Востоке, и многие другие официальные лица.

Реакционные идеологи пытались популяризировать идею «третьей мировой войны», изображая ее «необходимой» и «неизбежной»². Политическая литература США обогатилась новым сюжетом — культом атомной бомбы. Типичным явлением в этом смысле является изданная в 1947 г. книга «Борьба за мировое господство» Джеймса Бэрнхема³. Ни до, ни после нее не появлялось в американской печати такого откровенно восторженного панегирика военному оружию, средству массового истребления людей. «Тот, кто контролирует атом, управляет миром»; «В нынешнюю эпоху судьбы мира будут решать США»; «Гибель человечества предпочтительнее победы коммунизма»; «Лучше быть мертвым, чем красным» — афоризмы Бэрнхема превратились в классические девизы самой маxровой реакции.

Политика милитаризма закономерно сопровождалась усилением реакции во внутренней жизни страны. Подчеркивая, что милитаризм есть «жизненное проявление» капитализма, В. И. Ленин говорил о двух его формах: «как военная сила, употребляемая капиталистическими государствами при их внешних столкновениях («Militarismus nach aussen», как выражаются немцы) и как оружие, служащее в руках господствующих классов для подавления всякого рода (экономических и политических) движений пролетариата («Militarismus nach innen»)»⁴.

¹ D. Fleming. The Cold War and its Origins, vol. I. L., 1961, p. 392.

² J. Sheply, C. Blair, Jr. The Hydrogen Bomb. N. Y., 1954, p. 231.

³ J. Burnham. The Struggle for the World. N. Y., 1947.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 187.

Внутриполитическими «близнецами» агрессивной внешнеполитической «доктрины Трумэна», провозглашенной 12 марта 1947 г., явились приказ президента от 21 марта 1947 г. о проверке лояльности государственных служащих, ряд других реакционных законов. Началось преследование прогрессивных сил, в первую очередь Коммунистической партии США. «Главная цель самых крайних реакционеров — отмечал У. Фостер, — состоит в том, чтобы парализовать или уничтожить Коммунистическую партию... Это происходит потому, что им известно: наша партия, хоть она и невелика, говорит сильным и ясным голосом; она фактически является авангардом пролетариата»¹.

В систематически нагнетаемой атмосфере ненависти и страха на политической арене страны появился демагог и мракобес Джозеф Маккарти. Его именем была названа одна из самых мрачных полос в истории США². Потенциально заложенные в империалистическом государстве тоталитарные тенденции стали доминирующими. Даже буржуазная печать с тревогой писала о растущей в США «раковой опухоли тотализма»³.

Подобная политика не могла иметь перспектив. Атомная монополия, на которой строили свою стратегию правящие круги США, оказалась весьма кратковременной. 25 сентября 1949 г. всему миру стало известно, что Советский Союз обладает атомным оружием (в сообщении ТАСС указывалось, что секрета атомной бомбы не существовало для СССР с 1947 г.). В августе 1953 г. СССР произвел испытание водородной бомбы; такого оружия США тогда еще не имели. Подготовка империализмом США ядерной войны, таким образом, таило в себе серьезнейшую опасность для самих Соединенных Штатов.

Однако классовая ненависть монополистической буржуазии к СССР, мировому освободительному движению, стремление к глобальной экспансии все больше толкали правящие круги США на зыбкий путь политики «с позиции силы» и гонки вооружений.

¹ «Political Affairs», November 1954, p. 6.

² J. Anderson, R. May, *McCarthy. The Man, the Senator, the «ism»*. Boston, 1952, p. 278, 287.

³ «Washington Post», May 22, 1950.

Идеологическое обоснование этого курса стало важной составной частью государственной политики в США.

2. Концепция «коммунистической угрозы» — идеологическое обоснование политики «с позиции силы»

Серьезной преградой в осуществлении империалистами США агрессивной антисоветской политики были настроения общественности. Среди американского народа преобладали антифашистские, освободительные тенденции и были сильны чувства симпатии и дружбы к Советскому Союзу. «Американский народ хотел одного — продолжения сотрудничества с доблестным русским союзником, совместных усилий в борьбе за длительный и прочный мир»¹, — справедливо замечает американский историк профессор Д. Флеминг, автор объективного исследования об истоках «холодной войны».

Испытанный способ привлечения общественного мнения на сторону милитаризма состоит в том, чтобы создать видимость существования угрозы. «Угроза войны, — подчеркивал в свое время генерал Людендорф, — является именно тем понятием, которое говорит народному духу гораздо больше, чем приказ о мобилизации... Ведь народ в целом и каждая отдельная единица его только тогда будут поддерживать войну, когда проникнутся убеждением, что дело идет об угрозе их существованию»².

Главным аргументом для идеологического обоснования американской политики «с позиции силы» становится миф о «коммунистической угрозе».

20 сентября 1945 г. госпожа Клер Люс, жена владельца журналов «Лайф», «Тайм», «Форчун» Генри Люса (автора нашумевшей книги «Американский век»), член палаты представителей от штата Коннектикут, выступила в конгрессе с пространной речью. Она не пожалела красок, чтобы поразить воображе-

¹ D. Fleming. The Cold War and its Origins, vol. I, p. 417.

² General Ludendorf. Der Totale Krieg. München, 1935, S. 87.

ние конгрессменов картиной Америки, превращенной в руины в результате одновременного удара 100 атомных бомб. Завладев секретом производства атомной бомбы, некая страна немедленно употребит его, чтобы снести с лица земли Соединенные Штаты¹. «Если Россия овладеет секретом атомной бомбы, она воспользуется им для того, чтобы завоевать господство над миром»², — вторил госпоже Люс член палаты представителей Кокс. Подобные речи стали раздаваться в конгрессе все чаще и чаще.

Клевету о «советской угрозе» подхватила буржуазная печать — от «желтой прессы» до вполне респектабельных изданий. Газеты «Нью-Йорк таймс», «Нью-Йорк геральд трибюн» пестрели заголовками, подчекивающими необходимость всеобщей мобилизации для «защиты» от нависшей над США «угрозы»: «Требование промышленного планирования для войны — генерал Хьюз предлагает немедленно рассредоточить предприятия или перевести их под землю»; «Армия спасет артиллерийские заводы — следует сохранить достаточное количество промышленных предприятий на случай любого нового кризиса»; «Промышленность изучает план «военных игр» — руководители планируют генеральную репетицию мобилизации»...

«Военщинае нужно было создать видимость существования угрозы. Такой угрозой стала Россия, — поясняет смысл этой кампании прогрессивный публицист Фред Кук в памфлете «Государство войны». — Людей нужно было запугать... Умышленно создаваемая обстановка страха и террора должна была убедить американский народ, что мы находимся на грани войны с Россией и что на карту поставлено наше существование»³.

Милитаристская пропаганда возымела определенный эффект. В конце 1945 г., по данным исследовательского центра по изучению общественного мнения, возможность войны допускали 32% опрошенных. Че-

¹ «Congressional Record», vol. 91, P. 7, Wash., 1948, p. 8870—8871.

² Ibid., p. 9813—9814.

³ Ф. Кук. Государство войны. Джаггернаут. М., 1962, стр. 42, 45—46.

рез год процент увеличился до 41, а к концу 1947 г.— до 63.

Представители монополий впоследствии откровенно признали «заслуги» пропаганды в создании атмосферы страха, которая позволяла проводить через конгресс возраставшую с каждым годом программу гонки вооружений. 26 апреля 1951 г. Чарльз Вильсон из корпорации «Дженерал электрик», занимавший в то время пост начальника управления мобилизации на оборону, выразил благодарность издателям газет за то, что они опубликовали «миллион слов, формулирующих мысль... что свободному миру угрожает смертельная опасность». Это позволило конгрессу «проголосовать за ассигнование тех огромных сумм, которые в настоящее время расходуются ради предотвращения этой опасности...»¹.

У проповедников «холодной войны» концы явно не сходились с концами. Советский Союз в первые послевоенные годы не имел атомной бомбы, монополия на атомное оружие принадлежала Соединенным Штатам. Из этого обстоятельства, как справедливо замечает Д. Флеминг, следовало, что только от США, и никакой другой страны, могла исходить угроза войны. «Полагать, что Советский Союз, потерпевший огромный ущерб и располагавший обширнейшей территорией, изобиловавшей неисчислимыми богатствами, вдруг пожелал нашего уничтожения и стал к этой цели сознательно стремиться, могли только лица с болезненно взвинченными эмоциями»².

Наиболее дальновидные политические деятели понимали абсурдность антисоветской клеветы. Ближайший советник Рузвельта Гарри Гопкинс летом 1946 г. выразил убеждение в том, что у русских нет никакого желания воевать с США, что они хотят поддерживать дружественные отношения. Он предупреждал, что «группка крикунов», запугивающая войной, «может привести только к катастрофе»³. 23 июля 1946 г. министр торговли Генри Уоллес направил президенту Трумэну письмо, в котором призывал «оказать проти-

¹ Ф. Кук. Государство войны. Джаггернаут, стр. 52—53.

² D. Fleming. The Cold War and its Origins, vol. I, p. 402—403.

³ Роберт Шервуд. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца, т. 2. М., 1958, стр. 661—663.

воздействие иррациональному страху перед Россией, систематически прививаемому американскому народу некоторыми лицами и органами печати... Мы являемся самой могущественной страной в мире, единственной союзной страной, которая не только не имела ущерба от войны, но вышла из нее намного окрепшей. Ссылки на необходимость дальнейшего укрепления нашей обороны — сплошное лицемерие»¹.

«Американские лидеры,— писал впоследствии историк У. Уильямс,— не руководствовались страхом перед русской экспансией... Об этом говорят их неоднократные заявления, отрицающие возможность нападения со стороны России»². «Европейские державы отнюдь не считали, что над ними нависла неотвратимая угроза,— пишет Д. Горовиц,— ...и действительно никакой непосредственной угрозы их безопасности не было... Вся ортодоксальная концепция, изображающая американскую политику в отношении Советского Союза в качестве оборонительной, терпит крах, если внимательно изучить основные события»³.

В выдумку о «советской угрозе» не верили в первую очередь те официальные лица, которые о ней говорили. Джеймс Форрестол, в ту пору министр военно-морского флота, 10 июня 1946 г. зафиксировал в дневнике свою уверенность в том, что русские «не будут наступать ни этим летом, ни вообще когда бы то ни было». Впрочем, это не мешало ему призывать к немедленной всеобщей мобилизации для защиты США от «нападения русских».

3 августа 1948 г. американский посол в СССР У. Б. Смит сообщил правительству свое мнение о том, что «руssкие не хотят войны»⁴. В марте 1949 г. Дж. Ф. Даллес заявил: «...Советское правительство при существующих обстоятельствах не намерено прибегнуть к войне как к инструменту национальной политики. Я не знаю ни одного ответственного офици-

¹ H. Wallace. The Path to Peace with Russia. «New Republic», September 30, 1946, p. 401—406.

² W. Williams. The Tragedy of American Diplomacy. Cleveland, 1959, p. 179—180.

³ D. Horowitz. The Free World Colossus. A Critique of American Foreign Policy in the Cold War. N. Y., 1965, p. 258.

⁴ «The Forrestal Diaries», p. 171, 469.

ального лица в нашем или каком-либо другом правительстве, которое считает, что Советское правительство стремится к завоеваниям посредством открытой военной агрессии»¹. В декабре 1950 г., через полгода после начала войны в Корее, новый американский посол в СССР А. Кэрк подтвердил, что «не заметил в Москве каких-либо признаков того, что Россия ожидает войны в настоящее время»².

И тем не менее миф о «коммунистической угрозе» постепенно становится в США преобладающей официальной концепцией. Во внешнеполитических документах и заявлениях государственных деятелей проводится мысль: сохранение капитализма требует искоренения социализма, путь переговоров и соглашений с Советским Союзом исключен. «Мы пытаемся сохранить мир, в котором будут существовать капиталистические — демократические порядки», — записывает в своем дневнике 2 января 1946 г. Дж. Форрестол; Форрестол считал, замечает У. Миллис, редактор его дневников, что марксизм «несовместим» с демократией и «возможность мирного разрешения русского вопроса исключена»³. Посол США в Москве А. Гарриман писал: цель советской политики состоит в «установлении тоталитарных порядков», а потому США должны настроиться на «идеологическую войну» с СССР⁴. Подобных же взглядов придерживался помощник государственного секретаря Дж. Грю⁵.

В невозможности нормальных дипломатических отношений с СССР, необходимости осуществления политики «с позиции силы» настойчиво убеждал руководство госдепартамента в секретном донесении из Москвы (от 22 февраля 1946 г.) американский поверенный в делах Дж. Кеннан⁶. Он писал о якобы издавна

¹ F. Schuman. *Russia since 1917*. N. Y., 1957, p. 394.

² D. Horowitz. *The Free World Colossus*, p. 85.

³ «The Forrestal Diaries», p. 57, 127.

⁴ Ibid., p. 47.

⁵ «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers: the Conference of Berlin, 1945», vol. I. Wash., 1960, p. 274.

⁶ «Foreign Relations of the United States. 1946, vol. VI. Eastern Europe; the Soviet Union». Wash., 1969, p. 696—708; G. Kennan. *Memoirs. 1925—1950*. Boston, 1967, p. 547—559.

свойственном России стремлении к уничтожению соперничающих с ней держав; о том, будто советские руководители восприимчивы только к «логике, основанной на силе».

Эту мысль высказал 5 марта 1946 г. в г. Фултоне У. Черчилль в печально известной речи: «Судя по моим встречам с русскими, я уверен, что они больше всего восхищаются силой»¹. Назвав Советский Союз источником новой «угрозы войны», он призвал англо-саксов выполнить историческую миссию — «возглавить антикоммунистический крестовый поход христианской цивилизации».

Империалистические круги пытались возложить на СССР ответственность за нагнетание международной напряженности на том основании, что идеологией советского общества является марксизм-ленинизм, который якобы не допускает нормальных дипломатических отношений между государствами противоположных социальных систем. В этой связи нацеленная против социалистических стран, мирового освободительного движения политика империализма изображалась в виде идеологической кампании в защиту ценностей «свободного мира» от посягательств со стороны «тоталитаризма».

В 40 — начале 50-х годов концепция «тоталитаризма», впервые выдвинутая в 20-х годах, была вновь взята на вооружение буржуазными идеологами и политиками. Теперь на нее легла дополнительная нагрузка. Помимо клеветы на социализм и реабилитации капитализма она использовалась для отвлечения внимания общественности зарубежных стран от главного источника международной напряженности — американского империализма, его агрессивной, нацеленной на глобальную войну внешней политики. Давний, разоблаченный еще В. И. Лениным миф о миролюбии «демократических» Соединенных Штатов дополнялся вымыслом об «агрессивности» социалистических стран, вытекающей из якобы присущего им «тоталитаризма».

Идея «крестового похода» против «тоталитаризма» стала лейтмотивом официальных выступлений президента Трумэна и других государственных деятелей

¹ В. Г. Трухановский. Уинстон Черчилль. Политическая биография. М., 1968, стр. 412.

США. Излагая 12 марта 1947 г. в послании конгрессу свою «доктрину», Трумэн говорил об угрозе со стороны «тоталитарных режимов», нависшей якобы над «свободным миром». Обязанность США, заявил он, состоит в том, чтобы «помочь свободным народам поддерживать свои свободные институты и национальную целостность перед лицом агрессивных движений, стремящихся навязать им тоталитарные режимы»¹.

Обращает на себя внимание обязательство о поддержке «свободных институтов» и национальной целостности «свободных народов». Во внешнеполитических документах США в подобные формулировки вкладывается особый смысл. В американских проектах Устава Лиги наций, разработанных в 1918 г., подчеркивалось, что статья X о гарантии территориальной целостности и политической независимости « предусматривает интервенцию членов Лиги против страны, в которой произойдет революция». Статья X «предполагает войну гарантировавших стран» против той страны, в которой была предпринята насильственная попытка нарушить ее «целостность и независимость»², — пояснял тогда представитель государственного департамента Д. Миллер. Как известно, участники Парижской мирной конференции 1919 г., обсуждавшей проект Устава Лиги наций, начали вооруженную интервенцию против молодой Советской республики, не дожидаясь создания этой международной организации.

В «доктрине Трумэна» речь шла, в частности, об обеспечении «целостности» Турции и Греции, хотя, как справедливо замечает американский историк Д. Горовиц, правительство Цалдарида в Греции, которое Трумэн собирался спасать от «тоталитаризма», само было «совершенно явным тоталитарным режимом»³. Это обстоятельство дало повод публицисту Дж. Уорбергу задать иронический вопрос: не распространяется ли обязательство США бороться против «тоталитарных режимов» на Испанию и Португалию?

¹ «Documents of American History». Edited by H. Commager. N. Y., 1958, p. 705.

² D. H. Miller. My Diary at the Conference of Paris, vol. III, p. 298.

³ D. Horowitz. The Free World Colossus, p. 73.

С провозглашением «доктрины Трумэна» правительство США, грубо нарушая международные нормы и в обход ООН, присваивало себе «право» на интервенцию, прямую или косвенную, в любую страну капиталистического мира в целях сохранения у власти реакционных режимов. В «доктрине» подчеркивалось намерение американских монополистических кругов поддерживать (силой, если необходимо) образ жизни «свободного предпринимательства». Опора на реакционные силы и борьба с мировым социализмом — центральная мысль доктрины.

«12 марта 1947 г. антисоветизм был сформулирован в качестве официальной политики»¹; «США превратились в мирового антисоветистского, антирусского жандарма... Одним взмахом пера Трумэн объявил себя главным антисоветистом мира»² — так оценивали многие американские исследователи «доктрину Трумэна». Известный журналист Уильям Ширер в газете «Нью-Йорк геральд трибюн» охарактеризовал ее как «новую, третью по счету (после «санитарного кордона» 20-х годов и «антисоветского пакта») попытку подвергнуть Советский Союз карантину»³.

Попытка обосновать «право» империалистов США на подавление революционного движения в опекаемых ими странах встречается и в документах, связанных с «планом Маршалла». 8 мая 1947 г. (в речи, названной Трумэном «прологом плана Маршалла») Дин Ачесон подчеркнул, что главное условие американской «помощи» — подавление властями данной страны революционного движения: «Оказание помощи... лишь отчасти продиктовано гуманными соображениями... В основном правительство... исходит из собственного национального интереса... Свободные народы, стремящиеся сохранить независимость, демократические институты и человеческую свободу против тоталитарного давления, внутреннего или внешнего, имеют приоритет при получении американской помощи»⁴.

¹ S. Lens. *The Futile Crusade*. Chicago, 1964, p. 57.

² D. Fleming. *The Cold War and its Origins*, vol. I, p. 446, 468.

³ Ibid., p. 451.

⁴ K. Ingram. *History of the Cold War*. L., 1955, p. 58—59.

В термины «человеческая свобода», «демократические институты», «тоталитаризм» Ачесон вкладывает антикоммунистический, антисоветский смысл.

«Применение этих терминов могло означать лишь одно,— поясняет Д. Флеминг,— что мы используем нашу огромную экономическую мощь для оказания помощи тем странам, которые согласятся с нашей интерпретацией. Иными словами, мы окажем помощь тем странам, которые будут против Советского Союза»¹.

В речи Маршалла 5 июня 1947 г. содержалось прямое предупреждение: страны, чьи правительства не смогут подавить революционное движение, помощи от США не получат. Помощь по «плану Маршалла» будет немедленно прекращена той стране, в которой будут голосовать за коммунистов»²,— пояснял в последующих выступлениях государственный секретарь.

Речь шла, следовательно, о консолидации реакционных сил западноевропейских стран, поддержке их в подавлении коммунистического и рабочего движения, достигшего в это время значительного подъема. «Американская помощь Европе,— замечает Сидней Ленс,— стала силой, способствующей перемещению политического центра тяжести вправо»³. Установление и укрепление реакционных режимов создавало тот «особый» климат, который был необходим американским монополиям для осуществления широкой программы экспансии, предусмотренной разного рода государственными «планами» и «доктринаами», подготавливавшими почву для создания агрессивных блоков.

Такие блоки начали возникать вскоре после окончания войны все на той же идеологической основе— необходимости избавления от «коммунистической угрозы».

В их уставах фигурируют формулировки о «защите» целостности, безопасности, политической независимости стран-участниц.

Так, в заключенном 8 сентября 1954 г. Договоре об обороне Юго-Восточной Азии (участники: США, Англия, Франция, Австралия, Новая Зеландия, Паки-

¹ D. Fleming. The Cold War and its Origins, p. 477.

² K. Ingram. History of the Cold War, p. 63.

³ S. Lens. The Futile Crusade, p. 86.

стан, Таиланд, Филиппины) говорится: стороны будут «сопротивляться вооруженному нападению и препятствовать подрывной деятельности, направленной извне против их территориальной целостности и политической устойчивости»¹.

«Подрывная деятельность, направленная извне» — все та же якобы исходящая из Москвы «коммунистическая угроза». Правда, здесь, в Юго-Восточной Азии, где для укрепления рушившихся устоев колониализма требовались срочные меры, ссылка на «внешнюю угрозу» дополнялась (в § 2 статьи 4) следующей оговоркой: «Если, по мнению любой из сторон, неприкосновенность или целостность территории или суверенитет и политическая независимость любой стороны... будут поставлены под угрозу каким-либо иным путем, кроме вооруженного нападения, или на нее влияет, или ей угрожает какой-либо другой факт или ситуация, могущие поставить под угрозу мир в данном районе, то стороны должны... договориться о мерах... совместной обороны»².

Договор об обороне Юго-Восточной Азии предусматривал «право» США (а также других империалистических держав) вмешиваться во внутренние дела любой из стран Юго-Восточной Азии в случае возникновения в ней неугодной империализму политической ситуации. Колонизаторский смысл этой статьи вполне обнажился в 60-х годах, когда США развернули войну против борющегося за независимость вьетнамского народа.

Наиболее интенсивно антикоммунистические концепции использовались Дж. Кеннаном, возглавлявшим к тому времени группу планирования политики в госдепартаменте, при разработке в 1947 г. доктрины «сдерживания». Смысл ее заключался в том, чтобы при помощи «контрсилы» «сдерживать экспансионистские тенденции России»³.

Доктрина «сдерживания» анализируется во мно-

¹ «Современное международное право. Сборник документов». М., 1964, стр. 477.

² Там же, стр. 478. Аналогичные условия повторяются в договоре СЕНТО.

³ G. Kennan. American Diplomacy (1900—1950). Chicago, 1951, р. 119.

гих работах советских исследователей¹. Здесь важно подчеркнуть, что антикоммунистическая направленность позволила придать ей видимость и идеологической доктрины, хотя на деле речь шла о доктрине военно-стратегической. Ее принципы были в 1948 г. зафиксированы в секретном документе Национального совета безопасности (НСБ-20).

Кеннан же, излагая доктрину «сдерживания», маскировал ее военную направленность. Он писал о «традициях», о «моральной и политической ответственности» американского народа перед историей: «Главный вопрос советско-американских отношений сводится в основе своей к испытанию ценности Соединенных Штатов как нации по сравнению с другими. Если США хотят избежать уничтожения, им надо лишь мобилизовать свои лучшие традиции, доказав самим себе, что они заслуживают оставаться великой нацией».

В 1950—1951 гг. в США начался новый тур гонки вооружений. Военные мероприятия дополнялись широкой программой политических диверсий против Советского Союза. Эта программа преследовала множество целей: подрыв морально-политического единства советского народа, противопоставление народа Коммунистической партии, попытки раскола единства КПСС, дабы «парализовать» ее руководящую роль. Имелось в виду также способствовать произрастанию «семян разложения» путем дискредитации социализма и одновременной пропаганды «американского образа жизни». Подобная подрывная деятельность в конечном счете, по расчетам авторов доктрины «сдерживания», должна была привести к «распаду или постепенному смягчению советской мощи».

«Распад», «смягчение» — выражения в достаточной мере расплывчатые. В 1951 г. Кеннан расшифровал, в чем их смысл: ликвидация Советской власти, ре-

¹ См. Н. Н. Иноземцев. Внешняя политика США в эпоху империализма. М., 1960; Н. Н. Яковлев. Новейшая история США. 1917—1960. М., 1961; «Международные отношения после второй мировой войны», т. I (1945—1949 гг.). М., 1962; Г. А. Трофименко. Стратегия глобальной войны. М., 1968; Б. Дмитриев. США: политики, генералы, дипломаты. Четверть века политики «с позиции силы». М., 1971; Н. В. Сивачев, Е. Ф. Языков. Новейшая история США. М., 1972.

ставрация капитализма в СССР (образование «капиталистической, либерально-демократической России»), расчленение Советского государства (в первую очередь путем отторжения Прибалтики и Украины), подрыв союза СССР с европейскими странами народной демократии¹.

Это была старая обанкротившаяся политика. Американские историки (У. Уильямс, Д. Флеминг, Д. Горовиц, Г. Алпровиц, С. Ленс) справедливо замечают, что фактически политика «сдерживания коммунизма» была пущена в ход империалистическими державами сразу после Октябрьской революции.

Концепция «сдерживания» идеологически обосновывала решение американской администрации отказаться от переговоров с Советским Союзом, окружить социалистические страны сетью военных баз. Сформулированная Кеннаном концепция, поясняет У. Миллис, «означала... отказ от установления «нормальных» отношений... с Россией. В свете этой концепции сама мысль... о разрешении вопросов посредством взаимных уступок, в результате встреч глав государств или путем иных разумных переговоров за круглым столом, превращалась в абсурд». Эти выводы «очень близко соответствовали тем, к которым пришел сам Форрестол... что мирное разрешение русского вопроса невозможно»².

Кеннан утверждал, что если «в течение 10—15 лет западный мир найдет в себе силы и находчивость, чтобы сдержать советскую силу», то СССР якобы сам собой «развалится». Правительство США рассчитывало иметь возможность на протяжении всего этого времени изображать перед мировым общественным мнением свою внешнюю политику как «сдерживание коммунистической угрозы», а атомный шантаж называть «контрударами против посягательств на международный мир»³. Удивительно ли, что Форрестол ухватился за доктрину «сдерживания», найдя в ней «прекрасное обоснование для уже начатой жесткой поли-

¹ G. Kennan. America and the Russian Future. «Foreign Affairs», XXIX, N 3, April 1951, p. 351—370.

² «The Forrestal Diaries», p. 138.

³ G. Kennan. American Diplomacy (1900—1950), p. 120, 126.

тики»¹, путем придания последней характера «антикоммунистического крестового похода».

В такой постановке вопроса четко проявилась двоякая функция антикоммунизма. Являясь идеино-политической основой внешней политики империализма, антикоммунизм вместе с тем выступает и как средство маскировки и оправдания агрессивных глобальных устремлений.

В американской печати того времени можно найти немало довольно реалистических оценок доктрины «сдерживания», данных людьми, отнюдь не являющимися сторонниками коммунизма. Доктрина «сдерживания», писал в сентябре 1947 г. известный публицист Уолтер Липпман в газете «Нью-Йорк геральд трибюн», означает, что США заранее отказываются от всяких переговоров с Советским Союзом для урегулирования вопросов, порожденных войной. (Хотя, замечает он, переговоры, в том числе между соперничающими странами,— суть дипломатии.) Вместо этого, отмечал Липпман, предлагается политика, чреватая пагубными последствиями. Чтобы окружить Советский Союз на суше, Соединенным Штатам потребуются чужие войска, а для этого надо создать вокруг него кольцо зависимых от США стран. «Политика (сдерживания),— писал Липпман,— может быть осуществлена только посредством найма, содержания и поддержки разношерстного сброва сателлитов, клиентов, зависимых стран, марионеток... Она потребует, как бы этого ни отрицали, постоянного всестороннего вмешательства США в дела всех членов руководимой нами коалиции, которую мы предполагаем организовать, защищать и использовать».

У. Липпман отнюдь не отрицал необходимости политики «с позиции силы». Напротив, он защищал ее и говорил о необходимости искать «естественных союзников» США для сохранения «баланса сил» против Советского Союза. Но стратегическую концепцию «сдерживания» Липпман отвергал потому, что она призывает к «идеологическому крестовому походу» против коммунизма, обязывая США к «непрекращаю-

¹ D. Horowitz. The Free World Colossus, p. 62.

щейся интервенции» в дела стран, чье пособничество им нужно для «сдерживания Советского Союза»¹.

Споры, развернувшиеся в США вокруг нового политического курса правительства, выходили далеко за рамки обычных. Тот, кто поддерживал «доктрину Трумэна» и «план Маршалла», выражал тем самым согласие с их идеологической основой — антисоветизмом. «Для консерваторов и правых,— пишет С. Ленс, автор книги «Бесполезный крестовый поход»,— антисоветизм — естественная позиция... ибо они против всяких социальных перемен». «Либералы» же на словах подчеркивают свою поддержку прогрессивных сил, выражают сочувствие национально-освободительным движениям, стоят за разрешение международных проблем посредством переговоров. Между тем «путь, отрицающий сосуществование с Россией, мог привести лишь к милитаризму, союзам с неприглядными политическими фигурами, стремлению к сохранению статус-кво»².

В США были политические деятели, понимавшие пагубность этого курса. С. Уэллес, заместитель государственного секретаря при президенте Рузвельте, писал вскоре после войны: «Успех ООН зависит от способности США и Советского Союза устраниć разногласия и работать совместно... Если не будет достигнуто согласия, всякая надежда на создание мирного и стабильного порядка окажется потерянной... Поворот США к империализму станет неизбежным»³.

Однако большая часть политиков-«либералов» после незначительных колебаний целиком восприняла антисоветизм. Это означало, подчеркивает С. Ленс, что «они присоединились к холодной войне. По этому решающему вопросу нашего времени расхождения между «Американцами за демократические действия»⁴ и консерваторами сократились. Остались разногласия по второстепенным, незначительным деталям»⁵.

Антисоветизм явился идеологией, объединившей в эти годы консерваторов и большинство «либералов».

¹ W. Lippmann. The Cold War. L., 1947, p. 34.

² S. Lens. The Futile Crusade, p. 26, 30.

³ S. Welles. Where are we Heading? N. Y., L., 1946, p. 371.

⁴ Организация американских буржуазных «либералов».

⁵ S. Lens. The Futile Crusade, p. 32.

На словах последние выступали против реакции, фактически же, восприняв антисоветизм, поддерживали ее¹.

Безоговорочное принятие антисоветизма основной массой американских «либералов» означало поддержку милитаризма, вооруженной интервенции, союза с реакционными режимами, содействие в раздувании антисоветистской истерии. Логика позиции «либералов» означала фактическую поддержку во имя антисоветизма агрессивных акций США. Вспоминая эти годы, известный экономист Джон Гэлбрейт в 1966 г. писал: «На протяжении двадцати лет... со временем распада военной коалиции цель либералов в вопросах внешней политики состояла в том, чтобы побороть международный коммунизм. Этой цели дружно аплодировали консерваторы»².

Доктрина «сдерживания», как известно, не принес-

¹ Характерно письмо читателя, опубликованное в «либеральном» журнале «Нейшн» 19 апреля 1947 г. Автор письма У. Браун осуждает известного историка Артура Шлезингера-младшего, профессора Гарвардского университета, одного из столпов либерального направления, за примиренческую позицию, занятую им при оценке книги Джеймса Бэрнхема «Борьба за мировое господство», полной «бешеной, убийственной ненависти к России». По Шлезингеру выходит, пишет Браун, что «всякому, кто отваживается отстаивать взаимное понимание и мирное разрешение разногласий с Советской Россией, следует приклейте одиозный довоенный ярлык «умиротворителя», приравнивая тем самым последнюю к фашистской Германии». Браун упрекает профессора в короткой памяти и слабом знании истории. Умиротворители фашизма в 30-х годах были одержимы таким же «параноическим страхом перед Россией», как и те, кто сегодня разжигает антисоветскую кампанию, незаконно обзываая своих противников «умиротворителями». «Играя в безрассудную игру «остановите коммунизм»... те же поборники катастрофы увлечены возобновлением рокового крестового похода,— пишет Браун.— Вновь они умиротворяют или готовятся умиротворить всякое реакционное правительство, служащее их целям, будь то в Испании, Португалии, Китае, Аргентине, Греции или Турции. Подобно Бурбонам, они ничему не научились и ничего не забыли». С этими «умиротворителями», разжигавшими антисоветскую истерию на протяжении многих лет («за исключением периода войны, когда Советский Союз выдержал главный удар нацистско-фашистского наступления на человеческую свободу»), замечает автор письма, господин Шлезингер и прочие «либералы» заключили «странный союз».

² J. Galbraith. Liberals and Foreign Policy. «The Progressive», June 1966, p. 32.

ла ее сторонникам желаемых результатов. Впоследствии, убедившись в ее несостоятельности, Кеннан попытался отмежеваться от нее. В изданных в 1967 г. мемуарах он заявляет, будто в свое время был неправильно понят¹.

В последующие годы взгляды Кеннана претерпели значительную эволюцию.

Консерваторы же в целом остались на прежних позициях. В 1952 г., когда провал «пассивной», по их мнению, политики «сдерживания» стал очевидным, они заменили ее политикой «освобождения». В этом была своеобразная «логика»: если коммунизм — «международный заговор», нити которого ведут в Москву, то его невозможно «содержать», а надо вырвать с корнем. Наиболее четко эту мысль выразил все тот же Бэрнхем — поклонник фашистского тоталитарного государства, апологет мирового господства США: «Советский Союз — не нация, государство или правительство в обычном понимании, а главная база... международного заговора. Мысль «содержать» какую-то страну в пределах определенной территории... не абсурдна. Но трудно представить себе, как можно «содержать» универсальную, воинствующую религию, которая... существует и действует внутри каждой страны во всем мире»².

Суть, однако, в том, признает сам же Бэрнхем, что действительность начисто опровергает политику, основанную на антикоммунизме. «Политика сдерживания,— пишет Бэрнхем,— предполагает и предсказывает прогрессирующее внутреннее ослабление Советской системы». Что же происходит на самом деле? А то, отвечает он, что «по сравнению с 1947 г., когда политика сдерживания была начата, сейчас Советы внутренне сильнее, чем были...» Мы рассчитывали, признается Бэрнхем, что «американский образ жизни», пропагандируемый средствами «психологической войны», покорит воображение народов социалистических стран и заставит их отвернуться от коммунизма. Между тем «нет никаких доказательств того, что американская пропаганда достигает целей внутри

¹ G. Kennan. *Memoirs. 1925—1950*. Boston, 1967, p. 359.

² J. Burnham. *Containment or Liberation?* N. Y., 1952, p. 48.

советской сферы влияния... Что же касается несоветского мира, то теперь, безусловно, антиамериканизм там более широко распространен и резче выражен, чем в 1947 г.»¹.

Политика «сдерживания» провалилась. Расчет на «распад» социалистического лагеря, на «ослабление» социалистических стран не оправдал себя. Напротив, социалистическая система окрепла, достигла новых впечатляющих успехов. По мнению реакционеров, выход оставался один: расширение агрессивных действий против социалистических стран вплоть до применения военной силы ради достижения все той же несбыточной цели: «ликвидации советской государственной системы», отрыва стран народной демократии от социалистического лагеря, восстановления в них капитализма².

Как неоднократно заявлял Д. Эйзенхауэр (избранный в президенты США в 1952 г.), американские принципы требовали «использования любых экономических, психологических, тактических приемов, дабы в странах, завоеванных коммунизмом, никогда не угас дух освобождения»³. Постоянное нагнетание международной напряженности, заключение военного договора с Чан Кай-ши, поддержка колониалистской войны в Индокитае, непрерывная цепь провокаций против европейских социалистических стран — таковы некоторые вехи агрессивной политики «освобождения» и сопутствующей ей военной доктрины «массированного возмездия» (прогозглашенной Джоном Фостером Даллесом 12 января 1954 г.).

Империализм США ответствен за то, что на протяжении первого послевоенного десятилетия над человечеством не раз нависала угроза ядерной войны.

Пытаясь отвлечь внимание общественности от подлинных причин международной напряженности, буржуазные политики и идеологи сводят их к отвлеченному противоборству сил «добра» (представленных «свободным миром» Запада) и «зла» (воплощенных якобы в «коммунистической угрозе»). Подобная постановка вопроса извращает сущность как междуна-

¹ J. Burnham. *Containment or Liberation?* N. Y., 1952, p. 71.

² Ibid., p. 237.

³ D. Fleming. *The Cold War and its Origins*, vol. II, p. 807.

родных отношений, так и идеологической борьбы. Последней приписывается несвойственная ей роль первопричины противоречий и конфликтов на международной арене. Вопрос о разрешении конфликтов искусственно переносится из сферы межгосударственных отношений (посредством переговоров и т. д.) в идеологическую. При этом идеология марксизма-ленинизма клеветнически извращается. Убежденность коммунистов в объективной неизбежности замены капиталистической общественно-экономической формации социалистической изображается в субъективистском плане — в виде намерения коммунистов применить силу против капитализма для доказательства правоты своих идей. «Коммунисты, — утверждал Дж. Ф. Даллес, — всегда предполагали, что коммунизм и капитализм должны непременно сцепиться в смертельной схватке», что приводит к «усилению напряженности» и «вероятности войны»¹.

При подобной постановке вопроса, справедливо отмечает буржуазный исследователь Ф. Нил, «убежденность коммунистов в отмирании капитализма изображается как намерение завоевать господство над миром»².

Сознательно извращая марксизм-ленинизм, буржуазные идеологи и политики пытались оправдать агрессивную политику империализма. Из якобы непосредственно вытекающей из коммунистической идеологии фатальной «угрозы» для капитализма делался вывод о невозможности и бесполезности нормальных межгосударственных отношений с социалистическими странами. В 1945—1950 гг., подчеркивают американские исследователи Л. Адлер и Т. Патерсон, политики доказывали, что «с русскими вести переговоры бесполезно, что осуществлять непримиримую жесткую политику по отношению к ним абсолютно необходимо»³.

Таким путем перебрасывался фальсифицированный «логический мостик» от идеологии непосредственно к военной политике, обосновывался тезис о необходимости строить отношения с СССР «с позиции силы».

¹ J. F. Dulles. War or Peace. N. Y., 1950, p. 3.

² F. Neal. The Cold War in Europe. «The Struggle against History». N. D. Houghton, editor. N. Y., 1968, p. 20—25.

³ «The American Historical Review», vol. LXXV, N 4, April 1970, p. 1063.

3. «Психологическая война»

В борьбе против Советского Союза, других социалистических стран, идей марксизма-ленинизма империалистические теоретики и политики США большое значение придают «психологической войне», т. е. комплексу антикоммунистических идеологических диверсий.

Теория и практика «психологической войны» была разработана в ходе второй мировой войны. Тогда же возник и сам термин. «Использование любых невоенных средств с целью повлиять на моральное состояние и поведение любой группы населения в специфически военных целях»¹ — так определялась суть «психологической войны» в американских военных справочниках.

В годы войны операции «психологической войны» осуществлялись главным образом Управлением стратегических служб при Объединенном комитете начальников штабов, возглавлявшимся полковником (позднее генералом) Уильямом Донованом. Там «занимались изучением и обобщением разведывательной информации, организовывали агентурную работу и вели так называемую черную пропаганду (проводимую от имени противника)»².

После окончания второй мировой войны правительство США сохранило основное ядро аппарата «психологической войны» и продолжало использовать те же методы. «Психологической войной,— писал теоретик пропаганды Г. Чайлдс,— обычно называют использование пропаганды в поддержку тактических и стратегических военных операций в военное время. Этот термин может быть использован и в мирное время применительно к официальной пропаганде, прибегающей к агрессивным методам для достижения внешнеполитических целей»³.

Подобная практика теоретически «обосновыва-

¹ W. Daugherty, M. Janowitz. A Psychological Warfare Casebook. Baltimore, 1958, p. 13.

² Р. Хилсэн. Стратегическая разведка и политические решения. М., 1957, стр. 27.

³ H. Childs. Public Opinion: Nature, Formation and Role. Princeton, 1965, p. 60.

лась» в появившихся исследованиях о «психологической войне»¹. Их авторы подчеркивали, что поскольку в условиях «холодной войны» «разница между войной и миром четко не разграничена», то применение методов «психологической войны» в мирное время вполне закономерно. «Очень часто дипломатия может стать более эффективной, когда она соответствующим образом сопряжена с «психологической войной»»², — писал в 1951 г. известный социолог Г. Лассуэлл.

На аппарат, осуществлявший «психологическую войну», возлагалась задача отравить сознание людей, которые в массе своей были настроены дружелюбно в отношении СССР³, ядом клеветы о «коммунистической угрозе», идеологически обосновать политику глобальной экспансии США. Сохранение американских войск на чужих территориях, создание агрессивных военных блоков, экономическое проникновение — для достижения этих целей правящим кругам США требовалось предварительно обработать мировое общественное мнение. Назначение «психологических операций» заключалось и в том, чтобы нейтрализовать огромный моральный урон, понесенный США как страной, первой применившей атомные бомбы⁴.

В этот период американские политические деятели всячески афишируют «психологическую войну» как одно из средств достижения внешнеполитических целей. Тон задавали крайние реакционеры. «Глобальная

¹ P. Linebarger. Psychological Warfare. Wash., 1948; D. Lerner. Sykewar: Psychological Warfare against Germany. N. Y., 1949.

² H. D. Lasswell. Political and Psychological Warfare. D. Lerner, editor. Propaganda in War and Crisis. N. Y., 1951, p. 266.

³ В эти годы, как показали, в частности, опросы общественного мнения, проведенные лабораторией социальных исследований при Гарвардском университете, 74 % опрошенных американцев дружественно относились к Советскому Союзу. Примерно 50 % выразили уверенность в улучшении советско-американских отношений (M. Brewster Smith. The Personal Setting of Public Opinion: A Study of Attitudes toward Russia. «Public Opinion Quarterly», 1947, N 11, p. 507—523).

⁴ «Американские пропагандисты пережили величайший стратегический кризис» в результате бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, отмечается в официальном исследовании о деятельности информационной службы США за рубежом (C. Thomson. Overseas Information Service of the United States Government. Wash., 1948, p. 364—365).

пропагандистская война,— говорил, выступая в сенате, руководитель профашистского «Американского легиона» Льюис Гоу,— это прежде всего война... Ее можно назвать необычной, неортодоксальной, подрывной, психологической, но тем не менее это война... и мы должны одержать в ней победу»¹. Как вести эту войну, подсказывал опытный разведчик генерал Уильям Донован: «Необходимо сбрить в кулак все наши ресурсы — пропаганду, идеологию, обман, саботаж, тактику партизанской борьбы, военную и экономическую помощь, с тем чтобы каждый удар бил наповал». Из этих элементов складывается «тотальная концепция подрывной деятельности»².

В 1950 г., с созданием в государственном департаменте специального Междепартаментского комитета по координации психологических операций, последние становятся составной частью внешней политики США. «Психологическая война» превращается в важный инструмент осуществления агрессивных доктрин «сдерживания» и «освобождения».

Острие «психологической войны» направлялось против СССР и других социалистических стран. Это видно из целей, которые перед ней ставились: «ослабить или уничтожить единство» противостоящих США государств, насадить « дух сопротивления» среди населения, «поощрять и способствовать разложению и распаду вражеского государства», «ослабить систему социального и политического контроля во вражеской стране»³.

Большие задачи в этой связи возлагались на правительенную радиостанцию «Голос Америки», созданную в 1942 г. На основе закона Смита — Мундта (от 27 января 1948 г.) радиостанция должна была строить передачи на европейские социалистические страны таким образом, чтобы «ставить в затруднительное положение местные правительства и поощрять

¹ «U. S. Congress. Senate Hearings before a Subcommittee of the Committee on Foreign Relations. 83d Congress, First Session on the Overseas Information Program of the United States», Part 2. Wash., 1953, p. 425—426.

² Ibid., p. 429—431.

³ W. Daugherty, M. Janowitz. A Psychological Warfare Case-book, p. 342.

население к сопротивлению»¹. В июле 1950 г. начались передачи — на польском, чешском, словацком и венгерском языках — радиостанции «Свободная Европа», формально принадлежавшей частной организации «Национальный комитет Свободной Европы» (создана 11 мая 1949 г.). Задача этого комитета, как отмечал американский исследователь Р. Холт, состояла в том, чтобы «с помощью психологических средств сделать все возможное для освобождения этих стран»². О тесной связи «Национального комитета Свободной Европы» с правительственные органами США, в частности, с разведкой, свидетельствуют имена его основателей: глава ЦРУ А. Даллес, начальник Управления стратегических служб в годы войны генерал У. Донован, генералы Л. Клей, Д. Эйзенхауэр и др. По словам Клея, цель «Национального комитета Свободной Европы» и его радиостанции заключалась в безжалостной «психологической войне» ради «свержения коммунистического режима»³.

Фактически Центральному разведывательному управлению подчинялась и радиостанция «Свобода», хотя она считалась органом частной ассоциации — «Координационного центра борьбы против большевизма» (создан в 1951 г.)⁴.

Речь шла о подстрекательстве — средствами пропаганды — населения социалистических стран к антигосударственным действиям, контрреволюционным выступлениям, т. е. об идеологических и политических диверсиях. В этих целях американские разведывательные службы собирали сведения о структуре и деятельности правительенных органов социалистических стран, составляли досье на ведущих политических и военных деятелей, ученых, представителей творческой интеллигенции. Особое внимание уделялось малейшим трудностям, переживаемым странами социализма. Докладные записки для информационных ве-

¹ «U. S. Congress. Senate Committee on Foreign Relations. The U. S. Information Service in Europe». Wash., 1948, p. 11.

² R. Holt. Radio Free Europe. Minneapolis, 1958, p. 330.

³ См. А. Панфилов. Радио США в психологической войне. М., 1967, стр. 52.

⁴ B. Paulu. Radio and Television Broadcasting on the European Continent. Minneapolis, 1968, p. 186—187.

домств и органов разведки впоследствии были использованы авторами многих исследований об СССР и других социалистических странах. С этого начали, в частности, А. Айнкелес, написавший ряд книг о Советском Союзе, Д. Лернер, Ф. Баргхурн и др.¹

Содержание «психологической войны» определялось ее задачами. Антисоветская, антикоммунистическая пропаганда строилась на клевете в адрес социалистических стран, международного коммунистического движения.

«Данные» поставляли лица, попавшие в фашистский плен во время войны и перешедшие на сторону врага, предатели родины, перебежчики в лагерь империализма из социалистических стран.

«Психологические операции» широко использовались и для подрыва национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах. «Разрушить целостность военно-подрывных движений меньшинств»² — так формулируется в документах эта задача. Подрывная пропаганда направлялась и против нейтральных стран с целью добиться их присоединения к возглавляемым США военным блокам. В списках объектов «психологической войны» названы страны Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока, Индии, Африки, Латинской Америки³.

Наиболее крупной операцией «психологической войны» этого периода была так называемая «кампания правды», объявленная президентом Трумэном в апреле 1950 г. Одним из ее инициаторов был Э. Баррет, заместитель государственного секретаря по вопросам информации. Эта кампания сопровождалась шумной рекламой «миролюбия» США, их стремления к созда-

¹ A. Inkeles. Understanding a Foreign Society: a Sociologist's View. «World Politics»... 1950, N 3; A. Inkeles. Social Change in Soviet Russia. Cambridge, Massachusetts, 1968; D. Lerner. Sykewar: Psychological Warfare against Germany. N. Y., 1949; D. Lerner. Propaganda in War and Crisis. N. Y., 1951; F. C. Barghoorn. The Soviet Image of the United States: a Study in Distortion. N. Y., 1960; F. C. Barghoorn. The USSR. Boston, 1966.

² W. Daugherty, M. Janowitz. A. Psychological Warfare Casebook, p. 342.

³ «U. S. Congress. Senate Hearings before a Subcommittee of the Committee on Foreign Relations. 83d Congress», Part 2. Wash., 1953, p. 55, 442, 715, 1209, 1291—1301.

нию «здорового международного содружества наций». Однако, как явствовало из плана, утвержденного Ачесоном, на деле правительство США предусматривало проведение подрывных операций в поддержку американской политики «сдерживания» коммунизма. Одна из целей «кампании правды», поясняет Э. Баррет, состояла в том, чтобы «сократить влияние Советского Союза путем ослабления воли руководства страны и поощрения некоммунистических сил за ее пределами»¹.

Перед организаторами кампании ставились следующие цели: «ослабить волю офицеров Советской Армии», вызывать недовольство среди населения социалистических государств, а в прилегающих к ним странах «поощрять и укреплять некоммунистические силы, в том числе некоммунистические профсоюзы».

Пропаганда велась через «Голос Америки» и ее филиал РИАС, радиостанции «Свободная Европа», «Свобода». Распространялись антисоветские печатные издания, листовки. Содержание «кампании правды», коротко говоря, сводилось к вымыслам о том, будто одни только США являются миролюбивым государством; что СССР стремится к мировому господству путем развязывания агрессивной войны; что европейские социалистические страны — это «сателлиты» Советского Союза, в которых якобы живут «закрепощенные народы».

На так называемую «кампанию правды» был ассигнован 121 млн. долларов. Передачи «Голоса Америки» велись более чем на десяти языках. В течение 1950 г. были открыты новые пропагандистские центры (так называемые ЮСИС) в ряде стран.

Однако, несмотря на масштабность, желаемого эффекта «кампания правды» не принесла. Один из руководителей американской пропаганды, Томас Соренсен, замечает: «Кампания Баррета была чересчур самонадеянной, если не наивной»².

В середине 1950 г., в связи с интервенцией США против корейского народа, встретившей резкое осуждение международного общественного мнения, руко-

¹ E. Barrett. *Truth is Our Weapon*. N. Y., 1953, p. 79.

² T. Sorensen. *The Word War*. N. Y., 1968, p. 26.

водители армии, военно-морского флота потребовали расширения и усиления военной пропаганды. Того же добивались наиболее реакционные милитаристские круги, настроения которых выразил Джеймс Бэрнхем, изложивший (в книге «Грядущее поражение коммунизма») программу «политико-подрывной войны против коммунизма»¹. Предлагалось, в частности, вывести информационные ведомства из состава государственного департамента и создать подчиненное президенту США самостоятельное агентство, которое возглавляли бы наряду с руководителями внешнеполитического аппарата также представители Объединенного комитета начальников штабов и ЦРУ.

20 июня 1951 г. президент Трумэн учреждает орган, подчиненный Национальному совету безопасности,— Управление психологической войны в составе заместителя министра обороны, заместителя государственного секретаря, директора Центрального разведывательного управления и при постоянном участии в качестве советника представителя Объединенного комитета начальников штабов². Теперь любая пропагандистская кампания США направлялась из единого центра, являлась плодом коллективного творчества политиков, идеологов, разведки. «Психологические операции» стали официально признанными средствами ведения «холодной войны» наряду со средствами военными, экономическими, дипломатическими.

Однако сколько-нибудь существенных результатов — поддержки внешней политики США, дискредитации Советского Союза в глазах общественного мнения — организаторам «психологической войны» достигнуть не удавалось. Уже в 1950 г., отмечают теоретики «психологической войны» Догерти и Яновиц, «стало общепризнанным, что методы рекламы, используемые за рубежом для того, чтобы создать привлекательный образ Америки, сплошь и рядом отталкивают людей, порождая не лучшее взаимопонимание, а отчуждение»³.

¹ J. Burnham. The Coming Defeat of Communism. N. Y., 1950, p. 148.

² M. Dyer. The Weapon on the Wall. Rethinking Psychological Warfare. Baltimore, 1959, p. 134.

³ W. Daugherty, M. Janowitz. A Psychological Warfare Case-book, p. 136.

В книге «Война или мир» (1950 г.) Дж. Ф. Даллес писал: «Советские коммунисты выдвинули программу, которая имеет огромную притягательную силу... Мы же не возбуждаем динамической веры и не выдвигаем идеи, нужные для того, чтобы тронуть души и поселить надежду среди народов мира... Возникает опасность, что время работает против нас». Нужна, подчеркивал Даллес, «всеобъемлющая стратегия, которая учла бы все реальности, как невоенные, так и военные»¹.

В 1952 г. во время своей предвыборной кампании Эйзенхауэр пришлось убедиться в катастроическом падении международного престижа США. Уже два года длилась война против народа Кореи. В ней проявились жестокость, бесчеловечность американской военщины. Даже некоторые партнеры США по НАТО усомнились в их способности осуществлять «руководство мировым сообществом». Но правительство Эйзенхауэра стало искать выход не в отказе от «холодной войны», а в еще большем ее расширении. В одном из предвыборных выступлений (8 октября 1952 г.), призывая «приспособить внешнюю политику к четко разработанной... стратегии «холодной войны»», Эйзенхауэр подчеркнул первостепенное значение «психологических операций» как части этой стратегии.

Американские теоретики и политики, при поддержке крупных монополий, принялись искать пути к усовершенствованию форм и методов «психологической войны». В частности, «Фонд Форда» ассигновал около 1 млн. долларов Массачусетскому технологическому институту для изучения проблем «психологической войны»². Над обстоятельным исследованием начал работать отдел анализа операций при университете Джонса Гопкинса совместно с Управлением специальных методов войны министерства обороны (эта книга вышла в свет только в 1958 г.)³. По инициативе Эйзенхауэра была учреждена должность личного советника президента по вопросам «психологической войны».

¹ J. F. Dulles. War or Peace, p. 165, 176—177.

² «U. S. Congress. Senate Hearings before a Subcommittee of the Committee on Foreign Relations. 83d Congress. First Session», Part 2, p. 452.

³ W. Daugherty, M. Janowitz. A Psychological Warfare Case-book.

Этот пост занял С. Джексон, издатель журнала «Форчун», бывший во время войны одним из руководителей военно-политической разведки в экспедиционных войсках США. Одновременно — 30 января 1953 г. — создается Комиссия по изучению международной информационной деятельности. Ее возглавил Уильям Джексон (в прошлом заместитель директора ЦРУ).

«Психологическими операциями» занимались и две другие комиссии: совещательная во главе с М. Меем и подкомитет сенатской комиссии по иностранным делам во главе с сенатором Хикенлупером.

В начале 1953 г. комиссии Хикенлупера и Джексона проанализировали результаты внешнеполитической пропаганды. Они были неутешительными. Констатировалась неэффективность пропаганды в ее нынешнем виде. Грубые, лобовые атаки на коммунизм, высокомерное выпячивание преимуществ «американского образа жизни», низкий уровень пропагандистских материалов принесли престижу США больше вреда, чем пользы. «Мы терпим поражение в борьбе за умы людей»¹, — заявил в выступлении перед комиссией Хикенлупера Джордж Гэллап, директор Института общественного мнения. Столь же определенно высказался специалист по внешней политике США Ганс Моргентай. Нелепо рассчитывать, что ««психологическая война» приведет к «освобождению» (т. е. к выходу из социалистического содружества.—А. К.) восточноевропейских стран», — заявил он. США внушают страх, нацеленная на милитаризм внешняя политика отталкивает общественное мнение за рубежом, Америке нужна всесторонне продуманная политика в отношении Советского Союза².

В докладе комиссии Джексона критиковались передачи радиостанции «Голоса Америки» на социалистические страны. Эти передачи, по мнению авторов доклада, строились на ложном представлении о влиянии в странах социализма антисоветских, антисоциалистических настроений. Главный порок внешнеполитической пропаганды усматривался в ее чрезмерной милитаризации, в слишком явном превращении в

¹ «Overseas Information Program of the United States. The Hickenlooper Report». Wash., 1953, p. 773.

² Ibid., p. 670—672.

орудие «психологической войны», в смыкании с военной и политической разведкой. Монополия разведок в области «психологической войны», подчеркивали авторы докладов обеих комиссий, наносит вред не только правительственной пропаганде, но и внешне-политической деятельности США в целом. Сам термин признавался порочным. ««Холодная война», «психологическая война» — неудачные термины,— говорилось в докладе комиссии Джексона,— их следует заменить другими, лучше отражающими наши подлинные цели». Отмечалось также, что средствами пропаганды — тем более грубыми — невозможно обеспечить политику, которая сама по себе несостоятельна. «О Соединенных Штатах будут судить не только по тому, что они в состоянии делать и делают,— говорилось в докладе комиссии Джексона,— но и по тому, насколько их дела расходятся с объявленной политикой»¹.

С рекомендациями и выводами комиссий конгресса (которые, как отмечала печать, произвели эффект «взорвавшейся бомбы») нельзя было не считаться. Президент Эйзенхауэр расформировал Управление психологической войны. 1 августа 1953 г. правительство учредило новый самостоятельный орган внешне-политической пропаганды — Информационное агентство США (ЮСИА). Задачи ЮСИА были сформулированы в директиве президента Эйзенхауэра (согласованной с Национальным советом безопасности) 22 октября 1953 г.: «Посредством техники коммуникаций демонстрировать перед народами других стран, что цели и политика США соответствуют законным стремлениям (народов) к свободе, прогрессу и миру и будут способствовать их осуществлению». Подчеркнуто исключались ссылки на «психологическую войну», делался упор на необходимость средствами пропаганды убедить народы других стран, будто высшая цель американской внешней политики — установление справедливого мира на земле. По существу же за туманными формулировками и ссылками на «мир» и «свободу» скрывалось намерение способствовать проведению в жизнь все той же пресловутой политики «осво-

¹ T. Sorensen. The Word War, p. 44.

бождения», проповеданной правительством Эйзенхауэра — Даллеса. «Психологические операции», как выяснилось впоследствии, не только не исключались, но стали одним из важнейших средств осуществления этого агрессивного курса.

Информационное агентство сыграло немалую роль в провоцировании контрреволюционного путча в Берлине в июне 1953 г., внесло ощутимый вклад в усложнение обстановки в Юго-Восточной Азии именно в тот период, когда проходило Женевское совещание по Вьетнаму. Много пропагандистских усилий было вложено в создание агрессивных Багдадского пакта и СЕАТО. Связь аппарата внешнеполитической пропаганды с ЦРУ отчетливо проявилась во время событий в Гватемале в 1954 г. Отделения ЮСИА в Латинской Америке всеми имеющимися в их распоряжении средствами поддержали контрреволюционное правительство, пришедшее к власти в результате организованного ЦРУ переворота.

Подрывной характер носила и собственно пропагандистская деятельность ЮСИА. В 1954 г. среди обязательных книг в 158 библиотеках ЮСИА в 63 странах первое место занимали произведения махровых антисоветчиков, порочащих внутреннюю и внешнюю политику СССР. По-прежнему предпринимались попытки убедить мировое общественное мнение в существовании «коммунистической угрозы». Тем не менее опросы общественного мнения в ряде западноевропейских стран в августе 1955 г. (вскоре после Женевского совещания глав правительств четырех держав) показали, что людей, попавшихся на удочку антикоммунистической пропаганды, оказалось ничтожно мало.

Не имела успеха также попытка противопоставить социализму «американский образ жизни». В 50-х годах ЮСИА активно подхватило и распространило на зарубежные страны начатую в США кампанию по пропаганде так называемого «народного капитализма». Преследовалась цель внушить народам, будто капитализм ныне — это уже не прежний «классический», враждебный трудящимся эксплуататорский строй, а некое общество «равных возможностей» и для монополистов, и для тружеников. Во многих странах демонстрировались фильмы и фотографии, распространялись

брошюры, устраивались специальные выставки, пропагандирующие «народный капитализм». Но, как признает, в частности, один из руководящих в ту пору деятелей ЮСИА, Томас Соренсен, «слово капитализм было так глубоко дискредитировано, что попытка использовать его в виде ярлыка успеха не имела»¹.

Главная же роль ЮСИА в это время состояла в содействии осуществлению агрессивной политики «освобождения порабощенных народов». Однако, оказавшись на поводу у наиболее реакционных элементов, правительство Эйзенхауэра — Даллеса не отдавало себе отчета в несоответствии объявленных целей реальным возможностям США. На это обстоятельство указывали «либеральные» критики, противопоставлявшие правительству курсу линию (столь же бесперспективную) на постепенное разложение социалистических стран изнутри. «Провоцировать восстания в советизированных зонах в настоящее время равнозначно тому, чтобы предложить друзьям свободы совершить самоубийство», — писал Э. Баррет после того, как был смешен с должности заместителя государственного секретаря по вопросам информации. По его мнению, следовало терпеливо «поощрять сопротивление» среди населения, раздувать национализм².

В 1956 г. настойчивые призывы к «освобождению» были восприняты враждебными социалистическому строю элементами в Венгрии как намерение США и других западных держав оказать военную поддержку контрреволюционерам. Частная австрийская организация провела в конце ноября 1956 г. (по заданию ЮСИА) опрос 410 контрреволюционеров-беженцев; 50% из них заявили, что под влиянием радиопередач у них «сложилось впечатление, что в случае восстания Запад окажет им военную поддержку». В книге, написанной в 1968 г., Т. Соренсен прямо обвиняет американский пропагандистский аппарат в провоцировании контрреволюционного мятежа в Венгрии: «Поскольку американские пропагандисты и политики в период до и после 1956 г. вводили венгров в заблуждение, они повинны в провокации и безответственности...

¹ T. Sorensen. The Word War, p. 84.

² E. Barrett. Truth is Our Weapon, p. 213.

Американскому престижу был нанесен урон»¹.

В конце 50-х годов американские буржуазные теоретики вновь занялись поисками причин пропагандистских неудач Вашингтона. Их видели то в частой смене начальников информационной службы, то в организационной неразберихе, то в недооценке руководящими деятелями международного общественного мнения. Все эти факторы действительно существовали. Однако главный заключался в постоянно растущем авторитете Советского Союза, всех социалистических стран, идей социализма на международной арене, в вопиющем расхождении между словами и делами правящих кругов США. Никакие лозунги о «миролюбии», «демократии» и т. п. не могли замаскировать агрессивность американской политики.

4. «Теория тоталитаризма»

В 50-х годах для обоснования внешнеполитического курса США в американской идеологии широко используются теории, выдвинутые буржуазными философами, социологами, экономистами, историками. Общий и главный элемент большинства этих теорий — попытки обелить империализм, снять с него ответственность за глубочайшие социальные конфликты.

В 1951 г. в США был издан объемистый труд «Элементы и корни тоталитарного господства», посвященный анализу фашизма. Автор книги — Ханна Арендт, профессор права нескольких американских университетов, ученица известного немецкого философа-идеалиста Карла Ясперса. Она бежала из гитлеровской Германии сперва в Париж, а в 1941 г.— в США, где опубликовала ряд исследований по социологии и праву. Пытаясь анализировать истоки фашизма, Арендт не сумела разобраться в его социальной при-

¹ Однако в 1956 г. Т. Соренсен, как и другие ответственные деятели США, делал все возможное, чтобы средствами пропаганды исказить существо венгерских событий, представить контрреволюционный путч как «борьбу за свободу». Срочно были скомпаниованы и распространены книги, воспевающие «подвиги» контрреволюционеров, рекламирующие американскую помощь беженцам, «успехи» предателей родины, обосновавшихся в США (см. T. Sorenson. The Word War, p. 92).

роде. Классовый анализ фашизма как порождения империализма остается вне поля ее зрения.

Какой класс находился у власти в фашистской Германии — этот определяющий вопрос Х. Арендт не только не ставит, но сознательно и преднамеренно обходит. «Бесконечные рассуждения о том, носила ли германская экономика при нацистах социалистический или капиталистический характер, являются в значительной мере искусственными»¹, — заявляет она, сосредоточивая внимание на конструировании некой абстрактной модели «тоталитарного» государства.

Анализируя фашизм вне связи с порождающим его империализмом, Х. Арендт фактически реабилитирует и тот и другой. Правда, один из разделов ее книги посвящен исследованию империализма, но анализ ведется в плане той буржуазно-мещанской и ревизионистской критики, которая была разоблачена В. И. Лениным в 1916 г. в книге «Империализм, как высшая стадия капитализма». Х. Арендт рассматривает империализм не как общественно-экономическую формуцию, а всего лишь как «принцип экспансии», проявившийся будто бы в буржуазной политике в 1884—1914 гг. и якобы исчерпавший себя в эти годы. Экспансия же расценивается как «средство политики», причем насилию придается значение решающего фактора. «Насилие, — пишет Арендт, — всегда было конечным оправданием политического ремесла»², т. е. является будто бы чертой, присущей внешней политике любого государства.

При такой постановке вопроса политика экспансии предстает как некая абстрактная категория. Она преднамеренно отрывается от социально-экономической природы империализма. В данном случае вполне применима критика В. И. Ленина в адрес Каутского и его теории «ультраимпериализма». Суть дела в том, писал В. И. Ленин, что Каутский отрывал политику империализма от его экономики, толкуя об аннексиях, как «предпочитаемой» финансовым капиталом политике, и противопоставляя ей другую возможную будто бы

¹ H. Arendt. Elemente und Ursprünge Totaler Herrschaft. Frankfurt am Main, 1955, S. 554.

² H. Arendt. Elemente und Ursprünge Totaler Herrschaft, S. 229.

буржуазную политику на той же базе финансового капитала. По Каутскому выходило, что монополии в экономике совместимы с немонополистическим, ненасильственным, незахватным образом действий в политике.

Империализм совместим с незахватнической, ненасильственной политикой, ибо «принцип экспансии» будто бы исчерпал себя еще накануне первой мировой войны,— таков вывод, к которому приходит Х. Арендт в результате исследования политики империализма вне связи с ее экономической базой. Из той же ложной посылки Х. Арендт делает еще один важный для ее «теории» вывод: экспансия, будучи не обусловленным экономикой «средством политики», выражает интересы всех классов, представляет собой общеноциональное явление. «Экспансия в качестве средства политики соответствовала интересам всей нации, а не только собственников и владельцев избыточного капитала»¹,— утверждает Арендт, рассматривая, таким образом, экспансию как нечто содействующее устраниению классовых различий в обществе. Образуется якобы новая структура современного общества, главные элементы которого — буржуазия и «моб». Последний, подчеркивает Арендт, не равнозначен рабочему классу и не тождествен понятию «народ». Он возникает и растет в результате неизбежного распада различных классов и прослоек общества, иначе говоря, представляет собой скопище деклассированных элементов. Вот этот-то состоящий из разрозненных «атомизированных» индивидов «моб», количественно все время возрастающий, является, в понимании Х. Арендт, опорой империализма: «Союз между капиталом и мобом стоит в начале всякой последовательной империалистической политики»².

Итак, политика империализма выражает интересы всей нации, состоящей из буржуазии, с одной стороны, деклассированного «моба» — с другой. Последний, следовательно, несет такую же, как и буржуазия (и даже большую, будучи более многочисленным), ответственность за основанную на насилии империалистическую экспансию.

¹ H. Arendt. Elemente und Ursprünge Totaler Herrschaft, S. 249.

² Ibid., S. 256.

В результате распада общества и деморализующего воздействия на него экспансионистской политики, рассуждает далее Х. Арендт, появляются специфические движения «моба»: националистические «пан-движения» (пан-германизм, пан-славизм — движения «тоталитарные»). Последние более агрессивны, нежели империализм (который, согласно Арендт, прекратил свое существование в 1914 г.), им свойственно стремление к «завоеванию мира»¹, к установлению «тоталитарного» режима.

Из подобных путаных рассуждений напрашиваются вполне определенные выводы: империализм ничего общего ни с войнами, ни с фашизмом не имеет; за возникновение фашизма, за его политику агрессии и войны несет ответственность не империализм, а трудающиеся массы, народ (как бы ни пыталась списать их со счета Х. Арендт, придумав слово «моб»); всякое движение масс объявляется опасным, так как ведет к возникновению «тоталитарных» режимов. Обуздать, следовательно, надо не империализм, а народ.

Кто же будет их «обуздывать», коль скоро народные массы (т. е. большинство человечества) заносятся в разряд источника фашизма и войн? Эту задачу, отвечает вслед за своим учителем К. Ясперсом² Х. Арендт, должны выполнить «люди», т. е., согласно философии экзистенциализма, те просвещенные, не относящиеся якобы к какому-либо классу личности, которые, не в пример подчиняющейся стадным инстинктам «толпе», обладают «свободой выбора», способны самостоятельно мыслить и действовать. Именно они должны проследить за тем, чтобы «массы вновь не пошли по тоталитарному пути»³.

Важно отметить, что, рассуждая об «империализме» и «тоталитаризме», Х. Арендт подчеркивает: ни тот, ни другой не свойствен англосаксонским странам, в частности Америке. Последняя якобы находится «вне империалистических тенденций»⁴. Зато она приписывает эти явления «массовому обществу» в Советском Союзе,

¹ H. Arendt. Elemente und Ursprünge Totaler Herrschaft, S. 655.

² Karl Jaspers. Vom Ursprung und Ziel der Geschichte. München, 1944.

³ H. Arendt. Elemente und Ursprünge Totaler Herrschaft, S. 488.

⁴ Ibid., S. 406.

откуда, следовательно, и исходит якобы «угроза войны».

Нужно ли удивляться, что это «исследование» было немедленно переведено на множество языков и в сотнях тысячах экземпляров распространено американским пропагандистским аппаратом за рубежом? Подобная «критика» фашизма на деле играла на руку силам самой махровой реакции¹, оправдывала подавление революционного, национально-освободительного («тоталитарных!») движений, усыпляла бдительность народов перед лицом происков империализма, содействовала забвению того, что империализм является источником войн и агрессий. Заодно Х. Арендт помогала реакции раздувать истерию о «коммунистической угрозе».

Неудивительно также, что быстро вошедшие в моду рассуждения о «тоталитаризме масс» нашли множество сторонников среди буржуазных социологов. Не прибавляя ничего нового к сказанному Ханной Арендт, они постепенно сотворили отвлеченную «модель тоталитаризма», определяя ее пятью-шестью признаками². В 50-х годах исследования о политике социалистических стран почти полностью свелись к попыткам втиснуть ее в эту искусственную «модель». Этим в равной мере занимались как теоретики «либерального» направления, так и откровенные реакционеры.

Видный представитель американского консерватизма Людвиг фон Мизес является автором теории «тотального планирования», которая, как и концепция Ханны Арендт, подводит к мысли о «коммунистической угрозе». С именем Людвига фон Мизеса связана антикейнсианская школа в буржуазной политэкономии, отстаивающая принцип «свободного предпринимательства» (*laissez-faire*) в противовес «государственному регулированию». Сторонники Мизеса утверждают: сущность капитализма определяется «свободным предпринимательством» и «свободным» функционирова-

¹ И продолжает играть. Книга Х. Арендт «Элементы и корни тоталитарного господства» за последние годы переиздана в США дважды — в 1966 и 1968 гг.

² K. Friedrich, Z. Brzezinski. *Totalitarian Dictatorship and Autocracy*. N. Y., 1956; Z. Brzezinski. *The Permanent Purge*. N. Y., 1956; K. Friedrich, editor. *Totalitarianism*. N. Y., 1956.

нием рынка. Системой же, диаметрально противоположной «свободному предпринимательству», они считают «плановую экономику». В ней, заявляют они, заключен «антитезис свободного предпринимательства, частной инициативы, частной собственности на средства производства»¹. В рубрику «плановой экономики» заносится всякое общество, в котором налицо элементы планирования или государственного регулирования независимо от его классовой природы.

Такая постановка вопроса открывает безграничный простор для искажения действительности. Известно, что вмешательство буржуазного государства в экономику страны с целью обеспечения максимально высоких прибылей для монополий — отличительная черта государственно-монополистического капитализма. Последний проявляется, в частности, в форме государственного регулирования экономики, когда капиталистическое государство принимает ряд мер, способствующих временной стабилизации внутреннего рынка. Однако это «регулирование» не в состоянии устраниć коренные противоречия капиталистической системы¹.

В настоящее время, отмечает Мизес, государственно-монополистический капитализм получил наибольшее развитие в США, до второй мировой войны — в фашистской Германии.

Имелось ли налицо в фашистской Германии то, что Мизес называет «планированием», т. е. государственное регулирование экономики? Да, безусловно, имелось, но то было государственно-монополистическое регулирование с целью укрепления экономических позиций монополистического капитала и создания предпосылок для внешнеполитической экспансии². Регулирование не затронуло основы капитализма — частной собственности на средства производства. Это признает и Мизес: «Нацисты не экспроприировали антрепренеров и капиталистов... Антрепренеры сохранили свои позиции в экономике»³. Однако эту коренную особен-

¹ Ludwig von Mises. Planning for Freedom. South Holland, 1952, p. 1.

² Еще в 1919 г. В. И. Ленин называл Германию образцом «превращения монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм...» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 157).

³ Ludwig von Mises. Planning for Freedom, p. 77—78.

ность капиталистической экономики Мизес отмечает прочь как безделицу. По его мнению, частная собственность монополий в фашистском государстве выражает всего лишь «внешнюю видимость капитализма»¹, а на самом деле там не капитализм, а некая внеклассовая «плановая экономика». Всякое же планирование или регулирование экономики со стороны государства (независимо от классовой природы) Мизес объявляет злом («тоталитаризмом!»), ибо оно нарушает свойственную капитализму «свободную» ифру «свободного» рынка.

Таким путем Мизес приходит к своему основному выводу о двух типах общества: «свободном» и «тоталитарном». К последнему он относит любое общество, в котором экономика регулируется государством. Какое это общество и какое регулирование — государственно-монополистическое ради капиталистической прибыли или централизованное планирование социалистического государства во имя интересов трудящихся — его не интересует. Он утверждает одно: «регулирование» равнозначно «планированию», а последнее означает «тоталитаризм».

На этом выводе, представляющем собой образец софистики самого низкого пошиба, основывается «теория тоталитаризма» в изложении Мизеса. Все дальнейшее теоретизирование сводится к тому, что черты, свойственные порождаемому империализмом тоталитарному государству, — произвол и насилие над личностью, милитаризм, стремление к войне и порабощению народов, — механически переносятся на самый передовой, гуманный строй — социализм на том «основании», что «и там существует плановая экономика».

Тезис о «тоталитаризме» Мизес использует для того, чтобы исказить вопрос о природе войн в современную эпоху. Он пишет: «В глазах публики... капитализм является коренной причиной... войн». Но это не так, заявляет Мизес, ибо «подлинный» капитализм — это «свободное» общество, которому чужда агрессия. То, что войны порождаются капитализмом, Мизес пытается опровергнуть встречным тезисом: «войны порождаются тоталитарными государствами». Покуда существуют страны, где экономика контролируется го-

¹ Ludwig von Mises. Planning for Freedom, p. 5.

сударством (независимо от его классовой природы!), до тех пор будут существовать и войны. «В век этатизма надежды на мир беспочвенны»¹. Таков выработанный Мизесом «теоретический» фундамент для обоснования пресловутого мифа о «коммунистической угрозе».

Методологической основой изложенной аргументации (если позволительно говорить о методологии применительно к столь грубой фальсификации) является обыкновенная софистика, когда закономерности одной группы явлений (госкапиталистическое регулирование, империалистическая война, фашизм) применяются к явлениям совершенно иного, принципиально противоположного порядка (социализм, социалистическое планирование, защита от империалистической агрессии). По поводу такой «методологии» В. И. Ленин писал: «Софист выхватывает один из «доказов», и еще Гегель говорил справедливо, что «доказы» можно подыскать решительно для всего на свете. Диалектика требует всестороннего исследования данного общественного явления в его развитии и сведения внешнего, кажущегося к коренным движущим силам, к развитию производительных сил и к классовой борьбе»².

Помимо тезиса о «коммунистической угрозе» в американских внешнеполитических доктринах (в частности, доктринах «сдерживания» и «освобождения») с целью обоснования вмешательства во внутренние дела социалистических стран выдвигается и другой, фактически противоречащий первому вывод: о «нестабильности» социалистического строя, его внутренней «слабости», «неустойчивости», о том, что социализм якобы «навязан» сверху (в результате «заговора»). Буржуазные идеологи создают «теоретический» фундамент и для этого антикоммунистического тезиса, манипулируя понятием о «свободе личности». Утверждается, будто капиталистическая собственность на средства производства автоматически гарантирует «свободу личности». На деле, как откровенно поясняют идеологи «консервативного» направления, например

¹ Ludwig von Mises. Omnipotent Government. New Haven, 1944, p. 4, 106.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 223.

Мизес, речь идет о возможности индивидуума «свободно покупать и продавать на рынке»¹. О направленности подобной фальсификации предупреждал еще К. Маркс: «...не давайте обманывать себя абстрактным словом *свобода!*»²

Существует несколько вариантов реакционной теории о «свободном капиталистическом» обществе в противовес «несвободному социалистическому»³. В США было широко распространено исследование известного английского философа-неопозитивиста Карла Поппера, который «открытым» буржуазному обществу противопоставляет «закрытое», существующее якобы в социалистических странах. Корни «закрытого» общества Поппер обнаруживает в первобытнообщинном строе («трибализме»), которому было свойственно абсолютное подчинение личности коллективу. «Трибализм» предшествует цивилизации; последняя, согласно Попперу, начинается не с возникновения частной собственности, классов и государства, а с «эмансипации индивида», обретения им «свободы», означающего переход от «закрытого общества» к «открытым».

Абсолютизируя придуманную им идеологию «трибализма», Поппер подводит под это понятие всякую (вне зависимости от социально-экономического содержания) «коллективистскую» доктрину, т. е. «подчеркивающую первостепенное значение племени, без которого индивид — ничто». К такого рода «коллективистским», «трибалистским» доктрина Поппер относит любую теорию, провозглашающую движущей силой истории не личность, а общность людей, «подчеркивающую значение коллектива или группы, например государства, нации, класса»⁴.

Вопреки вымыслам буржуазных теоретиков подлинную свободу развития человеческой личности может обеспечить только коммунистическое общество. Свобода, достоинство и всестороннее развитие человека стоят в центре марксистско-ленинского учения об

¹ Ludwig von Mises. Planning for Freedom, p. 38.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 416.

³ M. Kornforth. The Open Philosophy and the Open Society. L., 1968.

⁴ Karl Popper. The Open Society and its Enemies, vol. I. L., 1945, p. 7, 178.

обществе. Коммунизм упраздняет частную собственность и тем самым возвращает человеку его свободу, его подлинную человеческую сущность. Маркс определяет коммунизм как «полное, происходящее сознательным образом и с сохранением всего богатства достигнутого развития, возвращение человека к самому себе как человеку *общественному*, т. е. человеческому»¹.

Мысли, высказанные более 150 лет назад Марксом, воплощены в Программе КПСС: «Коммунизм выполняет историческую миссию избавления всех людей от социального неравенства, от всех форм угнетения и эксплуатации, от ужасов войны и утверждает на земле **Мир, Труд, Свободу, Равенство, Братство и Счастье** всех народов»².

Вариантом концепции «закрытого общества» применительно к международным отношениям является «блоковая теория». Она также толкует об «отсутствии свободы», но не внутри социалистического общества, а во взаимоотношениях социалистических стран. Согласно этой реакционной теории, социалистическое содружество не добровольный союз свободных народов, идущих по единому пути строительства социализма и коммунизма, а «насильственно навязанный странам Восточной Европы военно-политический блок»³.

Подобно прочим антисоветским концепциям, «блоковая теория» — реакционная схема, совершенно игнорирующая реальные процессы становления народно-демократического строя в странах Юго-Восточной и Центральной Европы. В рассуждениях буржуазных исследователей на эту тему обычно отсутствует конкретный исторический анализ истоков социалистических революций в этих странах, процесса становления в них социалистического строя. Советский Союз, Советская Армия в силу своей освободительной миссии безусловно содействовали победе социалистических революций тем, что преградили путь контрреволюции. Благотворная роль Советского Союза сказалась и в том, что его дружеская помощь и поддержка создавали

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 588.

² «Программа Коммунистической партии Советского Союза». М., 1972, стр. 6.

³ J. F. Dulles. War or Peace. N. Y., 1950, p. 140.

благоприятные условия для строительства социализма в восточноевропейских странах, способствовали преодолению трудностей, а военная защита гарантировала от империалистических провокаций. В свою очередь и эти страны помогали делу строительства коммунизма в СССР. «Верная своему интернациональному долгу, родина Октября оказала и оказывает широкую поддержку народам братских социалистических государств. В распоряжении коммунистических и рабочих партий находится богатый опыт построения социализма в СССР. С другой стороны, развитие целой группы стран по пути, проложенному Октябрем, содействует строительству коммунизма в Советском Союзе»¹.

Выдвинувшие «блоковую теорию» буржуазные теоретики ввели в оборот и соответствующую терминологию. Авторы коллективного труда об СССР применяют выражение «блок сателлитов»². «Советский блок» — так называет социалистическую систему известный идеолог антисоциализма З. Бжезинский³. Антисоциалистическая терминология отражает неспособность реакционных идеологов буржуазии мыслить категориями, отличными от тех, которые порождены отношениями господства и подчинения, свойственными капитализму.

Примитивная «блоковая теория» стала составной частью внешнеполитической идеологии американского империализма в 50-х годах. Создавая иллюзию «случайности», а следовательно, непрочности социалистического строя в восточноевропейских странах, она «обосновывала» агрессивную политику «сдерживания» и «освобождения». На деле же имеет место то, что свойственно империалистическим доктам вообще: живая действительность, с ее многообразием форм, находящихся в процессе постоянного изменения и развития, втискивается в искусственные, мертворожденные схемы. Эти схемы препятствовали появлению на Западе

¹ «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Документы и материалы», стр. 73.

² T. Fitzimmons, P. Malof, J. C. Fiske. USSR. Its People and Societies. New Haven, 1960.

³ Z. Brzezinski. The Soviet Bloc. Unity and Conflict. Cambridge 1960.

сколько-нибудь объективных исследований о социалистических странах, о действительных процессах, происходящих в них, о становлении новых общественных отношений.

* * *

В целом на протяжении 50-х годов идеологические средства наряду с политическими, экономическими, дипломатическими использовались империалистическим государством для нагнетания международной напряженности. Естественная в условиях противоборства двух систем идеологическая борьба на международной арене настойчиво и преднамеренно направлялась в русло подрывной деятельности. Клеветнические догмы антисоветизма, не имеющие ничего общего с действительностью, превратились в существенный фактор, препятствующий налаживанию нормальных отношений между США и социалистическими странами.

Исторические факты подтверждают: в условиях, когда существует уже не одна социалистическая страна — СССР, а сложилась мировая система социализма, в еще большей мере, чем прежде, проявляется роль антисоветизма в качестве главной идеологической основы внешней политики империализма. Вместе с тем антисоветизм служит и средством обоснования этой политики. Ссылками на необходимость «защиты от коммунистической угрозы» оправдывается вмешательство США в дела других стран. Укоренившиеся антисоветские мифы, которые буржуазные идеологи пытались теоретически «подкрепить» с помощью так называемой концепции «тоталитаризма», препятствовали поискам реалистических подходов в политике.

В послевоенные годы определяется роль США в качестве центра мировой реакции. Отсюда направляются и координируются идеологические удары против социалистических стран, которые принимают формы «психологической войны». Это уже не идеологическая борьба в собственном смысле слова, а подрывная деятельность, грубое вмешательство во внутренние дела других государств.

**1. Культ силы и шовинизм — основа
американской великодержавности.
Поиски новых форм ее маскировки**

Идеологической основой политики США является наряду с антикоммунизмом великодержавность, опирающаяся на культ силы и шовинизм. Принципы, сформулированные в XIX веке в произведениях ранних теоретиков-экспансионистов (А. Мэхена, Б. Адамса и др.), продолжали оставаться доминирующими и в дальнейшем. В первые послевоенные годы, когда в США превалировала уверенность в наступлении якобы «американского века», эти принципы провозглашались буржуазными теоретиками достаточно откровенно. «Не будет преувеличением сказать, — писали идеологи крайне правого направления Р. Страус-Хюпе и С. Пессони, — что американская внешняя политика определялась и определяется силой и соображениями силы»¹. Опора на силу, по их мнению, обеспечивает «успех» этой политики: «Соединенные Штаты были и все еще являются одним из наиболее законченных профессионалов в области «политики силы» во всех ее формах»².

В 50-х годах дальнейшее развитие получила так называемая школа «политического реализма», сложившаяся в предыдущем десятилетии. Продолжая традиции экспансионистов XIX века, ее представители ставили во главу угла своей политической теории тезис о решающей роли силы в международных отношениях.

¹ R. Strausz-Hupé, S. Possony. International Relations. N. Y., 1950, p. 177.

² Ibid., p. 722.

«Центральная концепция моей политической теории,— подчеркивал признанный глава школы «политического реализма» Ганс Моргентай,— заключается в силе»¹. Политика, утверждает он, «есть столкновение интересов, разрешаемое через борьбу за силу»². Правда, Г. Моргентай и его последователи включают в понятие «силы» не только военную мощь, а и географические и демографические факторы, промышленный потенциал, природные богатства, особенности национального характера народа. Но главный источник силы государства, по глубокому убеждению теоретиков «политического реализма», составляет военный потенциал. «Военная мощь — тот фундамент, на котором строится позиция страны относительно других государств. Если этот фундамент слаб и хрупок, все остальное обречено быть столь же немощным и нетвердым»³, — отмечает Моргентай. «Военная сила — необходимый элемент международных отношений... Дипломатия зиждется на политике силы»⁴, — вторит ему Р. Осгуд.

Продолжая традиции, восходящие корнями к известному политическому мыслителю XVI века Макиавелли, теоретики «политического реализма» фактически обосновывали неизбежность превращения международной политики в политику «с позиции силы». Долгое время подобными идеями пытались обосновать необходимость «холодной войны».

Марксисты-ленинцы не отрицают того очевидного факта, что военная сила играет большую роль в международных отношениях. Однако глубоко ошибочно утверждать, будто военное могущество — определяющий фактор международных отношений, как это делают «политические реалисты».

Что касается роли насилия в истории, то основоположники марксизма-ленинизма, как известно, неизменно обращали внимание на его классовую функцию. Насилие, подчеркивали они, является не целью политики, а средством защиты интересов эксплуататорских классов. «...Насилие только охраняет эксплуата-

¹ H. Morgenthau. Politics in the Twentieth Century, vol. I. Chicago, 1962, p. 48.

² Ibid., vol. III, p. 90.

³ Ibid., vol. II, p. 151.

⁴ Р. Осгуд. Ограниченная война. М., 1960, стр. 71.

цию»¹ — такова, по определению Ф. Энгельса, роль военной силы как во внутренней, так и во внешней политике капиталистического общества.

Буржуазные же теоретики, сводя понятие силы к военной силе и абсолютизируя последнюю, совершенно игнорируют классовое содержание международных отношений, сбрасывают со счетов определяющую роль социально-политических факторов. Характеризуя эту особенность буржуазной политической мысли, К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «...начиная с Макиавелли, Гоббса, Спинозы, Бодена и других мыслителей нового времени, не говоря уже о более ранних, сила изображалась как основа права; тем самым теоретическое рассмотрение политики освобождено от морали...»²

Хотя со времени написания «Немецкой идеологии» (откуда взяты эти слова) прошло более ста лет, подмеченная К. Марксом и Ф. Энгельсом особенность присуща и современным буржуазным теориям.

Основываясь на тезисе о первичной роли военной силы в международных отношениях, теоретики «политического реализма» конструируют концепцию «баланса сил». Авторы этой концепции говорят о необходимости «поддержания равновесия внутри системы межгосударственных отношений», о «государстве-арбитре», осуществляющем эту функцию³.

На первый взгляд кажется, будто речь идет о поддержании равновесия сил на мировой арене. В сущности же, имея в виду смысл, который придается понятию «сила», содержание международных отношений сводится к способности наиболее могущественного в военном отношении государства поддерживать состояние вражды между своими соперниками, содействуя ослаблению последних и сохранению собственных господствующих позиций. Это открыто признавали апологеты империалистической экспансии, например Н. Спайкмен: «Истина заключается в том, что целью государства является не равновесие, а значительное превосходство»⁴.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 156.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 314.

³ H. Morgenthau. Politics among Nations. N. Y., 1960, p. 194.

⁴ N. Spykman. America's Strategy in World Politics, p. 21.

На деле речь идет о классовой политике эксплуататорского государства, основывающейся на отношениях господства и подчинения. Особенно отчетливо эта закономерность проявляется в эпоху империализма. Характеризуя ее, Программа КПСС подчеркивает: «Империализм не знает иных отношений между государствами, кроме отношений господства и подчинения, угнетения слабого сильным. Международные отношения он строит на диктате и угрозах, насилии и произволе»¹.

Издавна определился еще один компонент доктрины «баланса сил», отражающий ее классовую функцию в качестве орудия эксплуататорских классов — контрреволюционный интервенционизм. Еще в XIX веке «теорию равновесия» и сопутствующий ей «принцип легитимизма» широко использовали идеологи «Священного союза» для того, чтобы оправдать подавление национально-освободительной борьбы европейских народов. «Интервенция была оружием системы равновесия»², — писал в 1845 г. известный эксперт по международному праву Г. Оппенгейм. Сегодня буржуазные теоретики, говоря о поддержании «баланса сил», подразумевают также необходимость подавления революционных движений.

Культ силы империализма США послужил в 50-х годах также фундаментом для разработки некоторыми буржуазными теоретиками концепции о неправомерности в наше время национального суверенитета. Последний определялся ими лишь как способность государства отстоять свою независимость *военным путем*. Коль скоро, рассуждали они, та или иная страна не обладает достаточной военной силой для того, чтобы отстоять, в случае нападения, свою независимость, то ее суверенитет не что иное, как «фикция». Международное право, основанное на концепции суверенитета, устарело, писал профессор Гарвардского университета У. Эллиот (в прошлом член Национального совета безопасности), ибо, «когда эта концепция применяется к государствам, не имеющим реальных возможностей

¹ «Программа КПСС», стр. 56.

² H. B. Oppenheim. System des Völkerrechts. Frankfurt am Main, 1845, S. 31.

для развития и охраны своих собственных ресурсов, она почти что фикция»¹.

Мысль о зависимости национального суверенитета от военного потенциала развивали представители школы «политического реализма». «Суверенитет утратил истинное значение для всех, за исключением наиболее сильных и передовых в техническом отношении государств»², — писал С. Поссони. Г. Моргентау развил это положение, ссылаясь на особенности внешней политики государств в условиях атомного века. «Смысл существования национального государства, — писал он, — ...в его способности осуществлять ряд функций... элементарная из которых — защита жизни граждан и ценностей цивилизации». Коль скоро же «ни одно национальное государство не в состоянии обеспечить защиту своих граждан от атомного нападения», то из этого, по мнению Моргентау, вытекает, что принцип национального суверенитета устарел и «он должен уступить место более широкому политическому принципу»³.

Попытка поставить принцип национального суверенитета в зависимость от военной мощи государства, свести его к военному потенциалу была выгодна в первые послевоенные годы прежде всего США, самой мощной в военном отношении империалистической державе, стремившейся создать свои базы во всех стратегически важных районах земного шара. На протяжении 50-х годов ряд американских теоретиков настойчиво призывали заменить принцип равноправия и самоопределения народов, зафиксированный в Уставе ООН, «наднациональным порядком», предусматривающим руководящую роль США⁴.

О смысле, который вкладывается в понятие «наднационального порядка», можно судить по заявлению бывшего государственного секретаря США Дж. Ф. Даллеса в отношении Организации американских государств. Рассматривая ОАГ как «образец, которому

¹ W. Elliot. Colonialism: Freedom and Responsibility. «The Idea of Colonialism». N. Y., 1958, p. 541.

² «The Idea of Colonialism», p. 34.

³ H. Morgenthau. The Paradoxes of Nationalism. «The Yale Review», vol. XLVI, Summer, 1957, N 4, p. 490, 496.

⁴ P. C. Jessup. A Modern Law of Nations. N. Y., 1952, p. 185.

надо следовать», Даллес говорил о «первенстве американских республик в установлении международного порядка на региональной основе»¹. В действительности, как известно, основанная на принципах «панамериканизма» ОАГ явилась прообразом не «международного порядка», а созданных под эгидой США военных блоков. Генеральный секретарь ЦК Бразильской коммунистической партии Луис Карлос Престес разоблачил ОАГ как «ложное братство эксплуататоров с эксплуатируемыми». «...Панамериканизм,— писал он,— является не более как маской, которая прикрывает развивающееся наступление американского империализма на угнетенные латиноамериканские страны»².

Теории, отвергающие национальный суверенитет, относились их авторами в первую очередь к государствам, сбросившим иго колониализма и вступившим на путь независимого развития.

Разоблачая маневры империализма, направленные на сохранение своих позиций в странах, завоевавших политическую самостоятельность, Совещание представителей коммунистических и рабочих партий (ноябрь 1960 г.) в своем Заявлении отметило: «Империалисты стремятся выхолостить, подорвать национальный суверенитет освободившихся стран, извратить смысл самоопределения наций, навязать под флагом так называемой «взаимозависимости» новые формы колониального господства, поставить у власти в этих странах своих марионеток, подкупить некоторую часть буржуазии, используют отравленное оружие национальной розни, чтобы ослабить силы молодых неокрепших государств»³.

Отрицание права молодых развивающихся государств на национальный суверенитет нашло отражение, в частности, и в «теории вакуума силы». Согласно этой «теории», в тех районах мира, откуда в результате национально-освободительной борьбы народов «классические» колониальные державы были изгнаны, обра-

¹ «The Department of State Bulletin», 1958, N 1000, p. 306.

² Цит. по кн.: М. В. Антасов. Современный панамериканизм. Происхождение и сущность доктрин панамериканской «солидарности». М., 1960, стр. 6.

³ «Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм». М., 1964, стр. 65.

зуется якобы зона пустоты, которую ради сохранения там основ капитализма должны заполнить США.

«Теория вакуума силы», выдвигавшаяся в 50-х годах всякий раз, когда требовалось оправдать захватнические устремления империалистов США,— характерное проявление американского неоколониализма. Молодые национальные государства, естественно, восприняли эту «теорию» как глубоко оскорбительную для себя, как непрошенное вмешательство в их внутренние дела. Именно так она расценивалась народами арабских стран, когда в 1957 г. была использована для обоснования агрессивной «доктрины Эйзенхауэра».

В «теории вакуума» проявились и свойственные наиболее реакционным кругам расистские взгляды. Можно установить прямую преемственность между рассуждениями ранних экспансионистов XIX века и расистов 50-х годов: те же ссылки на превосходство англосаксов, обусловленное биологической природой, географической средой, климатом и т. д. Геополитик Г. Маккиндер, прямой продолжатель идей Мэхена, делил человечество на высшую и низшую расы в зависимости от формы черепа¹. Колониальное господство он объяснял «цивилизаторской миссией» белого человека по отношению к принадлежащему к низшей расе туземному населению.

Н. Спайкмен утверждает, будто народы колоний отставали в своем экономическом, политическом и культурном развитии не потому, что их прогрессу препятствовали колонизаторы, а из-за... жаркого климата. Империалистические же государства, продолжает он, в силу самих природных условий, в которых они существуют, «призваны руководить» народами жарких стран. «Политическая сила в мире... сконцентрирована в зонах умеренного климата,— пишет он,—...история вершится в странах умеренных широт»². На этом «основании» Спайкмен, например, объявляет большую часть Латинской Америки районом, не имеющим решительно никакой возможности стать «зоной силы» и обреченным на подчинение «сильному центру» Западного полушария, т. е. США³. Предопределенность за-

¹ H. Mackinder. Democratic Ideals and Reality. N. Y., 1944, p. 44.

² N. Spykman. America's Strategy in World Politics, p. 42.

³ N. Spykman. The Geography of Peace. N. Y., 1944, p. 24—28.

висимости Латинской Америки от США констатирует и геополитик И. Киффер: «Районы с неблагоприятным климатом... становятся объектом эксплуатации со стороны держав, расположенных в зонах наиболее благоприятного климата»¹.

Довод о решающей роли климатических условий выдвигается также в работах геополитика Е. Хантингтона. Отнеся почти все страны Африки, Ближнего Востока, Азии, Южной Америки к зоне «наихудшего климата», он объясняет отсталость народов этих стран «тропической инертностью». Что же касается американцев, то, согласно его схеме, проживая в условиях «самого активизирующего климата в мире», они обладают «в необычайно высокой мере качествами активности и способности к руководству»².

Аргументы, основанные на культе силы и шовинистических взглядах, однако, по вполне понятным причинам, отнюдь не содействовали достижению целей американской внешней политики. Уже в начале 50-х годов явно обозначились признаки падения международного престижа США. Открытое провозглашение во внешней политике принципов великодержавности, полное пренебрежение к правам и интересам других народов вопиющим образом шли вразрез с новыми условиями, сложившимися на мировой арене.

Прямолинейные ссылки на «американскую исключительность», подкрепленные откровенной ставкой на военную силу в сочетании с антикоммунизмом, приводили к результатам прямо противоположным тем, которые преследовали империалисты США. В освободившихся странах росли настроения антиамериканизма.

Явно обозначилась непригодность антикоммунизма для обоснования внешнеполитического курса США в отношении развивающихся стран. В условиях успешного развития социалистического содружества и роста авторитета идей марксизма-ленинизма на международной арене правящие круги США не могли более ограничиваться одной «антиидеологией». Распространение клеветы на социалистический строй, фальсификация политики и целей коммунистических партий, учения

¹ I. Kieffer. *Realities of World Power*. N. Y., 1952, p. 21—22.

² E. Huntington. *Principles of Human Geography*. N. Y., 1940, p. 340.

марксизма-ленинизма — все эти методы не способствовали тому, чтобы настроить мировую общественность в пользу США. Необходимо было как-то приспособливаться к изменившимся условиям, представить в более приглядном свете конечные цели их внешней политики и социальную систему, которую империалисты Соединенных Штатов при помощи этой политики стремятся навязать другим народам. Противоборство с социализмом вынуждает империалистических идеологов уделять все больше внимания идейной защите капитализма как системы.

В США апологетика капитализма издавна строится на тезисе об «американской исключительности». Идеология «американизма» — неотъемлемая черта политической философии и экономии, социологии и историографии США. В новых условиях, когда образовалась и окрепла мировая социалистическая система, этому комплексу взглядов предстояло сыграть роль «противоядия», ограждающего массы от влияния идей коммунизма. Первоочередной для буржуазных теоретиков становится задача такой интерпретации идеологии «американизма», которая стушевала бы ее шовинистическую суть, выдвинула на передний план не национальную «исключительность», а, напротив, некие «универсальные» черты.

«Американизм» становится важным идеологическим оружием внешней политики США. С его помощью американские правящие круги стремятся уже не столько обосновать преимущества своей страны перед всеми другими, сколько представить США как образец социальной системы, противостоящей социалистической. Идеология «американизма» принимает форму восхваления капитализма в целом, ее цель — доказать вечность, незыблемость буржуазного строя. В этом смысле «американизм» можно рассматривать как оборотную сторону антикоммунизма. Нападки на социализм непременно сопровождаются восхвалением капитализма.

«Американизм» в его нынешнем виде принципиально отличен от позитивных идей американской буржуазной революции XVIII века, не имеет ничего общего со взглядами Томаса Джефферсона и Бенджамина Франклина, именами которых современные апологеты

империализма пытаются «освятить» свои теории¹. Идеологи американской революции 1775—1781 гг. восхваляли Америку как отличающуюся от всех прочих стран «землю обетованную». Но наряду с ложной идеей «американской исключительности» в их воззрениях воплотилось и реальное стремление народа американских колоний к свободе, равенству, прогрессу. Современный же «американизм» с его ярко выраженной антикоммунистической направленностью коренным образом отличается от идей раннего национализма периода буржуазной революции, имевшего определенное прогрессивное содержание.

Идеология «американизма» — сложное сочетание различных философских, экономических, политических, историографических теорий². Мы остановимся на двух основных направлениях в идеологии «американизма», отражающих два метода борьбы буржуазии за свои интересы — откровенно реакционный, консервативный и так называемый «либеральный». Методологическим ориентиром для анализа этих направлений является мысль В. И. Ленина: «На деле буржуазия во всех странах неизбежно вырабатывает две системы управления, два метода борьбы за свои интересы и отставания своего господства, причем эти два метода то сменяют друг друга, то переплетаются вместе в различных сочетаниях. Это, во-первых, метод насилия, метод от-

¹ Так, например, автор биографии Томаса Джейфersonа Г. Шинард называет этого выдающегося просветителя и деятеля американской революции «апостолом американства». Джейфerson, утверждает он, сформулировал «кредо американства», подчеркнув «своеобразие» Америки, ее «политическое превосходство» над другими странами. (G. Chinard. Thomas Jefferson. The Apostle of Americanism. Boston, 1939, p. XIII).

² Различные аспекты идеологии «американизма» рассматриваются в работах советских авторов: Н. Н. Болховитинов. Доктрина Монро (происхождение и характер). М., 1959; Н. М. Гольдберг. Свободомыслие и атеизм в США (XVIII—XIX вв.). М.—Л., 1965; А. Н. Яковлев. Идеология американской «империи». М., 1967; Г. Б. Хромушин. Развеянные мифы. Критика доктрины «американской исключительности». М., 1969; Б. И. Марушкин. История и политика. Американская буржуазная историография советского общества. М., 1969; Ю. М. Мельников. Внешнеполитические доктрины США. Происхождение и сущность программы «Новых рубежей» президента Д. Кеннеди. М., 1970; А. Каренин. Философия политического насилия. Критика некоторых антикоммунистических концепций в области внешней политики США. М., 1971, и др.

каза от всяких уступок рабочему движению, метод поддержки всех старых и отживших учреждений, метод непримиримого отрицания реформ... Второй метод — метод «либерализма», шагов в сторону... реформ, уступок и т. д.»¹.

2. Теории «консерваторов» и их значение для американского неоколониализма

В феврале 1951 г. журнал «Форчун» опубликовал памфлет о «превосходстве американского образа жизни», претенциозно озаглавленный «США: перманентная революция». В нем говорилось: «Нам слишком дорого обходится неспособность нынешнего поколения американцев объяснить остальному миру, что, собственно, представляет собой Америка. Этот недостаток пора устранить».

Авторы памфлета видят корень зла не в самой сути империалистической политики США, а в том, что она неверно освещается пропагандой: когда грубо, резко подчеркивается превосходство «американского образа жизни», утверждают они, это оскорбляет национальные чувства населения зарубежных стран.

Предлагалось перестроить пропаганду таким образом, чтобы изобразить «американизм» как нечто воплощающее «общечеловеческий» идеал: «США представляют собой не просто нацию, а образ жизни, основанный на универсальной идее»². Суть этой идеи — «святость человеческой личности», «освобождение человеческого духа от любых форм угнетения». Добившись «освобождения человеческого духа в результате революции личности против угнетения», США стали «родиной свободы, проложив путь всему человечеству». (Напомним, что это писалось во времена разгула маккартизма.) Историческая миссия, воплощенная в «американизме», утверждал «Форчун», в том и состоит, чтобы провести по этому пути другие народы.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 67.

² «USA: the Permanent Revolution». «Fortune», February 1951, p. 5, 63.

Когда же произошла «революция личности против угнетения», благодаря которой США стали «родиной свободы»? Речь, оказывается, идет об американской буржуазной революции 1775—1781 гг.

Революция, которая победила в результате героической борьбы американского народа за независимость,— одна из ярких страниц в истории. По словам В. И. Ленина, американская война за независимость была одной «из первых и наиболее великих в истории человечества действительно освободительных» и одной «из немногих в истории человечества действительно революционных войн...»¹ Она послужила толчком для буржуазии Европы. «...Американская война XVIII столетия за независимость,— писал К. Маркс,— прозвучала набатным колоколом для европейской буржуазии...»²

Декларация независимости 4 июля 1776 г., осудив колониализм и объявив о праве наций на независимость и равноправие, провозгласила отделение 13 американских колоний от Англии. Впервые в истории в официальном государственном документе был сформулирован принцип народного суверенитета: «Правительство получает свою власть от управляемых. Право народов — изменить его». Неотъемлемое право народов на революцию — такова важнейшая идея Декларации независимости. «Мы считаем очевидными следующие истины,— говорится в Декларации: — все люди сотворены равными и все они одарены своим создателем некоторыми неотъемлемыми правами, к числу которых принадлежат: жизнь, свобода и стремление к счастью».

На деле, однако, равенство, о котором говорится в Декларации независимости и других документах американской революции, было иллюзорным. Оно ограничивалось политическими правами, определявшимися имущественным положением и распространявшимися к тому же только на мужчин. Женщины политическими правами не пользовались. Главное же в том, что 600 тыс. негров-рабов оставались обреченными на жизненное рабство. Говоря об американской конституции, где политические права граждан были еще бо-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 344.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 9.

лее урезаны, чем в Декларации независимости, Энгельс писал в «Анти-Дюринге»: «...для специфически буржуазного характера этих прав человека весьма показательно то обстоятельство, что американская конституция, которая первая выступила с признанием прав человека, в то же самое время санкционирует существующее в Америке рабство цветных рас...»¹

Американская революция 1775—1781 гг. обеспечила в конечном итоге, как и все буржуазные революции, лишь одно неприкосновенное право — на владение частной собственностью.

Тезис о том, что Америка и ныне несет человечеству идеалы революции 1775—1781 гг., лег в основу пропаганды американского национализма в 50-х годах. Кампания «американизма» приняла самые разнообразные формы, в нее включились политические деятели, журналисты, историки, экономисты. О беззастенчивой апологии США свидетельствуют названия выпускавшихся в те годы книг: «Американский век», «Американский путь к миру», «Пакс Американа»².

Показательна изданная в 1953 г. книга «Американский путь к миру». Америка — нечто большее, чем страна, пишет ее автор А. Циммерн. Она воплощает в себе определенное «состояние духа». Америка — «цитадель свободы», «первая великая свободная держава в истории», прообраз будущего государственного устройства мира: «Судя по той легкости, с которой лица, поселившиеся в США, приспосабливаются к американскому образу жизни, ясно, что другие народы в потенции готовы принять его. Очевидно... не существует противоречия между американским образом жизни и образом жизни остального мира». Следуя американскому образцу, утверждает автор, «весь мир превратится в единое сообщество политических друзей и соседей». Призывая США к завоеванию мировой гегемонии, Циммерн аргументирует это следующим образом: поскольку Соединенные Штаты сформировались в результате объединения отдельных штатов, побуждаемых «добрососедскими отношениями», они

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 107.

² H. Luce. The American Century. N. Y., 1941; R. Flanders. The American Century. Cambridge, 1950; S. Clough. The American Way. N. Y., 1953; D. Perkins. The American Way. N. Y., 1957.

«способны к неограниченной экспансии. Они могли бы распространиться по всему земному шару...»¹

Много сделал для разработки «теоретических основ» «американизма» Ганс Кон, профессор истории Смитского колледжа в Нью-Йорке. В ряде книг, посвященных национализму вообще, американскому в частности, он проводит мысль об особом характере американского национализма: «Американский национализм — это прежде всего идеологический национализм, воплощение идеи, которая, возникнув в определенных географических и исторических условиях, представляет собой универсальную идею, самое важное и живущее наследие XVIII века»².

У Кона «универсальность» американства удивительным образом сочетается с его «исключительностью». США — исключительное явление, внушает Кон, но эта «исключительность» объясняется тем, что американцам якобы удалось осуществить стремления, свойственные «людям вообще». Поэтому в своей исключительности США не противостоят другим народам, а пролагают им путь к идеальному будущему. «Америка, провозгласив свободу и счастье своей основой и своей целью, рассматривала себя хранителем этих ценностей для Европы и человечества». Так, мол, повелось еще с XVIII века. «Американская нация была скреплена не «естественными» факторами крови и почвы и не общими воспоминаниями о своей длительной истории,— неоднократно повторяет Г. Кон.— Она сцементирована идеей, универсальной идеей. Лояльность Америке означала лояльность идеи. А раз эта идея универсальна, она могла быть распространена на каждого и служить основой его ассимиляции»³.

В книге «Американский национализм» (1957 г.) Г. Кон раскрывает политический смысл этих рассуждений. Коль скоро США — носитель «универсальной идеи», то их экспансия всегда благо для других народов. Так, доктрина «предопределения судьбы», под лозунгом которой осуществлялись захваты территории в XIX веке, была, согласно Кону, «средством распро-

¹ A. Zimmern. The American Road to World Peace. N. Y., 1953, p. 185.

² H. Kohn. The Idea of Nationalism. N. Y., 1961, p. 289.

³ Ibidem.

странить демократию и ее блага на новые обширные территории»¹. Благом для других народов он считает «доктрину Трумэна», «план Маршалла», Североатлантический пакт. Общий вывод Кона, раскрывающий политический смысл концепции «американизма», таков: «В XX веке, когда существование североатлантической цивилизации поставлено под угрозу силами, первоначальным успехам которых способствовали слабость и неорганизованность Запада (имеется в виду укрепление социалистического лагеря.—А. К.), США должны взять на себя руководство Западом»².

Итак, западной цивилизации противостоит «коммунистическая угроза». Побороть ее Запад сможет, лишь подчинившись руководству США, на которое последние «имеют право» вследствие универсального идеологического характера американского национализма. «Новый», «универсальный» американский национализм, или «американизм», служит для идеологического обоснования все тех же глобальных претензий империализма США.

От теоретиков, включившихся в «холодную войну», требовалось также содействовать искоренению оппозиции «большому бизнесу», активно рвавшемуся во все уголки мира³. Апологеты монополий превращали Морганов, Дюпонов, Джаннини и др. в «героев американского экономического роста», наделенных всеми мыслимыми добродетелями — предпринимательским гением, инициативой, прозорливостью, бережливостью. Их стали называть основоположниками «экономической стабильности и прогресса», «общественно-созиательной силой» истории, которые «совершили чудеса в области материальных достижений», «изменили лицо Америки».

Так формировался искаженный до неузнаваемости образ американских монополистов, которые, по выражению В. И. Ленина, «награбили сотни миллиардов долларов» и на каждом долларе «ком грязи», «следы крови»⁴.

¹ H. Kohn. American Nationalism. N. Y., 1957, p. 181.

² Ibid., p. 227—228.

³ См. Герберт Антекер. Лауреаты империализма. Монополистический капитал переписывает историю Америки. М., 1955.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 50.

Свою лепту в создание теоретических основ «американизма» внесли и экономисты. Проповедь «американской исключительности» — явление не новое в буржуазной политэкономии США¹. Еще в 20-х годах возникла теория об образовавшемся (якобы в результате «экономической революции») «новом капитализме США»². В 50-х годах эта тема вновь становится предметом множества исследований. С одинаковым рвением в защиту «американской исключительности» выступили экономисты как «консервативного», так и «либерального» направлений. При существенных различиях в аргументации и открытой полемике между ними и те и другие «доказывают», будто бы американский капитализм коренным образом отличается от капитализма других стран, а монополии благотворно влияют на развитие общества, «заботясь» о благе народа.

Важнейшей составной частью идеологии «американизма» становится возникшая еще в начале века доктрина «свободного предпринимательства», тщательно приспособленная экономистами-«консерваторами» к условиям XX века. Она использовалась для того, чтобы убедить в «преимуществах» американского капитализма общественность не только США, но главным образом развивающихся стран и тем самым обосновать проникновение доллара в их экономику.

В 40—50-х годах наиболее видным теоретиком «свободного предпринимательства» в США становится Людвиг фон Мизес. Согласно его теориям, принцип «свободного предпринимательства» — это квинтэссенция капитализма. «Свободное предпринимательство» означает возможность «для каждого индивидуума выбирать, каким образом он будет участвовать в общественном распределении труда, и решать, что именно должен производить предприниматель»³. Такая постановка вопроса перечеркивает наличие при капитализме антагонистических классов. Существуют только изолированные индивидуумы, утверждает Мизес, «свобод-

¹ См. Г. Б. Хромушин. Развеянные мифы. Критика доктрины «американской исключительности».

² T. N. Carver. The Present Economic Revolution of the United States. N. Y., 1925.

³ Ludwig von Mises. Planning for Freedom, p. 45.

но» определяющие свое место в обществе. Предприниматели, действуя через «свободный рынок», озабочены лишь тем, чтобы удовлетворить потребности человека. Мизес считает систему «свободного предпринимательства» настолько безукоризненной, что не видит необходимости в каких-либо изменениях ее. Рыночная экономика, говорит он,— это слаженная система, действующая автоматически. Всякая попытка воздействовать на нее извне приводит к хаосу.

Так идеологи «консерватизма» подводят к мысли о нежелательности каких-либо ограничений частнопредпринимательской деятельности. На практике рассуждения подобного рода использовались политиками правого толка в США, а также монополистами, заинтересованными в создании соответствующего их интересам «политического климата» в странах, куда устремлялся американский капитал.

В исследованиях теоретиков консерватизма частное предпринимательство, частная собственность на средства производства трактуются как основа индивидуализма, свободы личности: «Основной фигурой в свободном обществе является частный владелец крупной частной собственности»¹.

Лица же, не владеющие «крупной частной собственностью», откровенно признают Хайек, фон Мизес и др., должны находиться в подчиненном положении². Зависимость рабочих от предпринимателя расценивается ими как явление вполне естественное.

Для рыночной экономики характерно то, пишет Мизес, что она дает ответ на вопросы, возникающие в связи с «биологическим, моральным, интеллектуальным неравенством людей». Тот, кто имеет способности, энергичен, готов идти на риск, становится предпринимателем. Люди, стоящие на низшей ступени общественной лестницы, по большей части лишены способностей, инертны, не желают брать на себя ответственность. Но механизм системы «свободного предпринимательства» таков, что они тем не менее пользуются всеми благами общества. «Владелец потребительских

¹ F. Hayek. The Constitution of Liberty. Chicago, 1961, p. 125.
² Ibid., p. 121.

товаров обязан пустить их в ход ради наилучшего удовлетворения запросов потребителя»¹.

Капиталист, пекущийся не о прибылях, а о благе потребителя,— такой образ создают теоретики-«консерваторы». Только те, кто ослеплен ненавистью к капитализму, пишет Мизес, усматривают в предпринимателях «безответственных автократов, которые ведут экономические дела ради собственной пользы, пренебрегая интересами других». Они, эти критики, «изображают прибыль в виде несправедливых барышей, полученных в результате «эксплуатации» наемных рабочих и потребителей»². Слово «эксплуатация» Мизес ставит в кавычки. О какой, в самом деле, эксплуатации может идти речь, если единственная, всепоглощающая забота капиталиста — «благо потребителя»?

Итак, в США, утверждают теоретики-«консерваторы», нет признаков господства монополий или «большого бизнеса». Просто там открыт широкий простор силам «свободного предпринимательства», благодаря которым на поверхность всплывают люди энергичные, обладающие незаурядным умом и способностями. Они играют положительную роль в обществе, являются благодетелями для всех, кто честно служит им в приумножении прибылей.

Такова в общих чертах суть примитивной и архаичной аргументации апологетов «свободного предпринимательства».

Попытка популяризировать в 50-х годах устаревшие идеи XIX века была на руку реакционным кругам в США — набор догм «свободного предпринимательства» составляет идеологическое кредо американских «ультра». Вместе с тем эта доктрина служила для обоснования проникновения американского капитала в экономику развивающихся стран, укрепления в этих странах позиций частного сектора, противодействия тенденциям некапиталистического развития. Именно в этот период президент Эйзенхауэр определил как одну из важнейших задач США «использование всех средств, которыми обладает наше правительство, для

¹ Ludwig von Mises. The Ultimate Foundations of Economic Science. N. Y., 1962, p. 110.

² Ibidem.

поощрения потока частных инвестиций за границу». Для этого, подчеркнул он, необходимо всемерно «способствовать созданию в других странах благоприятной атмосферы для указанных инвестиций»¹.

Пропаганда идей «свободного предпринимательства» и была призвана содействовать созданию подобной атмосферы. Как заметил К. Рэндолл, бывший председатель комиссии по вопросам внешней экономической политики и специальный помощник президента Эйзенхауэра, «идея частного капитализма... является главной статьей американского экспорта в слаборазвитые страны»².

Реакция правящих кругов США на выбор некоторыми развивающимися странами некапиталистического пути была вполне определена. Государственный сектор в молодых национальных государствах, безотносительно к социальной природе власти и классовой структуре общества, рассматривался как чуждый частному предпринимательству «коллективизм», как нечто тождественное социализму. Первоочередная цель американской «помощи» этим государствам состояла в том, чтобы укреплять позиции частного капитала. «Наша задача и конгресса США, как мы ее видим,— говорил управляющий фондом займов развития Ван-Бранд перед сенатской комиссией по иностранным делам,— состоит не просто в помощи менее развитым странам, но в такой помощи, которая будет укреплять и усиливать свободное предпринимательство... создавать благоприятные условия для вложения частного капитала»³.

Укрепление частного сектора в экономике развивающихся стран, при содействии американского капитала, расценивалось буржуазными теоретиками и как средство выиграть «в состязании с Россией». Если мы не сумеем «развить свободное предпринимательство в неприсоединившихся странах», писал К. Рэндолл, то «будем вынуждены без борьбы уступить еще боль-

¹ Цит. по кн.: *П. Баран. К экономической теории общественного развития*. М., 1960, стр. 302.

² *C. B. Randall. The Communist Challenge to American Business*. Boston, 1959, p. 132.

³ «The Department of State Bulletin», vol. 42, N 1082, March 21, 1960, p. 457.

шие районы мира государственному социализму»¹. Задача США в этой связи — повести энергичную борьбу за то, чтобы сохранить «новые нации свободными и открытыми для частного предпринимательства»².

В 1957 г. в г. Сан-Франциско была проведена конференция, в которой участвовало 600 предпринимателей из 62 развивающихся стран. Тема конференции — «Частные капиталовложения — ключ к международному индустриальному развитию».

Присутствовавших на конференции призывали отказаться от поддержки государственного сектора в их странах и сотрудничества с ним³. Частный же сектор, как подчеркивал бывший президент Международного банка реконструкции и развития Д. Блэк, необходимо «приветствовать и всеми мерами поощрять»⁴.

В целом, отмечает известный советский исследователь Р. А. Ульяновский, иностранные монополии, развернув при поддержке национальной буржуазии контрнаступление против государственного сектора в развивающихся странах, отстаивали следующие требования: сократить государственные и увеличить частные промышленные капитальные вложения; денационализировать и приватизировать государственные промышленные предприятия, допустить представителей частного капитала к управлению предприятиями; ограничить вмешательство государства во внешнюю торговлю, банковский кредит, внутреннюю торговлю и ценообразование; «либерализовать» импорт, допустить свободное движение капиталов внутри страны и за границу; ограничить социальное законодательство; прекратить или сократить до минимума экономические связи с социалистическими странами⁵.

Многие государственные деятели молодых национальных государств Азии и Африки с полным основа-

¹ C. B. Randall. *The Communist Challenge to American Business*, p. 147.

² Ibid., p. 200.

³ «Private Investment: the Way to International Industrial Development». N. Y., 1958, p. 220.

⁴ Ibid., p. 6.

⁵ См. Р. А. Ульяновский. Насаждение частнокапиталистического предпринимательства и борьба американских монополий против государственного сектора в промышленности слаборазвитых стран. «Против фальсификации истории колониализма». М., 1962, стр. 178.

нием высказывали опасения по поводу поощряемого извне развития частнокапиталистического предпринимательства. «Так называемое свободное предпринимательство,— говорил Дж. Неру в лекции «Индия сегодня и завтра»,— никогда не найдет отклика среди нашего народа. Оно будет означать эксплуатацию, основанную на принципе извлечения выгоды...»¹.

Пропаганда «свободного предпринимательства», восхваление частного капитала в качестве «созидающей силы общества», попытка представить основанный на частной собственности и эксплуатации «американский образ жизни» как «универсальный ключ» к решению проблем развивающихся стран— таков далеко не полный перечень задач, которые в 50-х годах поставили перед собой (выполняя совершенно определенный социальный заказ) теоретики американского «консерватизма».

3. Теория «трансформации капитализма» и новые методы обоснования внешней политики США

Доминирующей установкой в неоколониалистской политике США в 50-х годах была, как уже отмечалось, опора на частный сектор в развивающихся странах. Однако по мере усиления в ряде стран тенденций к некапиталистическому пути развития пропаганда «свободного предпринимательства» все больше превращалась в помеху для американской политики. В глазах народов развивающихся стран само слово «капитализм» прочно ассоциировалось с расхищением их природных богатств, торможением экономического, социального и культурного развития. Огромное влияние на формирование общественного сознания в молодых национальных государствах оказывали социалистические страны, реальная поддержка ими борьбы развивающихся стран за достижение экономической независимости. «Существование социалистической си-

¹ Цит. по сборнику «Против фальсификации истории колониализма», стр. 175.

стемы, помочь, оказываемая этим странам странами социализма на равноправных началах, и сотрудничество между социалистическими странами и ими в борьбе за мир, против агрессии облегчают народам этих стран возможность защиты своей национальной свободы и продвижения по пути социального прогресса»¹:

В отличие от «консерваторов», теоретики-«либералы» высказывали мысль, что формула «свободного предпринимательства» в современных условиях не способна привлечь население молодых государств на сторону США.

Критики политики правительства Эйзенхауэра из числа «либералов» обращали внимание на разочарование народов развивающихся стран в якобы благотворном влиянии частного капитала на их экономику. В «свободном предпринимательстве», отмечал Эдлай Стивенсон (кандидат в президенты от демократической партии на выборах в 1952 г.), они видят препятствие на пути к социальным преобразованиям и улучшению положения народных масс. Латиноамериканцев, например, невозможно «убедить в том, что мы живем в XIX веке и что экономическая система, основанная на принципах *laissez faire*, свободного рынка и частных иностранных капиталовложений... это все, что нужно»².

Видный деятель демократической партии Честер Боулс, в 1951—1953 гг. посол США в Индии и Непале, в опубликованных на протяжении 50-х годов книгах и статьях говорил о бесперспективности ориентации на реакционные режимы. Чтобы укрепить свое влияние в молодых национальных государствах, советовали «либералы», правительство США должно завоевать более широкую социальную базу, объявив себя сторонником прогресса. Предлагалось максимально широко применять в развивающихся странах все средства государственно-монополистического регулирования³.

Отказаться от явно устаревшей формулы «свободного предпринимательства» в развивающихся странах,

¹ «Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм», стр. 6.

² «Look», November 22, 1960, p. 113.

³ C. Bowles. The Coming Political Breakthrough. N. Y., 1959, p. 208—209.

заменив ее более гибкой, учитывающей реальность, предлагал и известный экономист Адольф Берли. Экономическое развитие этих стран, подчеркивал он, должно основываться на сочетании государственных и частных предприятий или же, во всяком случае, на «регулирующей» роли государства¹. Предлагалось идти на известные уступки тем кругам местной буржуазии, которые заинтересованы в расширении государственного сектора экономики, возражают против ориентации США исключительно на стимулирование частного предпринимательства. Когда государственный сектор находится в руках местной буржуазии, рассуждали А. Берли и его единомышленники, он содействует ее консолидации, а отнюдь не играет антиимпериалистической революционной роли, как считают сторонники «свободного предпринимательства». Не следует опасаться, убеждали М. Миликэн и У. Ростоу, что поддержка государственного сектора обязательно приведет к «социалистическим» тенденциям — напротив, при умелом руководстве экономическими и социальными процессами в дальнейшем позиции частного капитала укрепятся².

Взгляды «либералов», их полемика со сторонниками консервативных dogm свидетельствовали о том, что в условиях начавшегося в 50-х годах кризиса неоколониалистской политики США предпринимались попытки спасти ее путем использования методов государственно-монополистического капитализма, который «соединяет силу монополий с силой государства в единый механизм в целях обогащения монополий, подавления рабочего движения и национально-освободительной борьбы, спасения капиталистического строя...»³.

В 50-х годах теории «консерваторов» и «либералов» не столько сменяют друг друга, сколько переплетаются в различных сочетаниях. Это особенно заметно во внешней политике и внешнеполитической пропаганде, где в той или иной степени используются как те, так и другие.

¹ «Foreign Affairs», October 1960, p. 51.

² Max F. Millikan, W. W. Rostow. A Proposal. Key to an Effective Foreign Policy. N. Y., 1957, p. 15—16.

³ «Программа КПСС», стр. 26—27.

В конце 40 — начале 50-х годов, как известно, главной концепцией идеологов либеральной буржуазии становится теория «трансформации капитализма». По этой теории, американская экономическая система, освободившись от былых пороков, превратилась якобы в качественно иной, «народный капитализм»¹. В те годы теория «трансформации капитализма» широко использовалась в целях социальной демагогии внутри страны. Вместе с тем на концепции «трансформации капитализма», «народного капитализма», «государства всеобщего благоденствия» легла и большая внешнеполитическая нагрузка. В противовес консерваторам «либеральные» идеологи пытались сконструировать такой образ США, который мог бы встретить симпатии со стороны общественности развивающихся стран,— образ страны «прогрессивного», «народного капитализма».

Каков смысл теории «трансформации капитализма» и ей подобных?

Переворот, изменивший лицо американского капитализма и положивший начало его «трансформации», произошел, по словам буржуазных экономистов, в результате «капиталистической революции двадцатого века», совершенной американскими корпорациями. «Капитал имеется налицо, а также капитализм,— писал в своем исследовании на эту тему А. Берли.— Сходящим на нет фактом является капиталист. Он каким-то образом почти исчез со сцены». Теперь в США якобы сложилась экономическая система, цель которой — «производство и распределение товаров и услуг таким способом и в такой степени, чтобы как можно лучше удовлетворить потребности народа, обслуживаемого ею»².

«Революция», породившая на свет этот неслыханный феномен — капитализм, пекущийся о благе народа, произошла, как утверждали американские экономисты «либерального» направления, одновременно в

¹ Эта теория подробно проанализирована в исследованиях советских экономистов (Л. Б. Альтера, Н. В. Аникина, И. Г. Блюмина, Э. Я. Брегеля, С. А. Далина, И. Н. Дворкина, С. М. Меньшикова, В. Г. Сарычева, В. М. Шамберга, Г. Б. Хромушкина и др.).

² A. Berle. The Twentieth Century Capitalist Revolution. N. Y., 1954, p. 39.

четырех основных сферах — в отношениях собственности, в управлении, в доходах, в функциях государства.

Главный тезис — произошедшая якобы в США «революция в отношениях собственности». «Широко распространенное мнение, будто капитализм обязательно означает систему, в которой господствуют капиталисты, является ошибочным и нуждается в опровержении»¹, — писал профессор М. Сальвадори. Господствовавшую в прошлом фигуру индивидуального собственника — капиталиста вытеснили миллионы акционеров, которые получают большую часть прибылей и осуществляют контроль над корпорациями. В США, таким образом, установилась «акционерная демократия»².

На деле, разумеется, как в 50-х годах, так и теперь, преобладающая часть акций корпораций находится в руках горстки капиталистов, которые и вершат всеми делами. Большинство же акционеров, количество которых так любят подчеркивать американские экономисты, владеют ничтожной долей акций и не имеют голоса в делах корпораций. ««Демократизация» владения акциями... на деле есть один из способов усиления моцки финансовой олигархии»³, — писал В. И. Ленин более 50 лет назад.

Вторая составная часть теории о «трансформации капитализма» — утверждение о «революции в управлении» или «менеджеральной революции»⁴. Сущность этой «революции» «либералы» усматривают в том, что капиталисты якобы отошли от управления предприятиями, передав эту функцию специальным управляющим — менеджерам. Последние же подчиняются не капиталистам, а всем акционерам — «подлинным хозяевам» предприятий. «Профессиональный управляющий или исполнитель забрал у богача власть»⁵ — так характеризует сущность «менеджеральной революции»

¹ M. *Salvadori*. The Economics of Freedom. American Capitalism To-day. London, 1959, p. XIII.

² F. D. *Emerson*, E. C. *Latcham*. Shareholder Democracy. A Broader Outlook for Corporations. Chicago, 1954, p. 8.

³ В. И. *Ленин*. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 345.

⁴ См. С. М. *Меньшиков*. Миллионеры и менеджеры. Современная структура финансовой олигархии США. М., 1965.

⁵ J. K. *Galbraith*. The Affluent Society. Cambridge, 1958, p. 88.

известный экономист Джон Гэлбрейт в книге «Общество изобилия».

Отделение собственности на капитал от приложения капитала к производству действительно имеет место в условиях монополистического капитализма. Это не что иное, как процесс роста паразитизма буржуазии, который также был проанализирован В. И. Лениным: «Капитализму вообще свойственно отделение собственности на капитал от приложения капитала к производству, отделение денежного капитала от промышленного, или производительного, отделение рантье, живущего только доходом с денежного капитала, от предпринимателя и всех непосредственно участвующих в распоряжении капиталом лиц. Империализм или господство финансового капитала есть та высшая степень капитализма, когда это отделение достигает громадных размеров»¹.

Согласно утверждениям буржуазных экономистов, в США, особенно в связи с научно-техническим прогрессом, произошла еще одна революция — «революция в доходах», в результате которой доходы имущих классов якобы уменьшаются, а доходы трудящихся возрастают. Американский капитализм обеспечивает «диффузию выгод», происходит процесс «уравнения доходов», который в конечном счете приведет к наступлению полной «классовой гармонии». «Революция в доходах» доказала якобы «жизненность» и «прогрессивность» капиталистической системы. Социализм, уверяют буржуазные ученые, явно стремясь выдать черное за белое, фактически уже претворен в жизнь в США.

Нельзя отрицать того, что в послевоенный период в результате изменившегося соотношения сил на мировой арене в пользу социализма и возросшей силы рабочего движения американским трудящимся удалось добиться некоторого повышения заработной платы².

Но, как отмечает советский экономист Н. Д. Гаузнер, произведший соответствующие подсчеты, опреде-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 356—357.

² По официальным данным, недельная заработная плата в неизменных ценах с 1950 по 1964 г. возросла, в частности, в обрабатывающей промышленности на 37% («Statistical Abstract of the United States», 1965, р. 240).

ленные уступки, вырванные рабочим классом, с лихвой перекрываются присваиваемыми монополиями выгодаами в результате высоких темпов роста производительности труда¹. Понижение доли реальных издержек на заработную плату, особенно после 1956 г., т. е. в период, когда началось интенсивное внедрение новой техники, свидетельствует об усилении эксплуатации рабочего класса. Одновременно растет безработица, вызванная в значительной степени введением автоматизации.

Прибыли же монополий возросли в 1964 г. на 12% (до вычета налогов), а в 1965 г.— на 15% по сравнению с предыдущим годом, особенно в связи с расширением войны американского империализма во Вьетнаме².

И еще один тезис теоретиков «трансформации капитализма»— о так называемой «революции в экономических функциях государства», согласно которому буржуазное государство будто бы приобрело решающую роль в развитии экономики капиталистических стран. Из этого буржуазные экономисты и социологи делают вывод о том, что и при капитализме может быть осуществлено планомерное развитие народного хозяйства.

Вмешательство буржуазного государства в экономическую жизнь действительно усиливается, особенно в условиях современной научно-технической революции, но это не означает, что оно регулирует или планирует развитие народного хозяйства в интересах общества. На деле государство осуществляет в первую очередь милитаризацию экономики, предоставляет монополиям высокоприбыльные военные заказы и займы, позволяющие им завоевать внешние рынки и увеличить экспорт. Все эти действия отражают реальный процесс развития государственно-монополистического капитализма, все большее подчинение государства

¹ «Каким бы ни был абсолютный уровень заработной платы, цена труда по отношению к произведенной продукции понижается во всех отраслях промышленности» (Н. Д. Гаузнер. Научно-технический прогресс и рабочий класс США. М., 1968, стр. 229—230).

² См. Н. Д. Гаузнер. Научно-технический прогресс и рабочий класс США, стр. 237.

монополиям. «Государство стало комитетом по управлению делами монополистической буржуазии»¹.

Расчеты на спасительную роль «государственного регулирования» экономики, которое якобы способно привести к созданию «государства всеобщего благоденствия», беспочвенны. Защитники буржуазного строя, говорится в Программе КПСС, «сеют иллюзии, будто капиталистическое государство противостоит монополиям и может добиться социальной гармонии и всеобщего благоденствия. Однако народные массы на своем собственном опыте убеждаются, что буржуазное государство — послушное орудие монополий, а воспеваемое «благоденствие» — это благоденствие для магнатов финансового капитала и муки, страдания для сотен миллионов людей труда»².

О «революциях», приведших якобы к «трансформации американского капитализма», на Западе издано множество книг. В них приводятся статистические материалы, делаются сложные теоретические выкладки. Однако аргументация не выдерживает критики: теория «трансформации» и ей подобные служат все той же цели — апологетике американского империализма. Это подробно и обстоятельно показали в своих трудах советские исследователи. Да и многие буржуазные ученые вынуждены признать, что теории «трансформации капитализма», «народного капитализма», по существу, представляют собой «идеологию защиты американского капитализма». «Нет сомнений,— писал в 1963 г. видный экономист профессор Монсен,— что идеология народного капитализма широко используется для защиты, оправдания и объяснения нашей современной экономической системы как внутри страны, так и за рубежом. В качестве таковой она является одной из основных разновидностей капиталистической идеологии США»³.

Как известно, в 50-х годах теория «народного капитализма» использовалась для восхваления не только буржуазного строя США, но капиталистической системы в целом. Вместе с тем американская пропаганда

¹ «Программа КПСС», стр. 26.

² Там же, стр. 52.

³ R. Monsen, Jr. Can Anyone Explain Capitalism? «Saturday Review», December 14, 1963, p. 15.

на зарубежные страны приложила немало усилий, чтобы представить именно Соединенные Штаты, как образец «государства всеобщего благоденствия». Термин «народный капитализм» широко использовался в рекламных кампаниях крупнейших монополий — «Дженерал электрик», «Стандард ойл оф Нью-Джерси», «Америкен телеграф энд телефон компани». В 50-х годах он неизменно фигурирует во всех материалах Информационного агентства США (ЮСИА), передачах «Голоса Америки», в рассчитанных на экспорт газетах, журналах, кинокартинах. По признанию представителей ЮСИА, «терминология такого рода предназначается для того, чтобы привлечь внимание, возбудить массы, представить дело так, будто американская система далеко ушла от стереотипного капитализма XIX века»¹.

Пропагандистский аппарат США огромными тиражами выбрасывал на книжные рынки других стран — Турции, Греции, Египта, Ирака, Филиппин, Бирмы, Японии — издания, восхваляющие «американский образ жизни». Это была широкая пропагандистская кампания, призванная содействовать целям американской внешней политики путем создания ложного образа капитализма США.

Однако уже в середине 50-х годов стало ясно, что пропаганда теории «трансформации капитализма» результатов не принесла. Главная причина этого — агрессивность внешней политики США, усиление реакции во внутренней жизни. Все это никак не вязалось с образом «трансформированного», пекущегося о благе народа капитализма. Иностранные печати, которая сперва тоже включилась в эту пропагандистскую шумиху, позднее почти перестала публиковать материалы о «народном капитализме», а иногда даже приходила данные, показывающие его истинный характер².

¹ R. Monsen, Jr. Can Anyone Explain Capitalism? «Saturday Review», December 14, 1963, p. 15.

² Так, 19 ноября 1964 г. французский еженедельник «Нувель Обсерватор» поместил расчеты американского экономиста Р. Лэмпмана, согласно которым в США 1,6% акционеров владеют 80% всех акций. Заметка, содержащая выкладки Лэмпмана, была красноречиво озаглавлена: «Миф о народном капитализме» («Le Nouvel Observateur», November 19, 1964).

О провале идеологической кампании вокруг «народного капитализма» сообщалось летом 1964 г. в одном из докладов ЮСИА: «За границей слово «капитализм» очень часто является пренебрежительным. Попытка очистить его от связанных с ним неприятных ассоциаций путем применения таких словосочетаний, как «народный капитализм», провалилась. Большинство иностранцев, очевидно, не считает, что слово «капитализм» является описанием эффективно действующей экономики или гарантией прав личности. Для них это слово означает недостаточную заботу о бедных, несправедливое распределение богатств и чрезмерное влияние богатых». В результате опроса общественного мнения в странах обоих полушарий сотрудники ЮСИА получили недвусмысленный ответ: «Капитализм — это зло. США — это ведущая капиталистическая страна. Следовательно, США — это тоже зло».

Наряду с этим в докладе ЮСИА признавалось огромное влияние идей социализма как в экономически слаборазвитых странах, так и в Западной Европе. Даже в Англии и Западной Германии, отмечалось в нем, где частная собственность является неотъемлемой чертой образа жизни, значительные слои населения относятся благосклонно к социализму.

Комментируя доклад ЮСИА, обозреватель газеты «Нью-Йорк таймс» Сульцбергер (в июле 1964 г.) поставил вопрос: не пора ли менять ярлык? Какой смысл употреблять слово «капитализм» (даже в сопровождении смягчающего эпитета «народный»), если оно не встречает понимания? «Ни одна рекламная фирма не будет настаивать на том, чтобы рекламировать хороший товар подчеркнуто отталкивающим образом», — замечает он. «Не следует ли ЮСИА, — предложил Сульцбергер, — проделать еще одно исследование с целью найти пути такого изображения нашей социальной системы, которая была бы более приемлема для тех кругов за границей, на мнение которых мы хотели бы оказывать влияние?»¹

Хотя буржуазные экономисты и продолжали развивать концепцию «народного капитализма», ее значение как орудия внешней политики постепенно сходит

¹ «The New York Times», July 26, 1964.

на нет. Поиски идут в направлении таких идеологических форм, которые позволяли бы избегать употребления самого слова «капитализм». Приходилось учить неприятие многими развивающимися странами капиталистических методов, привлекательность для них «советского примера развития»¹.

Американские теоретики принялись доказывать, что социализм не является «советской монополией», а будто бы совместим с системой частного предпринимательства².

Надо «отобрать» у коммунистов слово «социализм» и преподнести его развивающимся странам в виде одной из моделей капитализма, предлагал Р. Миллер, автор книги «В состоянии ли капитализм конкурировать?»³.

Так капитализм постепенно был вынужден перейти к самообороне. Буржуазные идеологи все чаще прибегают к «социалистической» терминологии, особенно в тех случаях, когда говорят о проблемах развивающихся стран. Прежние рассуждения о «демократии» и «мире» дополняются заверениями о поддержке «социальных реформ», «революционных устремлений», «планирования экономики» в этих странах, сопровождающихся, естественно, искажением существа социалистических преобразований и национально-освободительной борьбы.

* * *

*

|

В первое послевоенное десятилетие, исходя из временных военных преимуществ США, буржуазные теоретики оперируют наряду с грубым антисоциализмом также и мифом об «американской исключительности», провозглашают начало «американского века». В этот

¹ Авторы сборника, посвященного идеологическим течениям в развивающихся странах, делают характерные признания: «Все националистические лидеры... едины в своем отрицании капиталистических методов», «привлекательность советского примера трудно отрицать» (P. Sigmund, Jr, editor. *The Ideologies of the Developing Nations*. N. Y., 1963, p. 12).

² «The Annals of the American Academy of Political and Social Science», vol. 362, 1965, p. 55.

³ R. W. Miller. *Can Capitalism Compete? A Campaign for American Free Enterprise*. N. Y., 1959, p. 14.

период отчетливо прослеживается преемственность идеологических основ внешней политики империализма США. При несколько видоизмененных формах — все тот же культ силы, великодержавный шовинизм, антинародная, антиреволюционная направленность.

Вместе с тем уже в начале 50-х годов теории «американской исключительности» эволюционируют в двух основных направлениях — «консервативном» и «либеральном», аргументы которых в равной мере используются для обоснования и маскировки агрессивной внешней политики. В том и другом случае отчетливо выступает классовая направленность внешнеполитической идеологии США. Америка изображалась как образец «прогрессивного» общественного строя с неограниченными перспективами развития, как квинтэссенция «демократии» и «миролюбия».

Однако попытки создать новый «образ США» наталкивались на недоверие мировой общественности. Возрастающее воздействие социализма, всех антиимпериалистических сил на мировое развитие проявилось в широкой оппозиции к капитализму, в какие бы одежды он ни рядился. Первоочередной для империализма становится задача более тщательной маскировки собственной социальной сущности, агрессивной внешней политики, в частности неоколониализма. Выходить на международную арену с открытым забралом для империализма становится невозможным. В этом одно из проявлений глубокого кризиса его политики и идеологии.

**1. Изменение соотношения сил
в мире в пользу социализма
и банкротство буржуазных
идеологических концепций
50-х годов**

Наперекор политическому и идеологическому наступлению империалистической реакции к середине XX века на земле значительно возросло число людей, убедившихся в бесчеловечной сущности капитализма и осознавших растущее плодотворное влияние социалистического лагеря на мировое развитие, истинность марксистско-ленинской идеологии, правильно отражающей объективные исторические процессы и указывающей путь к будущему справедливому устройству мира.

К началу 50-х годов в результате победы народно-демократических революций в ряде стран Европы и Азии еще больше, по сравнению с периодом, последовавшим за окончанием второй мировой войны, сократилась сфера капиталистической эксплуатации. Мировая социалистическая система стала превращаться в решающий фактор мирового развития.

Усилилось международное рабочее и коммунистическое движение. Под воздействием сил социализма происходит бурный рост антиимпериалистического, национально-освободительного движения. В общей сложности на протяжении первого послевоенного десятилетия от колониальной и полуколониальной зависимости освободилось более 1200 млн. человек — почти половина населения земного шара. Освободившиеся страны провозгласили принципом своей внешней политики неучастие в военных блоках.

По инициативе Индии, Индонезии и других стран Азии в апреле 1955 г. состоялась конференция в Бандунге, на которой получили широкое международное признание принципы мирного сосуществования государств с различным общественным строем. Образовалась обширная «зона мира».

Новых масштабов достигло движение народов в защиту мира. Важными этапами движения сторонников мира были Всемирный конгресс деятелей культуры в защиту мира во Вроцлаве, Всемирный конгресс демократической федерации женщин в Будапеште (1948 г.), Всемирный конгресс сторонников мира в Париже и в Праге (1949 г.).

Таким образом, в мире произошли глубокие исторические изменения, сложилась обстановка, коренным образом отличающаяся от той, которая существовала до войны и в первые послевоенные годы. В этих условиях Советский Союз и другие социалистические страны сумели оказать противодействие попыткам милитаристских кругов превратить «холодную войну» в войну «горячую». Отрезвляющее влияние на империалистических поджигателей войны оказывали успехи Советского Союза в создании атомного и водородного оружия.

Под воздействием внешнеполитических мероприятий Советского Союза империалистический лагерь был вынужден согласиться на переговоры по ряду важных международных вопросов. В результате советской мирной инициативы был ликвидирован очаг войны в Корее. В 1954 г. при активном содействии СССР собралось Женевское совещание министров иностранных дел пяти держав, на котором Демократической Республике Вьетнам и демократическим силам Камбоджи и Лаоса удалось, вопреки сопротивлению империалистов США, прийти к соглашению с Францией о прекращении военных действий в Индокитае.

Важнейшее значение имела борьба СССР против политики возрождения германского милитаризма. Целям обеспечения европейской безопасности служил Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи восьми социалистических стран, подписанный в Варшаве 14 мая 1955 г.

Советское правительство проявило важную ини-

циативу, выдвинув 10 мая 1955 г. широкую программу разоружения, предусматривающую как сокращение вооружений и вооруженных сил, так и запрещение ядерного оружия. Этот шаг имел огромное значение на фоне все усилившейся гонки вооружений США и их союзников по военным блокам.

Большой победой мирной политики СССР стал созыв в Женеве в июле 1955 г. совещания глав правительств СССР, США, Англии и Франции, на котором были обсуждены германский вопрос, вопросы разоружения, европейской безопасности. Если в 1955 г. в мире повеяло «духом Женевы», то в этом была заслуга Советского Союза, его неослабной борьбы за мир. Внешнеполитическая деятельность стран социалистического содружества, поддерживаемая всеми миролюбивыми силами, подтвердила, что империализм не всесилен, что, вопреки его агрессивным устремлениям, путь к смягчению международной напряженности вполне реален.

Разумеется, пока на земном шаре существует империализм, сохраняется и почва для возникновения агрессивных войн, для всякого рода военных авантюри и конфликтов. Но в новых исторических условиях действуют мощные общественные и политические силы, которые в состоянии дать сокрушительный отпор агрессорам и нанести им поражение.

Изменения, произшедшие на международной арене, позволили XX съезду КПСС, состоявшемуся в феврале 1956 г., прийти к важнейшему выводу о возможности предотвращения мировой войны в современную эпоху.

«Для этого надо, чтобы все силы, выступающие против войны, были бдительными и мобилизованными, чтобы они действовали единым фронтом и не ослабляли своей борьбы за сохранение и упрочение мира»¹.

Осенью 1956 г. Англия, Франция, Израиль (при поддержке США) совершили вооруженное нападение на Египет, пытаясь таким путем восстановить в этой стране колониальный режим. Авантюристические пла-

¹ «XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. 14—25 февраля 1956 года. Стенографический отчет», т. II. М., 1956, стр. 414.

ны агрессоров были сорваны. Опираясь на свое экономическое и военное могущество, на поддержку других социалистических стран и сочувствие всех миролюбивых народов, Советский Союз потребовал прекращения агрессии против Египта. Англо-франко-израильские захватчики были вынуждены вывести войска с территории Египта. Силы мира восторжествовали.

Почти одновременно произошел контрреволюционный мятеж в Венгрии, поддержанный реакционными империалистическими кругами. СССР выполнил свой интернациональный долг, откликнувшись на просьбу правительства Венгрии оказать содействие в ликвидации мятежа. Советский Союз помог венгерскому народу предотвратить восстановление капитализма в Венгрии, не допустить образования плацдарма для агрессии в центре Европы.

Расчеты империалистических кругов на подрыв социализма вновь потерпели провал. Все отчетливее проявлялась действенность ленинских принципов советской внешней политики — пролетарского интернационализма и мирного сосуществования государств с различным общественным строем.

В этих условиях буржуазным политикам и пропагандистам все труднее становилось убеждать людей в том, что социалистические страны представляют собой какую-либо «угрозу» миру. Понятие угрозы все более ассоциировалось с империализмом США, который первым использовал смертоносные атомные бомбы, в течение нескольких лет вел варварскую войну против народа Кореи, повсюду выступал против освободительных движений, бросался из одной военной авантюры в другую. Несостоятельной оказалась попытка представить политику «холодной войны» в виде некоего «идеологического похода» в защиту «ценностей свободного мира» от мифического «тоталитаризма». Начавшаяся с атомных взрывов в Хиросиме и Нагасаки, «холодная война» проявила себя тем, чем была на деле: политикой отказа от переговоров, «балансирования на грани войны», запугивания и шантажа, направленной своим остирем против СССР и других социалистических стран.

4 октября 1957 г. в Советском Союзе был осуществлен запуск первого в истории искусственного спутника

Земли. Это событие имело исключительный резонанс. Спутник убедил мировое общественное мнение, что существует страна, оспаривающая научное и техническое превосходство у первой империалистической державы. «До 4 октября почти никто не сомневался в промышленном, военном и научном превосходстве Америки,— писал Честер Боулс,— а тут внезапно появился спутник, облетающий Землю, и миллионы людей начали спрашивать себя: не добьется ли коммунизм в конце концов победы?»¹

Американская стратегия «массированного возмездия» исходила, как известно, из способности США с военных баз, кольцом опоясавших Советский Союз, нанести при помощи авиации дальнего действия сокрушительный удар по социалистическим странам, оставаясь самим неуязвимыми. Ответный удар, считали политики США, поразил бы территории стран, на которых располагались американские военные базы, но не США. Стремление еще крепче замкнуть вокруг социалистических стран кольцо военных баз явилось одной из причин, побудивших США провозгласить в январе 1957 г. агрессивную «доктрину Эйзенхауэра».

Убеждение в военно-стратегической неуязвимости Соединенных Штатов настолько глубоко укоренилось в сознании американских политических деятелей, что президент Эйзенхауэр публично выразил недоверие к сообщению ТАСС от 27 августа 1957 г. об успешном испытании советской межконтинентальной баллистической ракеты, способной достигать любой точки земного шара. Многим руководящим деятелям капиталистического мира казалось невероятным, что в этой важнейшей области военной техники СССР мог опередить США.

Теперь, после запуска в СССР искусственного спутника Земли, положение коренным образом менялось. Если бы империалистические силы решились развязать термоядерную войну против стран социализма, ответный удар поразил бы не только государства, в которых размещались военные базы, но и непосредственно территорию США. Это опрокидывало всю военно-стратегическую концепцию США, которая исходила из

¹ «Progressive», March 1958, p. 12.

неуязвимости американского континента для ответного военного удара.

Продолжая последовательно проводить в жизнь ленинский принцип мирного сосуществования, Советское правительство 18 сентября 1959 г. внесло на рассмотрение XIV сессии Генеральной Ассамблеи ООН программу всеобщего и полного разоружения.

Новая обстановка, которая сложилась в мире к началу 60-х годов, означала, что возможности империалистических стран по распространению своего влияния еще больше суживались.

Коренные сдвиги, произшедшие в мире, вынудили многих буржуазных идеологов пересмотреть свой подход к важнейшим проблемам международных отношений. В правящих кругах США происходит процесс дифференциации взглядов по вопросам внешней политики. Наиболее реалистически мыслящие политические и общественные деятели, ученые и журналисты отдавали себе отчет в изменениях, произошедших на международной арене. Так, например, видный политический деятель Эдлай Стивенсон, совершив путешествие по странам Дальнего и Ближнего Востока и Западной Европы, убедился во всеобъемлющем характере освободительной борьбы народов, в том, что неизбежны «закат колониализма и заря всеобщей независимости». Народы отвергают не только старых колонизаторов, но и вмешательство США в их внутренние дела под видом «помощи». Стивенсон приходит к выводу о необходимости отказаться от грубого антикоммунизма. Народы Азии не только не верят в «коммунистическую угрозу», признал Стивенсон, но выражают «признание и восхищение советскими достижениями в области индустриализации и быстрого развития этой страны». «Никак нельзя утверждать, что во всех наших бедах повинны коммунизм или Россия,— писал он.— Мы не должны слишком упрощать или недооценивать сложность и объем нашей ответственности, приписывая все нынешние трудности коммунизму... Политика, основанная на антикоммунизме и военной силе, не отвечает стремлениям народов стран Азии... Разочарования, которые могут нас постигнуть, будут еще более углублены, если мы не сможем понять ограниченные возможности нашего могуще-

ства и будем все сваливать на коммунистическую угрозу»¹.

Стивенсон подверг резкой критике как политику «с позиции силы» («подлинная безопасность заключается не в водородных бомбах»), так и пропаганду, построенную на проповеди американского превосходства: «Мы, американцы, привыкли к плохим политическим манерам и брали... Голос Америки — это... резкие слова, вызывающие заявления американских политиков. Мы не учтываем, какой вред причиняет нам это...» США должны отказаться от доктрины «массированного возмездия» и стать на путь переговоров, «мирного разрешения споров», заявлял он. «Мы должны понять, что не можем ценой экономической и военной помощи купить согласие... с новыми государствами Среднего Востока и Азии». Иначе «мы можем стать жертвами собственной пропаганды»².

Мысль о том, что политика США основывается на ложных посылках, на преувеличенной оценке американских возможностей, что американские государственные деятели становятся «жертвами собственной пропаганды», проскальзывает во многих книгах, изданных во второй половине 50-х годов. Авторы их убедительно доказывают: претензии США на руководящую роль в мире беспочвенные; стремясь повсюду диктовать свою волю, американские политики явно превышают свои возможности. «Пределы возможностей внешней политики» — так называлась книга Г. Маршалла, бывшего ответственного сотрудника государственного департамента. Автор откровенно признает, что вся послевоенная внешняя политика США исходила из иллюзорного расчета на долгосрочную атомную монополию. Когда этот расчет рухнул, повисли в воздухе и планы, основанные на атомной монополии: «Как только сила перестает быть единственным арбитром, начинает исчезать и основанное на силе доминирующее влияние». Между тем американское правительство продолжает действовать так, будто в мире ничего не изменилось. Маршалл иронизирует по поводу лиц, которым «мир представляется в виде ма-

¹ A. Stevenson. Call to Greatness. N. Y., 1954, p. 19, 41.

² Ibid., p. 33—34, 99.

невровых путей, США — в виде локомотива, а все остальные страны — в виде товарных вагонов». «Другие страны — это не инертные повозки,— пишет он.— В отношении этих стран Соединенные Штаты отнюдь не располагают той монополией силы, которой пользуется локомотив по отношению к товарным вагонам»¹. Во внешней политике США явно нарушено равновесие между целями и средствами. Тем самым, по мнению автора, подорвана ее основа.

Стивенсон, Маршалл, Боулс и др. выражали мнение «либеральной» оппозиции. Отнюдь не выступая за отказ от доктрины «массированного возмездия», политики «с позиции силы» в отношении социалистических стран, «либералы» указывали на необходимость использования и других методов, с тем чтобы спасти престиж США, особенно в завоевавших независимость молодых государствах. Хотя критика «либералов» в адрес внешней политики правительства была сбивчивой и непоследовательной, она носила широкий характер. В конце 50-х годов со страниц печати США не сходят такие выражения, как «тупик», «кризис», «банкротство», «провал». Это отражало реальное положение вещей: тупик милитаристской внешней политики, основанной на угрозе ядерного удара против сил социализма («массированное возмездие»), тупик политики «экспорта контрреволюции», рассчитанной на военное подавление национально-освободительной борьбы народов; идеологический тупик, отражавший объективное усиление антиимпериалистических тенденций в мире; тупик внутренней политики, приведшей к усилинию реакции в США. Политика, пытавшаяся возвести «холодную», «психологическую» войну, подрывную деятельность и угрозу войны в норму международных отношений для мирного времени, потерпела провал по всем линиям.

«Соотношение сил изменилось не в нашу пользу,— писал журнал «Форин афферс»...— Сознание, что мы больше не обладаем преимуществом в научно-технической области, которым мы долго гордились, явилось для нас большим ударом»². «Наступил конец иллюзии о том, что во всех или почти во всех областях техники

¹ G. Marshall. The Limits of Foreign Policy. N. Y., 1954, p. 19.

² «Foreign Affairs», October 1958, p. 19, 75.

и в применении науки Соединенным Штатам предназначено быть впереди»¹, — отмечал английский социолог Д. Броган. Г. Моргентау с беспокойством писал, что первенство СССР в освоении космоса подрывает престиж США в глазах мировой общественности, особенно в нейтральных странах: «Демонстрация американской технологической неполноценности снизила престиж Соединенных Штатов среди наций, занимающих нейтральную позицию... А престиж Советского Союза возрос»².

Книги 40—50-х годов, прославляющие величие и мощь Америки, отошли на второй план. Внимание читателей привлекали иные издания, например «США — второразрядная держава?», в котором они искали ответ на вопрос «о причинах падения силы и престижа США». Основная причина, подчеркивали известные американские журналисты Дрю Пирсон и Джек Андерсон, — поразительные успехи Советского Союза. США должны отказаться от политики «с позиции силы», став на путь «длительного соревнования». Центр тяжести следует перенести на экономическую и идеологическую борьбу. Надо доказать, что «наша система лучше, хотя для этого нам придется приложить сверхъестественные усилия». Общий же вывод знаменателен: «Или мы будем тратить миллиарды на то, чтобы превратить себя в подземных кротов, или мы научимся жить в мире друг с другом на поверхности земли. Иной альтернативы нет...»³.

С. Сульцбергер, обозреватель газеты «Нью-Йорк таймс», писал о «банкротстве внешней политики США»⁴. Историк У. Уильямс, который в одной из предыдущих работ подчеркнул роль США в качестве инициатора «холодной войны», назвал свою новую книгу «Трагедия американской дипломатии»⁵.

¹ D. Brogan. The End of Illusion. «The Yale Review», December 1957, p. 161—162.

² H. Morgenthau. Russian Technology and American Policy. «Current History», March 1958, p. 134.

³ Drew Pearson, Jack Anderson. USA — Second Class Power? N. Y., 1958, p. 330, 339.

⁴ C. Sulzberger. What's Wrong with United States Foreign Policy? N. Y., 1959, p. 273.

⁵ W. A. Williams. The Tragedy of American Diplomacy. N. Y., 1959.

Усилилась критика правительства и со стороны представителей крайней реакции. В отличие от «либералов», они считали, что провалы американской политики объясняются недостаточной решительностью в борьбе с «коммунистической угрозой». Генерал Дуглас Макартур, например, обвинял американскую дипломатию в «потере Китая», провал агрессивной авантюры в Корее объяснял «недостаточным вниманием» к проблемам Дальнего Востока. Макартур призывал «расширить наступление на коммунизм» в странах Азии и Африки. «Наша цель глобальная,— подчеркивал он, указывая на необходимость военного подавления национально-освободительного движения,— ...Будущее цивилизации зависит от того, куда пойдут Азия и Африка»¹.

Редактор «Юнайтед Стейтс ньюс энд уорлд рипорт» Дэвид Лоуренс из номера в номер печатал статьи, направленные против разрядки международной напряженности, против разоружения, против мира. О мире можно будет говорить, утверждал журнал, лишь после того, как коммунизм исчезнет с лица земли. Лоуренс ополчался на тех, кто заявляет, что «американцы слишком много говорят о войне и слишком мало о мире», что внешняя политика США «слишком жесткая и негибкая». С новым приливом энергии он возобновил призывы к «крестовому походу» в целях «освобождения порабощенных народов»².

«Внешняя политика: новая фаза» — так назвал свою книгу, изданную в 1958 г., бывший министр военно-воздушных сил Томас Финлеттер. Признавая, что «запуск двух русских спутников осенью 1957 г. открыл новую эру в послевоенной истории», он отдает словесную дань миролюбию: «В настоящее время ответственный политический деятель, который не сделает все, что в его силах, чтобы ликвидировать войну, должен быть осужден, как человек, совершивший преступление против человечества». Тем не менее суть «новой фазы американской политики», как ее понимал Финлеттер, сводится к усилению гонки вооружений: «У нас нет иного

¹ «U. S. News and World Report». April 13, 1956, p. 25.

² D. Lawrence. Disarmament is an Illusion. «U. S. News and World Report», April 13, 1956, p. 152.

выбора, кроме укрепления обороны в сфере военной, политической, экономической. Брошен вызов основе нашего военного могущества — военно-воздушным силам... Даже крупные военные усилия последних лет совершенно недостаточны...» «Наступательная стратегия», «создание ситуации силы» — таков рецепт реакционеров для «новой фазы»¹.

Глобальное военное наступление против социалистического содружества, всего прогрессивного движения народов, наступление, за которое ратовали представители реакции, соответствовало интересам военных корпораций, извлекавших огромные прибыли из гонки вооружений.

Итак, в конце 50-х годов достаточно четко определились разногласия в американских правящих кругах в отношении методов осуществления внешней политики. В то время как крайние реакционеры целиком поддерживали политику «на грани войны» и требовали ее расширения, более реалистически мыслящие представители буржуазии из числа так называемых «либералов» начинали понимать, что глобальные экспансионистские цели, поставленные США, недостижимы и необходимо отказаться от грубого антисоветизма, от ставки исключительно на военную силу.

2. Нарастание антиамериканизма в 50-х годах

Как уже говорилось, буржуазные теоретики приложили немало сил, пытаясь выдать США за образец «прогрессивной» страны с неограниченными перспективами развития, за квинтэссенцию «демократии» и «миролюбия». Однако в 50-х годах в результате проводимой империалистами США агрессивной политики множество людей во всем мире справедливо рассматривало Соединенные Штаты как гигантскую милитаристскую державу, грозящую ввергнуть народы в кошмар мировой атомной войны.

¹ T. Finletter. Foreign Policy: a New Phase. N. Y., 1958.

Широкое распространение в мире антиамериканских настроений всерьез встревожило определенные круги в США и послужило даже предметом специального анализа. В сентябре 1954 г. Американская академия политических и общественных наук посвятила номер своих регулярно издаваемых выпусков проблеме отношения к США народов зарубежных стран. Критике была подвергнута идеология «американизма», попытки представить «американский образ жизни» в качестве идеального образца, которому должны следовать все народы. Профессор Пенсильванского университета Р. Ламберт писал: пытаясь объяснить другим народам суть внешней политики США, «мы возлагаем надежды на преимущества нашего образа жизни. Мы считаем, что американский национальный характер — это полезный товар, который можно экспортировать на мировой рынок... что другие страны должны копировать наши институты... Мы тратим огромные суммы денег за рубежом на то, чтобы настроить общественное мнение в свою пользу... Но такие действия свидетельствуют о наивности... Нам не следует рассчитывать на то, что во всем мире на Соединенные Штаты будут смотреть как на образец»¹.

Профессор истории Лозаннского университета Жак Фреймон писал о распространившейся во Франции неприязни к США: «Американских солдат встречают не дружелюбно, как это было десять лет назад, а требованием «убирайтесь домой». Французы боятся «американизации». Их недоверие распространяется и на внутреннюю политику США. Как, например, объяснить маккартизм? Французы рассматривают его не иначе, как зародыш американского фашизма... В Англии и вообще в Европе в маккартизме усматривают основную характерную черту, свойственную Америке. Вместо представления о свободной стране возникает образ государства, в котором иметь собственное мнение считается преступлением»².

¹ «America through Foreign Eyes». «The Annals of the American Academy of Political and Social Science», vol. 295. September 1954, Philadelphia, p. VII.

² J. Freymond. America in European Eyes. «The Annals of the American Academy of Political and Social Science», September 1954, p. 37—39.

6 апреля 1956 г. журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» поместил интервью своего корреспондента с премьер-министром Франции Ги Молле. «Французы часто знают о США только то, что там убивают негров,— говорил Ги Молле.— Негр, подвергшийся суду Линча,— вот какой образ возникает в воображении француза, когда речь заходит о США».

Считает ли французский премьер, спросил корреспондент, что «угроза советской агрессии» перестала существовать? «Я никогда не верил в наличие подобной угрозы и сейчас не верю,— отвечал Ги Молле.— Я считаю, что русские не хотят войны... Это народ, который отдал дорогую дань последней войне. Я не верю в советское стремление к войне... Мир возможен с любым государством. Нельзя исходить из мысли о том, что наличие формы правительства, которая нам не нравится, обязательно ведет к войне. Если бы все страны исходили из того, что их не устраивает правительство у соседей, все они постоянно находили бы оправдание для войны»¹.

Любопытны свидетельства американского священника Б. Грейхема, совершившего в апреле 1956 г. турне по странам Азии с целью рекламы «духовных ценностей» США. «Индийцы очень гостеприимный и религиозный народ,— сообщил он корреспонденту журнала «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт»,— но у них порою создается впечатление, что Америка преследует сугубо материальные интересы. Страна, допускающая дискриминацию негров, обязана отказаться от претензий на моральное превосходство в качестве наиболее могущественного лидера демократического Запада». Наряду с этим Б. Грейхем был вынужден отметить влияние идей коммунизма в Индии. «Индийские интеллигенты озабочены социальными и экономическими проблемами, а Россия показывает пример, как их решить. Они говорят, что Россия в течение прошедшего времени достигла прогресса в разрешении своих проблем, схожих с проблемами Индии, и поэтому считают, что коммунизм, возможно, принес бы Индии пользу»².

¹ «U. S. News and World Report», April 6, 1956, p. 46.

² Ibid., p. 64.

США проигрывали не только битву идей. Ложная система взглядов, построенная на субъективных домыслах, таила серьезную опасность для американской политики. Оправдывались опасения, высказанные некоторыми реально мыслящими буржуазными учеными. Политические деятели начинали верить в ими же придуманные мифы: «Мы можем полагать, что находимся, образно говоря, на гребне волны истории, в то время как на самом деле мы плывем против течения»¹.

Иллюзорные, не соответствующие действительности воззрения, получив отражение во внешнеполитических доктринах и в самой политике, приводили в конечном счете к провалам. Это обстоятельство с тревогой отмечали американские специалисты в области международных отношений.

В мае 1957 г. по инициативе финансируемого фондом Карнеги Центра по изучению международных отношений при Массачусетском технологическом институте была проведена конференция на тему об «американском стиле»². Анализируя современные международные отношения, участники конференции отмечали огромные успехи социалистических стран, размах национально-освободительного движения, новое соотношение сил в Европе. Неудачи США на международной арене американские ученые связывали в первую очередь с не оправдавшей себя политикой «с позиции силы», недоверием и враждебностью к США со стороны народов мира. Авантуристическая политика «на грани войны» привела к тому, что последние видели в США не образ «свободной демократии», а агрессора, пытающегося силой подчинить другие страны своему диктату³.

«Военное превосходство не может быть самодовлеющей целью для демократии», — отмечали участники конференции. Слишком долго «мы запугиваем всех коммунистической угрозой», хотя на деле «под угрозой находятся наши собственные демократические ценности... Вновь и вновь мы вынуждены прийти к выводу,

¹ B. T. Wilkins. Pragmatism as a Theory of Historical Knowledge. «The American Historical Review», vol. LXIV, N 4, July 1959, p. 885.

² E. Morison, editor. The American Style. N. Y., 1958.

³ Ibid., p. 58.

что препятствием для проведения Соединенными Штатами более гибкой и конструктивной внешней политики являются не столько непреодолимые силы, существующие вне наших границ, сколько наши собственные ценности: то, как функционирует наше правительство, американское представление о мире, в котором мы живем, наш исторически сложившийся национальный стиль»¹.

Основной ценностью была «идея американства». Но что с ней стало? Она целиком отдана, подчеркивали участники конференции, на откуп маккартистам и теперь ассоциируется с «тенями, высеченными на граните в Хиросиме». «Американизм» стал синонимом подавления прав личности, необоснованных обвинений и преследований. Он «превратился в негативное понятие, обозначающее антикоммунизм, от которого страдает наш престиж за рубежом...»².

Все это свидетельствовало о серьезном кризисе американской внешней политики и ее идеологических доктрин, о кризисе, обусловленном новым соотношением сил в мире, в котором ход развития все более определялся не капитализмом и его цитаделью — США, а мировым социалистическим содружеством.

3. Методологические поиски буржуазных теоретиков

Банкротство основных идеологических концепций, служивших обоснованием внешней политики США в 50-х годах, вызвало сложный процесс переоценки ценностей буржуазными теоретиками. Многие из них в той или иной мере начали осознавать, что стали жертвами собственных иллюзорных конструкций. Дискуссии, заполнившие страницы теоретических журналов, выходили за рамки обычных профессиональных споров. В них ставились вопросы, остро волновавшие широкие круги буржуазной интеллигенции. Конец неуязвимости США, досягаемость их для ядерного удара — эта истина заставила многих ученых вплотную заняться теми политическими проблемами, которые они преж-

¹ E. Morison, editor. *The American Style*, p. VII.

² Ibid., p. 65, 105.

де старались не замечать. Куда идет капиталистическое общество? Имеются ли перспективы для его дальнейшего развития, или правы коммунисты, предрекая ему гибель? Есть ли какие-либо непреходящие ценности, определяющие смысл существования человека в эпоху, когда миру грозит термоядерная война?

Впервые за много лет американские теоретики занялись пересмотром философских основ общественных наук, поиском новых методологических ориентиров. Преобладавший долгое время прагматистский презентизм с его подчеркнутым релятивизмом служил инструментом фальсификации явлений общественной жизни. Он был пригоден для целей «психологической войны», но оказался весьма ненадежным, когда дело коснулось объективной оценки положения вещей. Если все относительно, если нет истины, следовательно, неистинно в конечном счете и то, что пишут сами буржуазные идеологи, восхваляя «американский век», «народный капитализм», проповедуя антикоммунизм. «Если мы не можем сказать, что можно и что истинно в наших суждениях о прошлом,— писал американский исторический журнал,— то мы попадаем во власть творцов мифов»¹.

Некоторые исследователи пришли к отрицанию вообще всякой методологии, сопровождаемому усилением эмпиризма и фактографии. Выходит в свет множество исторических, социологических, философских трудов, посвященных мелким и мельчайшим фактам и событиям.

Распространение получает неопозитивизм, но и он, отвергая объективную закономерность исторического процесса, неизбежно ведет к фальсификации. Большое внимание, например, привлекла изданная в 1961 г. книга «Переоценки в истории»². Ее автор профессор Иллинойского университета Д. Хекстер пытается доказать, что история — цепь случайностей, допускающая множество толкований, ни одно из которых не может являться теорией. «Ненаучными» объявляются такие понятия, как закономерность, истина, классовая борьба. Согласно логике неопозитивизма, «случайным» ока-

¹ «The American Historical Review», vol. LXIV, N 4, July 1959, p. 885.

² D. H. Hexter. Reappraisals in History. Evanston, Illinois, 1961.

зываются и коммунизм. Б. Шафер, секретарь Американской исторической ассоциации, назвал коммунизм «одним из многообразных преходящих явлений, которыми богата история». Достоверно знать что-либо о будущем невозможно, нельзя, следовательно, знать и то, что оно принадлежит коммунизму¹. От общих рассуждений о господстве случайностей в историческом развитии неопозитивисты приходят, таким образом, к конкретному политическому выводу — отрицанию коммунизма как закономерного этапа в развитии человеческого общества. «Нежелательные понятия» — закономерность, истина, классовая борьба — они пытаются заменить произвольными критериями, как, например, «здравый смысл» ученого. Ясно, что субъективно-идеалистические рецепты неопозитивистов столь же беспомощны в деле выяснения истины и столь же ненадежны в качестве ориентиров в политике, как и установки прагматистов.

Для «морального климата» США этого периода весьма характерно обращение американских теоретиков к такому направлению в философии, как неокантианство. На университетских кафедрах начали рассуждать о «моральном вакууме», о поисках «вечных ценностей», о святости «человеческого духа». Однако от политических выводов уйти не удавалось: «Моральная интуиция позволит найти точку зрения, которая объяснит историю лучше, чем концепция о делении общества на классы»². Стремление опровергнуть марксистско-ленинское учение о развитии общества, перечеркнуть объективную реальность классовой борьбы — к этому в конечном счете сводятся все течения субъективного идеализма в американской философской и общественно-политической мысли.

С некоторым запозданием (по сравнению с Западной Европой) в моду входит экзистенциализм. Но и в концепциях сторонников философского иррационализма проглядывает политическая цель: «Экзистенциалистская концепция истории направлена в первую оче-

¹ B. Shafer. History, not Art, not Science, but History. «The Pacific Historical Review», May 1960, p. 159.

² J. Higham. Beyond Consensus. The Historian as Moral Critic. «The American Historical Review», vol. LXVII, N 3, April 1962, p. 621.

редь против диалектического материализма. Экзистенциалист не считает неизбежным какое-либо будущее событие, в особенности такое, которое будет осуществлено массами. Массы вообще не существуют. Существуют только совместно действующие личности¹. Из такой постановки вопроса следует, в частности, что все проблемы истории и политики — в конечном счете проблемы личные. Международные конфликты, например, следует рассматривать как конфликты моральные, как «ситуации, присущие нашей моральной жизни»².

Нет оснований считать, что умами исследователей международных отношений целиком завладела какая-либо из перечисленных философских школ. Налицо был явно выраженный разброд, побудивший известного американского историка профессора университета Джонса Гопкинса Вана Вудварда назвать наступивший период «веком переоценок»³. Отдавая дань моральным и иным факторам, он, в отличие от многих, откровенно раскрывает «корень зла»: наступил конец эры неуязвимости США, «эры естественной безопасности». Отныне географический фактор утратил функцию естественного заслона, оберегающего Америку от военного удара. Беспокойство, писал Вудвард, вызывает безответственность политических лидеров, недооценивающих «технологический прорыв» СССР и связывающих страну обязательствами в отношении иностранных государств.

Далекие от военной политики ученые стали оспаривать возвещенный правительством в догму тезис о «тотальной войне». Как могло случиться, спрашивали они, что в век ядерного оружия, когда война грозит человечеству «тотальным истреблением», нам продолжают навязывать понятия и ценности, ставшие анахронизмом? Представителей общественных наук, особенно усердно клеветавших на СССР, на социализм, стали обвинять в равнодушии к судьбам страны, в архаичности мышления, неспособности разобраться в карди-

¹ N. Gayer. Existentialism and History. «Social Education», December 1961, p. 400.

² A. W. Levi. The Meaning of Existentialism for Contemporary International Relations. «Ethics», July 1962.

³ C. Vann Woodward. The Age of Reinterpretation. «The American Historical Review», October 1960.

нальных проблемах современности. Подобные упреки были направлены в первую очередь против «советоведов», клеветнические концепции которых широко использовались правящими кругами США для обоснования агрессивной политики. Антикоммунизм, отметил в этой связи журнал «Партизан ревю», поставляет идеологические оправдания для гонки вооружений, провокаций против социалистических стран, внешнеполитической экспансии. С этим, подчеркивал журнал, следует покончить. Антикоммунизм исчерпал себя, к нему испытывают отвращение, от него отворачиваются: «Кризис идеологии антикоммунизма отражает кризис антикоммунистической политики»¹.

Фиаско устоявшихся канонов в конце 50-х годов повергло идеологов антикоммунизма в растерянность. Печать заговорила о наступлении «периода дезориентации», об образовании «идеологического вакуума» и даже о несостоительности «советоведов», не один десяток лет занимающихся клеветой на социализм. Известный социолог Д. Белл, автор книги «Конец идеологии», писал по этому поводу: «Наверное, больше книг написано о русской революции и последующих годах Советской власти, чем о каком-либо другом подобном событии в истории... И тем не менее какая незначительная часть этой колоссальной продукции выдержала проверку такого короткого отрезка времени. Если... ад — это слишком поздно постигнутая истина, то, наверное, дорога в ад дважды вымощена тысячами книг, претендующих на открытие «истины» о России... Исследование нагромождено так много,— продолжает Белл,— что, пытаясь пробраться сквозь них, посторонний наблюдатель попадает в болото, которое его засасывает»².

В конце 50 — начале 60-х годов подверглась всесторонней критике пресловутая «теория тоталитаризма». Ее отвергают как ложную, вводящую в заблуждение. Д. Белл называет ее «слишком всеобъемлющей», «не конкретной», неспособной дать ответы на вопросы политики³. Ту же мысль высказал в журнале «Дэдалас»

¹ N. Birnbaum. The Coming End of Anti-Communism. «Partisan Review», N 3, Summer 1962, p. 387.

² D. Bell. The End of Ideology. Glencoe, 1960, p. 300.

³ Ibid., p. 309.

историк П. Стендер, подчеркнувший, что потрясающие технологические успехи Советского Союза начисто опровергают «тоталитарную модель», ибо в условиях «тоталитаризма» невозможно развитие науки¹.

Весьма симптоматично, что совершенно порывает с «теорией тоталитаризма» один из ее авторов — З. Бжезинский. Он по-прежнему активно выступает с антикоммунистическими опусами, но о громогласно открытом им в 1956 г. «законе перманентных преследований» не упоминает больше ни разу². Перестраиваясь на ходу, Бжезинский в 1960 г. выпускает объемистую книгу, в которой признает, что движущей силой советского общества является не «принуждение», как он утверждал всего четыре года назад, а приверженность идеологии марксизма-ленинизма³. Правда, эту мысль он формулирует по-своему. Говоря об «особой роли идеологии» в социалистических странах, он сравнивает ее с функцией религии в средневековых монархиях, например в Византии⁴. Тем не менее примечателен факт, что человек, написавший не одну сотню страниц о «решающей роли насилия в социалистическом обществе», делает кругой поворот и на место насилия ставит идеологию: «Общее служение цели и общее убеждение в том, что история и коммунизм шагают в ногу, являются важнейшими связующими элементами между коммунистическими партиями»⁴ — пишет Бжезинский. Это — знаменательное признание в устах идеолога антикоммунизма. Когда в 1965 г. К. Фридрих предпринимает переиздание совместно с Бжезинским написанной в 1956 г. книги «Тоталитарная диктатура и автократия», З. Бжезинский отказывается принять в нем участие. «Бжезинский в последние годы все более отдаляется от первоначальной концепции и в настоящее время по-видимому совершенно оставил ее», — заметил

¹ P. Stender. The Paradox of Soviet Power. «Daedalus», Fall 1962, p. 766.

² Z. Brzezinski. The Soviet Bloc. Unity and Conflict. Cambridge, 1960.

³ Z. Brzezinski. Deviation Control: a Study in the Dynamics of Doctrinal Conflict. «The American Political Science Review». March 1962, p. 14.

⁴ Z. Brzezinski. Ideology and Power in Soviet Politics. N. Y., 1962, p. 64.

в связи с выходом нового издания рецензент западно-германского журнала «Der Monat». Несмотря на попытки К. Фридриха обновить «теорию тоталитаризма» соответственно новым условиям, отмечает журнал, в книге нашел свое отражение кризис этой лежащей в основе антикоммунизма теории¹.

Заслуживает внимания выступление профессора Калифорнийского университета Александра Грота в американском социологическом журнале. Авторы «теории тоталитаризма», писал Грот, предрекали полную утрату свободы личности в Советском Союзе. «Их предсказание явно не сбылось... Не следует ли отнести провал за счет метода, которым они пользовались?» Порочность метода профессор Грот видит в том, что внимание сосредоточивается на внешних, структурных чертах изучаемых государств, а не на их социально-экономической природе: «Я утверждаю, что неправильно анализировать глубоко отличающиеся друг от друга (по социальным, экономическим, культурным признакам) системы, исходя из общей теоретической концепции тоталитаризма»².

С таким же успехом, отмечает автор, можно было бы применить некую единую модель в отношении таких различных стран, как, например, Великобритания и Цейлон, США и Венесуэла. Глубоко ошибочны, по его мнению, попытки предсказать будущее развитие отдельной страны, основываясь на надуманной «общности», ибо главное значение имеет не искусственно подвешенный знаменатель, а коренные различия. Претендующий на научность исследователь обязан интересоваться в первую очередь тем, кто, какие классы находятся у власти, кому выгодны происходящие в стране процессы. Ссылаясь на то место из книги К. Фридриха и З. Бжезинского, где говорится о «второстепенном значении» вопроса о собственности и прибылях, Грот иронически спрашивает: «Второстепенное значение — для кого? Для деловых кругов?.. Трудно поверить, чтобы деловые круги в какой-либо стране относились безразлично к тому, сосредоточивается в их

¹ «Der Monat», Februar 1966.

² A. Groth. The «isms» in Totalitarianism. «The American Political Science Review», vol. LVIII, N 4, December 1964, p. 889.

руках власть или нет... Коренной недостаток тоталитарного подхода в том, что он не оставляет места для эмпирического исследования конкретных социально-экономических условий в данной стране». По признанию американского профессора, надуманная, основанная на мифах «теория тоталитаризма» ничего общего с конкретной действительностью не имеет¹.

Роберт Такер, профессор Индианского университета, в июле 1965 г. писал в журнале «Уорлд политикс» (органе Принстонского университета): «В 60-х годах теоретическая несостоятельность концепции тоталитаризма становится все более ясной. Все чаще слышатся жалобы, что эта конструкция слишком ограничена, чтобы служить полезным фундаментом для сравнительного анализа современных однопартийных систем». Надуманная, догматическая схема мешает пониманию функционирования социалистического государства, признает Р. Такер. Если мы будем основываться на этой несостоятельной модели, сетует он, то как нам разобраться в той сложной картине, которую сегодня представляет собой коммунистический мир? «Поэтому некоторые исследователи... отказались от концепции тоталитаризма и предпринимают поиски иных основополагающих категорий»². Стремясь внести свой вклад в разработку «более эффективного теоретического аппарата», Р. Такер развивает теорию «режимов массовых движений», рассматривая последние как «политический феномен, иммунитетом от которого не обладает ни одна страна». Такая постановка вопроса резко расходилась с «теорией тоталитаризма», подчеркивающей противоположность «демократических» государств «тоталитарным». Такер подчеркивает универсальный характер вводимой им категории. Он преподносит ее в качестве необходимого рабочего инструмента для новой отрасли науки, изучающей «сравнитель-

¹ То же мнение высказал Аллен Кассов, профессор социологии Принстонского университета, но тут же, правда, он предложил заменить несостоятельную «теорию тоталитаризма» другой антикоммунистической концепцией — «администрируемого общества» (A. Kassoff. The Administered Society. «World Politics», vol. XVI, N 4, July 1964, p. 574).

² «World Politics», vol. XVII, N 4, July 1965, p. 562.

ную политику коммунистических и некоммунистических систем»¹.

Отвергает «несовершенную категорию тоталитаризма», порожденную «идеологическим климатом холодной войны», профессор Мичиганского университета А. Мейер²: «В одну кучу сваливается несколько разновидностей массовых обществ на том лишь основании, что они не являются традиционными... Возникает ложное представление о равнозначности систем там, где на самом деле наблюдается большое разнообразие. Кроме того, концепция тоталитаризма предполагает, что системы, объединяемые ею, являются уникальными. На самом деле представление об уникальности не более чем этноцентрический миф. Оно мешает узреть множество подобных систем в истории западного мира». Взамен «тоталитарной» А. Мейер предлагает другую «модель» — «сложной современной бюрократической организации», позволяющую якобы «выделить общие черты, свойственные как коммунистическому образу жизни, так и нашему»³.

От модели, противопоставляющей социалистическое общество капиталистическому, к моделям, объединяющим их,— в таком направлении идут поиски новых антикоммунистических конструкций в 60-х годах. Сам по себе такой поворот — еще одно подтверждение полного фиаско клеветнической «теории тоталитаризма». Важно отметить, что для новых направлений характерны иные нюансы: социализм, преподносившийся буржуазной литературой на протяжении почти 50 лет после Октябрьской революции в виде пугала, теперь изображается как «нормальное общество», не лишенное привлекательности и даже достигающее успехов там, где это не удается другим обществам (например, в слаборазвитых странах). Такая метаморфоза еще одно свидетельство банкротства антикоммунизма.

¹ R. Tucker. Toward a Comparative Politics of Movement Regimes. «The American Political Science Review», vol. LV, N 2, June 1961, p. 281—282:

² А. Мейер — автор изданной в 1954 г. клеветнической книжонки «Марксизм: единство теории и практики», основанной на той самой «тоталитарной модели», которую он теперь отвергает.

³ A. Meyer. The Comparative Study of Communist Political Systems. «Slavic Review», vol. XXVI, N 1, March 1967, p. 9.

50-е годы характеризуются все возрастающим влиянием Советского Союза и других социалистических стран, всех антиимпериалистических сил на ход мирового развития. «На мировой арене,— отмечалось в Заявлении Совещания представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшегося в Москве в ноябре 1960 г.,— все более проявляется перевес сил социализма над империализмом, сил мира над силами войны»¹. Благодаря целеустремленным действиям сил социализма и мира, империалистическому лагерю, несмотря на использование всего диапазона средств — военных, политических, экономических, идеологических, не удалось приостановить поступательное развитие истории.

Но мир в эти годы не был прочным, его лихорадила разжигаемая империализмом «холодная война». В то время как внешнеполитические акции США, содействовавшие усилиению международной напряженности, подвергаются возрастающей критике со стороны политиков и идеологов «либерального» направления, консервативные представители буржуазии продолжают подталкивать правительство к авантюрам.

В конце 50—начале 60-х годов прослеживается процесс поисков средств приспособления к складывающейся новой обстановке, когда империализм, утратив историческую инициативу, вынужден искать методы противодействия постоянно возрастающим силам социализма, мира, национального освобождения и социального прогресса. Продолжая агрессивные акции на мировой арене, он стремится сочетать их с более гибкой политикой. Попытки совместить два свойственных империализму метода в политике — насилие и реформы — характерны для нового этапа общего кризиса капитализма.

¹ «Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм», стр. 39.

1. Поиски новых идеологических средств во внешней политике в 60-х годах

На политику и идеологию империализма в 60-х годах решающее влияние оказывает начавшийся новый этап общего кризиса капитализма. Наметившееся еще в середине 50-х годов размежевание среди буржуазных политиков и теоретиков проявилось к началу 60-х годов достаточно отчетливо: откровенные апологеты милитаризма, связанные с наиболее агрессивными монополистическими кругами, с одной стороны, и более реалистические политики, осознавшие катастрофичность «глобального» столкновения с социализмом и искавшие новых форм борьбы с ним — с другой.

Свидетельством этих поисков явился доклад сенатской комиссии по иностранным делам от 17 января 1960 г., озаглавленный: «Идеологические конфликты, их разновидности, проявления, нынешнее и потенциальное влияние на внешнюю политику США». В составлении доклада участвовали сотрудники Центра по изучению международных отношений при Гарвардском университете во главе с Робертом Боуи, а также «советоведы» З. Бжезинский, М. Фейнсод, К. Фридрих. После обсуждения, проходившего под председательством Д. У. Фулбрайта, доклад был одобрен в качестве официального документа конгресса. При этом были учтены соображения таких видных политических деятелей, как Дин Расс (президент «Фонда Рокфеллера», вскоре ставший государственным секретарем в правительстве Кеннеди), Генри Люс (владелец журналов «Тайм» и

«Лайф»), У. Диболт (председатель Совета по международным отношениям, издающего журнал «Форин афферс»), Уильям Буллит (бывший посол США в СССР) и др.

В документе отразились попытки буржуазных политиков и теоретиков приспособиться к важнейшим изменениям, произошедшим на международной арене: укреплению сил социализма и их возросшему влиянию в мире, успеху советской мирной внешней политики, усилившейся роли народных масс в международных отношениях, развертыванию национально-освободительных революций. Наступил «век идеологии», говорится в документе. Внешняя политика, чтобы быть эффективной, не может более ограничиваться традиционными отношениями между правительствами, а «должна учитывать надежды и опасения народных масс». «В конечном счете,— подчеркивается в докладе,— конфликт в мире происходит... между двумя довольно резко различающимися системами социальной и экономической организации. Согласно такой концепции, Америку, как защитницу статус-кво, склонны ставить на правый, а СССР, как революционную державу, на крайний левый фланг»¹.

В странах «третьего мира», отмечалось в докладе, коммунисты благодаря «разумности и действенности их фундаментальной философии... представляют собой силу, с которой следует считаться»². На Арабском Востоке, например, «блестящие социальные и экономические достижения Советского Союза выдвигаются как испытанный и проверенный образец...» Арабы охотно принимают «предложения советской технической и экономической помощи с целью обеспечить защиту общенациональных интересов», ибо полагают, что «советские методы достижения материальных целей особенно подходят для арабских стран». То же происходит и в Индии, где коммунистическая альтернатива «сулит быстрый экономический рост и показывает живой пример перехода страны от отсталости к положению од-

¹ «U. S. Congress. Senate Committee on Foreign Relations. United States Foreign Policy. Ideology and Foreign Affairs». Wash., 1960, p. 7—8, 59.

² Ibid., p. 53.

ной из двух великих держав мира»¹. На этом фоне, признают авторы документа, усиливается ненависть народов к империализму, в частности к американскому. «Ленинское объяснение империализма явилось самой эффективной декларацией недовольства колониальных народов», для которых «иностранный империализм — широко известное и вызывающее ненависть явление». В арабских странах, например, «практика западного капитализма подвергается нападкам, к сожалению до некоторой степени обоснованным». Что касается американской концепции демократии, то «арабы не понимают и не хотят ее понимать». В странах Латинской Америки многие «предрасположены относиться к нам (Соединенным Штатам.—А. К.) отрицательно. Широко распространено мнение, что мы рассматриваем государства этого района как наши экономические колонии... Когда коммунисты говорят об «империализме янки», их слова встречают сочувствие даже среди тех, кто считает себя настроенным резко антикоммунистически». В этих условиях «открытая поддержка со стороны Америки, так же как и поддержка позиции Америки, имела бы эффект, противоположный ожидаемому». Она могла бы оказаться «поцелуем смерти»².

Чрезвычайно важно содержащееся в сенатском документе признание, что СССР стремится обеспечить мир для завершения строительства коммунизма. «Уверенность коммунистов в их конечном торжестве... возросла в последние годы на основе марксистско-ленинского анализа международной обстановки».

Политика сосуществования является для них переходной ступенью на пути к коммунистическому миру, и именно в этом для нас, заявляют авторы, заключается вызов³.

Этот сенатский документ отражает попытки реалистически мыслящих буржуазных политиков приспособиться к новым реальностям: коммунизм, признают

¹ «U. S. Congress. Senate Committee on Foreign Relations. United States Foreign Policy. Ideology and Foreign Affairs», p. 46—50, 63—64.

² Ibid., p. 40—46, 53, 64.

³ Ibid., p. 15.

они, не является носителем военной угрозы (ибо коммунисты стремятся к миру, чтобы завершить коммунистическое строительство), не признает «экспорта революции» (ибо революционное движение порождается собственным стремлением трудящихся к свободе и социальному прогрессу), а представляет собой идеологический вызов и ответ на этот вызов, следовательно, тоже должен быть в первую очередь идеологическим.

«Идеология, таким образом, стала знаменательным фактором в международных отношениях»¹.

Итак, в 1960 г. буржуазные идеологи заговорили о популярности социализма среди народных масс, о мире и использовании мирных, идеологических средств в борьбе двух систем. К этому их вынудил социализм, противопоставив империалистической экспансии и милитаризму возросшее могущество мировой социалистической системы, политику мирного сосуществования государств с различным общественным строем.

Новые тенденции во внешней политике, осознание необходимости использования более гибких средств и методов нашли отражение в «стратегии мира», программе «новых рубежей», провозглашенных президентом Джоном Кеннеди. «Пора новому поколению руководителей, новым людям приступить к решению новых проблем, использовать новые возможности», — говорил Дж. Кеннеди во время предвыборной кампании. Впрочем, на деле его политический курс был крайне противоречивым, на нем сказалось влияние как правового направления, так и «либерального».

Объявленная президентом Кеннеди «стратегия мира» в действительности оказалась лавированием между войной и миром. Наряду с признанием реальности революционных преобразований в мире и необходимости отказа от насилиственных методов борьбы с ними, принятая на вооружение правительством военно-политическая доктрина «гибкого реагирования» (взамен «массированного возмездия») предусматривала одновременно и гонку ядерных вооружений и развязывание «локальных войн». При Дж. Кеннеди, как известно,

¹ «U. S. Congress. Senate Committee on Foreign Relations. United States Foreign Policy. Ideology and Foreign Affairs», p. 3.

гонка ядерных вооружений поднялась на новую ступень, а ядерный шантаж продолжал значиться в арсенале политики. Вместе с тем наметились некоторые новые тенденции. Центр тяжести американской политики перемещается с фронтальных атак против лагеря социализма и национально-освободительного движения на попытки нанести удары по отдельным отрядам борцов против империализма.

Придается большое значение и другим рычагам внешней политики, в частности экономическим, особенно в отношениях со слаборазвитыми странами. Признав, что в успешном осуществлении социалистической индустриализации освободившиеся государства видят пример для подражания, правительство Кеннеди выдвинуло в качестве противовеса этому примеру программу буржуазных реформ. Проведение ее, по расчетам буржуазных экономистов, должно было содействовать укреплению капиталистических порядков, способствовать предотвращению социальных революций в странах «третьего мира». Таково было, в частности, назначение созданного в 1961 г. и рассчитанного на 10 лет «Союза ради прогресса» для стран Латинской Америки.

При этом характерно, что наряду с признанием объективной реальности «революции растущих надежд» в развивающихся странах и попытками посредством частичных реформ направить их развитие в буржуазное русло разрабатывается (лично президентом Кеннеди и его братом, министром юстиции Робертом Кеннеди) тактика контрпартизанской войны. В состав специальной группы по контрпартизанской войне (С-1) входят помимо военных деятелей также директоры ЮСИА и ЦРУ.

Секретные центры по обучению контрпартизанских частей для борьбы с национально-освободительными революциями создаются на территории США в Форт-Брагге (штат Северная Каролина) и Форт-Бенниге, в Западной Германии, на острове Окинава, на Среднем Востоке и в Северной Африке.

В документах конгресса подготовка подразделений для ведения «специальной контрреволюционной войны» и «прочих операций» отнесена к категории «идеологических средств осуществления внешней полити-

ки»¹. Это наглядный пример того, как империализм искаивает характер идеологической борьбы на международной арене, используя ее для подрывной деятельности против национально-освободительного движения, социалистического содружества.

Специально созданные батальоны «психологической войны» снабжены оборудованием для печатания листовок, соответствующей радиоаппаратурой. Подготовкой «психологических операций» руководят военные. Представители ЮСИА разрабатывают операции по так называемой «иммунизации» населения против назревания революционной ситуации. Создаются и собственные центры ЮСИА, в которых сотрудники проходят подготовку по ведению «психологической войны». Офицеры ЮСИА, как стали официально называть сотрудников пропагандистского аппарата, принимают непосредственное участие в провоцируемых США военных интервенциях (например, против революционной Кубы в апреле 1961 г., Доминиканской Республики в мае 1965 г.)

Беспрецедентных масштабов достигли подрывные операции во время агрессии во Вьетнаме. В апреле 1965 г. президент Джонсон возложил на директора ЮСИА Роуана ответственность за все «психологические операции» во Вьетнаме, в том числе и за так называемое «умиротворение» населения Южного Вьетнама. Офицеры ЮСИА прибегали к запугиванию, террору, пыткам, чтобы склонить вьетнамцев к предательству и капитуляции перед американским агрессором.

«Психологические операции» стали, таким образом, обязательным признаком американской вооруженной интервенции против освободительной борьбы народов. Руководители ЮСИА определяют их как «психологическую войну на поле боя с целью подорвать способность противника воевать»². Наметившаяся еще в 50-х годах тенденция — превращение идеологических средств в орудие военной политики — получила закон-

¹ «U. S. Congress. Committee on Foreign Relations. House of Representatives. Ideological Operations and Foreign Policy». Report N 2 on «Winning the Cold War: the U. S. Ideological Offensive», by the Subcommittee on International Organisations and Movements. Washington, 1964, p. 1, 8.

² T. Sorensen. The Word War, p. 3.

ченное выражение: они стали, как и напалмовые бомбы, орудием войны.

Вместе с тем в идеологической стратегии империализма США, как и во внешней политике в целом, проявляются противоречивость и двойственность: наряду с традиционными милитаристскими методами фронтальной атаки против «коммунистической угрозы», используются и более гибкие средства. Так, во внешнеполитической пропаганде оформляется концепция «политических коммуникаций»¹.

Введя в обиход новое нейтральное понятие «политические коммуникации», теоретики и организаторы пропаганды преследовали несколько целей. Имелось ввиду, во-первых, вычеркнуть из употребления слово «война» применительно к идеологическим средствам, выпятив их сугубо политическое назначение; во-вторых, акцентировать заинтересованность правительства США в якобы мирном идеологическом диалоге; и, наконец, шире использовать возможности влияния на общественное мнение, открывающиеся в связи с научно-технической революцией в сфере средств массовых коммуникаций.

В 60-х годах последнему обстоятельству уделяется первостепенное внимание. В протоколах конгресса в разделе «Победить в холодной войне: идеологическое наступление США» подчеркивается: «Революции, прошедшие в XX веке в области средств связи, науки, образования и др., открыли новую сферу для внешнеполитических операций. Они вовлекли в непосредственный контакт с внешним миром массы людей в таких масштабах, которые не были известны в прошлом»². Это обстоятельство предлагается использовать не для сближения людей разных стран и континентов, не для того, чтобы содействовать взаимопониманию, а в первую очередь «для дискредитации идей коммуниз-

¹ «После 1961 г.— замечает Р. Элдер, автор книги о ЮСИА,— «барометр» деятельности агентства поворачивается в сторону «политических коммуникаций» и «контрингенции»» (R. E. Elder. The Information Machine. N. Y., 1968, p. 329).

² «Winning the Cold War: the U. S. Ideological Offensive». «Congressional Record», vol. 110, 88-th Congress, 2d Session, Part 18, September 29, 1964, p. 23156.

ма в глазах народов мира». «Используя новые средства связи и приемы,— говорится в протоколах конгресса,— правительства могут теперь обращаться к определенным слоям населения иностранных государств помимо воли их лидеров. Посредством информации и убеждения они могут заставить население иностранных государств начать действовать в нужном им направлении». Этой цели, сообщается в документах, подчиняется деятельность более чем 20 правительственныех департаментов и агентов, которые расходуют ежегодно свыше 500 млн. долларов¹. «Политические коммуникации должны вестись с расчетом на то, чтобы вызвать соответствующие действия со стороны аудитории»²,— говорил М. Дайер, известный специалист по «психологической войне», в выступлении на организованной Принстонским университетом конференции на тему «Пропаганда и холодная война» (март 1962 г.).

Наиболее четко на этой конференции задачи «политических коммуникаций» сформулировал профессор Миннесотского университета Роберт Холт, автор ряда исследований о «психологической войне». Пропаганда «американского образа жизни», американской точки зрения на политические события, разъяснение политических действий США — все это, говорил он, второстепенные задачи пропагандистского аппарата, имеющие частное значение применительно к той или иной конкретной ситуации. Главная же задача состоит в том, чтобы повлиять на процесс принятия политических решений в других (в первую очередь социалистических) странах таким образом, чтобы содействовать целям США. Объектом обработки должны быть люди, ответственные за принятие этих решений. Представители интеллигенции, сотрудники государственного аппарата — таковы лица, на которых должны быть направлены пропагандистские усилия США. В этой связи первостепенное значение придается «внимательному анализу главных социальных, экономических и политических сил, действующих в потенциальных странах-«мишениях», с тем чтобы «подталкивать» население в зару-

¹ «Winning the Cold War: the U. S. Ideological Offensive».

² «Propaganda and the Cold War». Washington, 1963, p. 31—32.

бежных странах к определенному курсу действий», соответствующему интересам США¹.

Чтобы на практике осуществить такое «подталкивание», теоретики пропаганды берут на вооружение разработанную психологами теорию «восприятия». Согласно этой теории, существенно не то, какова политическая ситуация в той или иной стране, а как она воспринимается отдельными группами населения². Предполагается, что средствами пропаганды можно создать социальные и психологические факторы, которые окажут соответствующее воздействие на отдельных лиц и группы людей. «Отличительная особенность психологического инструмента политики,— подчеркивает Р. Холт,— заключается в попытке манипулировать человеческим восприятием мира, не прибегая или прибегая лишь частично к каким-либо переменам в материальном мире». При этом, продолжает он, манипуляция должна вестись таким образом, чтобы побудить ответственные за принятие решений лица к «действиям, которые смогут непосредственно способствовать достижению внешнеполитических целей»³.

«Политические коммуникации» в целом предусматривают активное использование пропаганды для осуществления внешнеполитических задач США.

Деятельность органов внешнеполитической пропаганды более тесно увязывается с работой дипломатического аппарата. В мае 1961 г. принимается решение о включении пропагандистских операций в круг официальных обязанностей дипломатических представителей США за рубежом.

В утвержденной президентом Кеннеди директиве для ЮСИА от 25 января 1963 г. Информационному агентству среди прочих задач предписывалось «способствовать осуществлению внешнеполитических целей США путем влияния на настроения общественности в

¹ См. «U. S. Congress. Committee on Foreign Relations. House of Representatives. Ideological Operations and Foreign Policy». Report N 2 on «Winning the Cold War: the U. S. Ideological Offensive» by the Subcommittee on International Organisations and Movements, p. 6—7.

² F. Allport. Theories of Perception. The Concept of Structure. N. Y., 1955.

³ R. Holt. A New Approach to Political Communications. «Propaganda and the Cold War», p. 44.

других странах, не ограничиваясь распространением информации», а добиваясь «конструктивной поддержки» этих целей¹.

Происходит еще более тесное смыкание агентства с органами разведки, хотя это обстоятельство упорно отрицается руководителями ЮСИА².

Подрывное содержание новой тактики пропагандистских органов наглядно проявилось в их деятельности против социалистических стран, особенно во время событий в Чехословакии в 1968 г. Расширилась и пропаганда на развивающиеся страны³.

2. «Атлантизм» — идеологическое прикрытие американской экспансии в Европе

Несмотря на то что проповедь «американизма» основательно себя дискредитировала, правящие круги США продолжали цепляться за нее. И в 60-х годах эта концепция использовалась в качестве идеологического оружия для достижения целей внешней политики США.

Серьезная попытка воскресить идеи «американизма», дабы поднять престиж США за рубежом, была предпринята президентом Дж. Кеннеди. В одном из своих выступлений он вновь обратился к мифу об «избранном народе», призванном насадить в мире свои порядки. Американцы — «избранный народ, добровольно взвавший на свои плечи бремя и славу осуществления лучших надежд человечества»⁴, — говорил Кеннеди.

В высказываниях политических деятелей и трудах теоретиков 60-х годов продолжает выступать антикоммунистическая направленность «американизма». Тезис об «американской исключительности» используется в

¹ T. Sorensen. *The Word War*, p. 142.

² Томас Соренсен лишь мельком упоминает о «дружественных взаимоотношениях ЮСИА с ЦРУ» (T. Sorensen. *The Word War*, p. 133).

³ См. «Антикоммунистическая пропаганда империализма. Доктрины, аппарат». М., 1971.

⁴ John Kennedy. *The Strategy of Peace*. N. Y., 1960, p. 8.

первую очередь для обоснования руководящей роли США в борьбе против мирового социализма. Очень четко эту мысль проводит профессор Гарвардского университета И. Ариели в книге «Индивидуализм и национализм в американской идеологии» (1964 г.). Уникальность американского национализма состоит в том, пишет Ариели, что в нем воплощены не столько национальные особенности США, сколько определенная социальная идеология: «...американский национализм — это определенный образ жизни, отражающий высшие социальные ценности»¹. Отсюда делаются два вывода: первый — об «американском образе жизни» как об «универсальной социальной системе», которая может быть распространена на все человечество; второй — о «руководящей роли США в борьбе против мирового коммунизма». Не случайно весь набор фраз о «превосходстве американского образа жизни» над всеми другими, об особой «миссии» США прочно вошел в арсенал наиболее воинственных, шовинистических организаций, таких, например, как ультраакционное «Общество Джона Бэрча».

Однако в других странах эти концепции прививались плохо.

Преследования компартии, расовые бесчинства на Юге, бесславное нападение на революционную Кубу, кровавая агрессия во Вьетнаме, наконец, убийство среди белого дня американского президента — все это были факты, с которыми плохо сочетались рассуждения о «высших социальных ценностях». Они лишь подтверждали то представление о тождестве «американизма» с крайней реакцией, которое сложилось за рубежом в годы маккартизма.

Авантуристическая политика империализма США, разжигавшего под предлогом «защиты от коммунистической угрозы» очаги войны, наталкивалась на растущее сопротивление других капиталистических стран, в том числе и партнеров Соединенных Штатов по агрессивным блокам. В новой форме проявились межимпериалистические противоречия. Хотя в целом Соединенные Штаты продолжали оставаться военным, эконо-

¹ Y. Arieli. *Individualism and Nationalism in American Ideology*. Cambridge, 1964, p. 21.

мическим и финансовым оплотом империализма, их позиции в мировой капиталистической системе существенно ослабли. Не была достигнута глобальная задача, намеченная в начале «холодной войны». Сеть военных блоков и соглашений между США и другими государствами капиталистического мира не удалось превратить в цельную, основанную на антисоветизме политическую систему.

Неприсоединившиеся страны, которые Джон Фостер Даллес в свое время упрекал в «аморальности», продолжали придерживаться политики нейтралитизма.

Неудача американских планов послевоенного устройства мира особенно ясно видна на примере Западной Европы. Сложившиеся при поддержке Вашингтона экономические блоки пытались освободиться от своей зависимости от США. В плане военном углублялся кризис НАТО. Против американского контроля над ядерными силами Североатлантического блока возражали европейские партнеры, желавшие создать национальный ядерный арсенал. «К 1956 г. высшая точка американского влияния в Европе была пройдена... Росло чувство европейской независимости»¹, — суммировал сложившуюся ситуацию американский социолог Д. Лукач.

Западноевропейские идеологи выдвинули идею «европейского единства», которая противопоставлялась «американизму». Но и она была иллюзорной. Могли ли быть реальными планы «единства Европы», построенные на расколе континента? Восточная Европа, как известно, из всех «европейских проектов» демонстративно исключалась. Да и сами западноевропейские страны были разобщены в силу сложного переплетения империалистических противоречий.

Вашингтонские политики стремились во что бы то ни стало приобщиться к «европейскому движению», рассчитывая с помощью мифа о «коммунистической угрозе» автоматически закрепить политическую связь этого движения с США.

На первых порах американские идеологи пытались как-то сочетать «американизм» с «европеизмом», вы-

¹ J. Lukacs. The Decline and Rise of Europe. N. Y., 1965, p. 55—56.

двинув гибридные формулировки — «идея Запада», «европейское наследие», «единая западная цивилизация». Это и в самом деле было удобно: подразумевалась органическая связь США с «европейской идеей» в сочетании с превосходством «американизма».

Но выдвижение «идеи Европы» или «Запада» было для США компромиссом, уступкой Западной Европе, заимствованием ее идеологических символов. Американские идеологи искали иных ярлыков, которые бы более четко отражали главенствующую роль США.

Еще в годы второй мировой войны выдвигались всякого рода проекты «атлантической солидарности», «атлантического содружества», напоминавшие схемы англосаксонских геополитиков конца XIX века¹. В них делалась попытка противопоставить идеям коллективной безопасности, нашедшим реальное воплощение в планах создания Организации Объединенных Наций, мысль о замкнутом содружестве, подчеркнуто исключающем СССР, страны Центральной и Юго-Восточной Европы. Уолтер Липпман, например, определял «атлантическое сообщество» как «целостное (интегральное) объединение стран, граничащих с Атлантическим океаном, которые в силу неумолимой необходимости должны объединиться ради своей безопасности и в целях выживания»².

Откуда будет исходить «угроза безопасности» — об этом прямо не говорилось. Подразумевался Советский Союз, который, хотя и являлся участником антигитлеровской коалиции, в «атлантическое сообщество» не включался.

Вскоре после войны президент Американской исторической ассоциации профессор Колумбийского университета Карлтон Хейс отметил, что вся система американского воспитания построена так, чтобы противопоставить США Европе, американскую цивилизацию — европейской. Хейс назвал это «дихотомией» — неоправданным разделением на части единой европейской цивилизации, к которой принадлежит и американская. «Наш язык, наша религия, наша культура корнями уходят в Европу... представляют собой евро-

¹ C. Streit. Union Now. New York, 1940.

² W. Lippmann. U. S. War Aims. Boston, 1944, p. 67—68.

пейское наследие»¹. Он предложил построить аргументацию не на превосходстве «американизма», не на различиях между Америкой и Европой, а на «единой объединяющей их силе» — европейской, или западной, цивилизации.

Согласно этой версии первична именно европейская цивилизация. Возникнув в районе Средиземного моря, она распространилась затем на бассейн Атлантического океана и таким образом превратилась в «атлантическую цивилизацию», став связующим звеном между омываемыми им странами. Но, отдав дань Европе, «атлантические идеологии» затем тщательно подчеркивают лидерство США. «Мы, американцы, — писал Хейс, — являемся наследниками и строителями, а в будущем, наверное, станем и лидерами этого Атлантического сообщества, а также европейской цивилизации, на которой оно основано»².

Американские буржуазные идеологи считали целесообразным «идею европейского единства» заменить «атлантической» концепцией. «Концепция «западной», или «атлантической», цивилизации отражала старую идею о западноевропейской традиции, — писал в 1965 г. Джон Лукач. — Но теперь она была обновлена Соединенными Штатами, которые взялись представить и защитить ее»³.

Пропаганда идей «единой западной», или «атлантической», цивилизации помогла в свое время идеологически подготовить создание Соединенными Штатами военного блока НАТО. Эти идеи призваны были также замаскировать антисоветскую направленность агрессивного Североатлантического союза. В начале 60-х годов на них легла новая нагрузка: служить обоснованием для выдвинутого президентом Кеннеди в 1961 г. так называемого «великого проекта атлантического сообщества», призванного «скрепить» капиталистический мир⁴. Поясняя замысел президента, Д. Фулбрайт писал в журнале «Форин афферс»: «Ат-

¹ C. Hayes. The American Frontier — Frontier of What? «The American Historical Review», vol. LI, N 2, January 1946, p. 204—208.

² Ibidem.

³ J. Lucacs. The Decline and Rise of Europe, p. 135.

⁴ См. Ю. М. Мельников. Внешнеполитические доктрины США, стр. 311.

лантические государства... должны создать завершенное сообщество; они должны также выйти за пределы «западной цивилизации», в направлении к всемирно широкому «согласию свободных наций...» В «атлантическое сообщество» авторы этой концепции предлагали включить, с одной стороны, «внутреннее содружество свободных наций», имеющее корни в западной цивилизации, и «внешнее содружество, охватывающее большинство стран остального некоммунистического мира», — с другой¹. Конечная цель, как явствовало из заявлений президента Кеннеди, состояла в том, чтобы «установить мировой порядок, охватывающий все человечество»². Последнее уточнение, разумеется, не снимало антикоммунистической направленности «великого проекта», который, как подчеркивал президент, «несовместим с коммунистическим мировым порядком»³. Несовместим он также с революционной, национально-освободительной борьбой народов, которая якобы таит в себе угрозу «глобальной гражданской войны».

В «великом проекте» президента Кеннеди дело изображалось так, будто империализм обеспечивает «мировой порядок»; революционные же, антиимпериалистические силы виновны в международной напряженности. Между тем именно в период провозглашения «великого проекта» США провоцировали один международный кризис за другим: интервенцию на Плайя-Хирон в апреле 1961 г., карибский кризис осенью 1962 г., агрессию во Вьетнаме.

Что же такое «атлантическая» цивилизация, существует ли она?

У. Липпман, перечисляя в свое время «атлантические нации», отнес к ним Австралию, Новую Зеландию, Люксембург, Филиппины. Однако эти страны не находятся в бассейне Атлантического океана.

Концепции «западной», «атлантической» или «европейской цивилизации» слишком расплывчаты, справедливо замечает Д. Лукач. Они включают весь «свободный мир», в то время как значительная часть

¹ «Foreign Affairs», October 1961, p. 15, 17.

² «American Foreign Policy. Current Documents, 1962». Wash., 1966, p. 1—2.

³ Ibid., p. 23.

Европы остается за бортом. «В понятие «Запад» попадают Окинава, Патагония, Кипр, Гавайские острова, но не Саксония (т. е. Германская Демократическая Республика.—*A. K.*), Венгрия, Польша... Можно ли отнести к «Западу» американскую Полинезию, не включая в него Прагу и Krakow? Греция и Турция входят в НАТО, а Швейцария и Австрия — нет... Мадрид принадлежит к «атлантической цивилизации». Вена же — нет. А как быть, например, с Чикаго?»¹. Где же, в самом деле, критерий?

Дабы придать вес географическому обоснованию, его дополнили положениями о «культурной общности» стран, причисленных к «атлантическому сообществу», истоки которой прослеживались в Древней Греции и Риме. «Атлантический океан превратился в Средиземное море западной цивилизации», все омываемые этим океаном страны являются ее источниками и хранителями² — так ставился вопрос в обширной литературе о «западной цивилизации».

«Атлантическое сообщество образует сердцевину западной цивилизации, территорию, которую мы должны поддерживать и сохранять превыше всего остального, потому что здесь берет свое начало все, что происходит в мире. Сегодня Северная Атлантика является для нас «*mare nostrum*»³, — писал вице-президент компании Меллона Адольф Шмидт, председатель созданного в 1962 г. «Атлантического совета Соединенных Штатов» (одного из множества возникших в те годы «атлантических обществ»).

Условиями членства в «сообществе» объявлялись: «создание единого фронта для борьбы против Советского Союза», отказ от «устаревшего принципа суверенитета», признание руководящей роли США. «Ответственность и честь руководить в этом объединении падают на США, — заявил председатель «Атлантического совета». — Ни один из других членов НАТО не способен на это»⁴.

Нетрудно увидеть, что единственное связующее звено между странами, причисленными к «единой за-

¹ *J. Lucacs. The Decline and Rise of Europe*, p. 135, 203.

² *R. Strausz-Hupé, S. Possony. International Relations*, p. 876.

³ «*Carnegie Magazine*», November 1962, p. 294.

⁴ *Ibidem*.

падной» или «атлантической цивилизации», — их принадлежность к военно-стратегическим блокам, возглавляемым США и нацеленным против СССР и других социалистических стран. Образование «единого фронта против коммунизма» лежит в основе «атлантического сообщества»¹, — подчеркнул один из горячих сторонников этой теории, бывший государственный секретарь США Кристиан Гертер.

Авторы «новой» идеологии приложили немало усилий, дабы представить ее «единой», обеспечивающей равное положение в «сообществе» всех стран «западной цивилизации». Тем не менее претензии правящих кругов США на лидерство в «сообществе» были очевидны. По этому поводу английский специалист по международным отношениям Д. Уатт писал в 1963 г.: «Провозглашение «великого плана» президента Кеннеди и соответствующий взрыв энергии со стороны различных организаций, проповедующих «атлантическое сообщество», лишь увеличило недоверие к США. Усилилось подозрение, что «великий план» представляет собой не что иное, как попытку США посредством экономического давления и апелляции к «духу НАТО», подчинить себе это сообщество»².

«Атлантическое сообщество» оказалось мертворожденным плодом. Из всех нереальных, надуманных схем, взятых на вооружение идеологами США, эта была одна из наиболее иллюзорных.

В январе 1963 г. де Голль наотрез отказался допустить Англию в «Общий рынок». В 1966 г. Франция вышла из военной организации НАТО. В экономическом плане США встречались со все возрастающей конкуренцией западноевропейских стран, соперничающих и между собой. Рушились надежды на образование «единой интегрированной» Западной Европы, а вместе с ними и планы организации «атлантического сообщества» как политической основы агрессивного блока НАТО.

«Атлантическая солидарность более не соответст-

¹ C. Herter. *Atlantica*. «Foreign Affairs», vol. XLI, N 2, January 1963, p. 300; C. Herter. *Toward an Atlantic Community*. N. Y., 1962.

² D. C. Watt. *The American Impact on Europe*. «The Political Quarterly», vol. 34, N 4, October — December 1963, p. 327—328.

вует международной действительности»¹, — отмечал в 1964 г. видный специалист в области международных отношений профессор С. Хоффман. Маловероятно, писал он, образование зависимой от США «атлантической Европы», ибо антикоммунизм уже не может играть объединяющую роль, поскольку он изжил себя. В новых условиях западноевропейские страны не желали более «жертвовать европейским самосознанием ради американской миссии»². Такая эволюция взглядов европейских партнеров в значительной мере определила постепенный отход американских теоретиков от «атлантической» идеологии.

3. Теория «единого индустриального общества» — основа империалистической стратегии приспособления в 60-х годах

В условиях начала 60-х годов непригодными оказались не только концепции «американизма» и «атлантизма», но и другие идеологические построения, выдвигавшиеся на разных этапах «холодной войны». Жизнь поставила перед буржуазными теоретиками весьма сложные проблемы: как объяснить впечатляющие успехи СССР и других социалистических стран в экономическом, научном и культурном развитии, какие идеи противопоставить растущей уверенности освободившихся от колониального ига народов в том, что путь социализма наиболее приемлем для завоевавших независимость стран? Невозможно было дать ответы на эти вопросы, основываясь на рассуждениях о преимуществах «американского» или «западного образа жизни», с одной стороны, и на клевете об «угрозе коммунизма» — с другой. Буржуазным идеологам необходимо было выработать систему взглядов, некую всеобъемлющую концепцию, способную дать выгодное для буржуазии объяснение происходящих в мире процессов.

¹ S. Hoffman. Europe's Identity Crisis. Between the Past and America. «Daedalus», Fall 1964, p. 1285.

² Ibid., p. 1289.

Вот почему появившаяся на свет в конце 50-х годов теория «единого индустриального общества» сразу обратила на себя внимание на Западе. Она оказалась поистине находкой для буржуазной пропаганды, ибо претендовала на то, чтобы дать «цельное опровергающее марксизм» объяснение исторического процесса¹.

С наибольшей полнотой новая концепция была разработана известным французским социологом Р. Ароном в лекциях, прочитанных в Сорbonне в 1955—1956 гг. Центральный тезис Р. Аrona — утверждение, что все промышленные страны представляют собой разные варианты единого типа «индустриального общества». Главное различие между индустриальными странами заключается, согласно Арону, не в классовой структуре, а в уровне развития техники.

Свою основную посылку Арон формулирует следующим образом: «избежать с самого начала противопоставления социализма капитализму и рассматривать социализм и капитализм как две разновидности одного и того же типа индустриального общества», ни одну из которых не следует осуждать или превозносить. Отрицательные явления капитализма, утверждает Арон, были свойственны периоду первоначального накопления капитала. Теперь же они в основном «устранены»².

Распространенной американской разновидностью теории «индустриального общества» является концепция «модернизации» (Д. Лернер, С. Липсет, Р. Миллс). В ее основе лежит мысль о «единственной революции», в результате которой из недр «традиционного» общества возникает современное, индустриальное общество, являющееся либо капиталистическим, либо социа-

¹ В трудах советских историков, социологов, экономистов, а также исследователей-марксистов других стран теория «единого индустриального общества» подвергнута всесторонней критике. См. Е. Б. Черняк. Историография против истории (Критика реакционной историографии эпохи крушения капитализма). М., 1962; Ю. Н. Семенов. Общественный прогресс и социальная философия современной буржуазии. М., 1965; В. В. Мишениерадзе. Антикоммунизм — оружие обреченных. М., 1964; В. Н. Масальский. Против фальсификации последствий технического прогресса при капитализме. М., 1965, и др.

² R. Aron. *Dix-huit leçons sur la société industrielle*. Paris, 1962.

листическим: «И капитализм, и социализм в равной мере продукт революции, направленной против порядков традиционного общества. Их социальные и психологические основы представляются идентичными»¹. Американский социолог Р. Миллс, например, различает три ступени развития современных обществ: «слаборазвитое общество», «сверхразвитое общество», «надлежащим образом развитое общество». Третья ступень, полагает Р. Миллс, может быть достигнута на основе «двух исторических моделей индустриализации — капиталистической и коммунистической», различия между которыми определяются якобы не классовой структурой, а «своеобразными условиями институционального и психологического характера»².

Наиболее популярным американским вариантом теории «единого индустриального общества» является концепция У. Ростоу, изложенная им в книге «Стадии экономического роста» (1960 г.)³. Книга представляет собой попытку опровергнуть марксистско-ленинское учение об общественно-экономических формациях. Автор подчеркивает это, снабдив работу претенциозным подзаголовком: «Некоммунистический манифест». «Теория стадий» оказалась настолько привлекательной для правящих кругов США, что ее автор сделал головокружительную карьеру: рядовой преподаватель Массачусетского технологического института был назначен на пост председателя Совета планирования политики государственного департамента.

Согласно теории Ростоу, все страны и народы проходят в своем историческом развитии пять стадий: «традиционное общество», «предварительные условия для взлета», «взлет», «движение к зрелости», «эпоха высокого массового потребления». Основным критерием, определяющим принадлежность страны к той или иной стадии, является, по Ростоу, степень развития техники и использования научно-технических достижений в производстве, уровень потребления. Все бо-

¹ M. Waltzer. The Only Revolution. Notes on the Theory of Modernization. «Dissent», Autumn 1964, p. 432—440.

² C. W. Mills. Power, Politics and People. N. Y., 1963, p. 152.

³ W. W. Rostow. The Stages of Economic Growth: a Non-Communist Manifesto. Cambridge University Press, 1960.

гатство и многообразие человеческой истории сводится к этим факторам.

Из поля зрения Ростоу целиком выпадают производственные отношения, определяющие социально-экономическую структуру общества. Он пытается установить непосредственную связь между научно-техническим потенциалом, с одной стороны, и уровнем развития общества — с другой, понимая под этим в первую очередь уровень потребления. В этом главный порок его концепции. Связь между научно-техническими достижениями и уровнем потребления существует, но не прямая, а опосредованная социально-экономическими условиями. От этих условий зависит, применяются ли новейшие достижения науки и техники, например атомная энергия, в целях войны или мира, ведут ли они к росту благосостояния народных масс или к увеличению прибылей монополий и т. д.

Искусственно построенная схема Ростоу преследует явно апологетическую цель: отрицать существование и борьбу двух противоположных социально-экономических систем, из которых одна является наиболее прогрессивной ступенью развития человечества, а другая, несмотря на высокие технико-экономические показатели, — отжившей социальной системой, построенной на частной собственности и эксплуатации. Вся история представлена как цепь плавно сменяющихся стадий, отличающихся друг от друга лишь по уровню техники и потребления.

Из схемы Ростоу вытекает целый ряд принципиально важных для империалистической пропаганды положений, например тезис о том, что между капиталистическими и социалистическими странами нет принципиальных классовых различий, что это в основе своей однотипные страны, «индустриальные общества». Такая постановка вопроса создает «теоретическую» базу для различного рода идеологических диверсий против стран социализма и национально-освободительных движений. В самом деле, если все общественное развитие сводится к технологии, то «высшей стадии» можно достигнуть, не прибегая к революции, да и вообще без классовой борьбы, а используя реформы, внося те или иные усовершенствования в существующую систему.

Вместе с тем есть в «теории стадий» Ростоу, как и в прочих вариантах концепции «индустриального общества», чрезвычайно важный аспект, свидетельствующий о вынужденной перестройке во взглядах буржуазных ученых.

«Все типы индустриального общества прогрессивны», — утверждает Р. Арон. Подразумевающееся признание социализма — характерный политический вывод, вытекающий из работ теоретиков «индустриального общества». Все антикоммунистические концепции, когда-либо ранее выдвигавшиеся, исходили из принципиального непризнания социализма.

На протяжении почти 50 лет со времени Великой Октябрьской социалистической революции в политической литературе США безраздельно господствовал тезис о коренном отличии «тоталитарного коммунизма» от «свободного мира» Запада. Теория «американской исключительности» еще резче подчеркивала этот тезис, противопоставляя США как «вершину цивилизации» не только СССР, но и всем другим странам мира (отголосок этой идеи сохраняется и у Ростоу, который помещает США на пороге новой, неведомой «шестой стадии»). Не подлежит сомнению, что любой буржуазный теоретик, который в те годы отважился бы признать, что СССР тоже принадлежит к числу технически высокоразвитых стран, немедленно попал бы под обстрел маккартистов и был занесен в список «подрывных элементов».

В новых условиях, когда социализм оказывает все более определяющее влияние на общественное развитие, просто отрицать его право на существование или же списывать со счета, как неэффективную по сравнению с капитализмом систему, стало уже невозможно. И тогда социализм пытаются представить, как один из вариантов «индустриального общества».

В 60-х годах получает широкое распространение и вскоре становится составной частью официальной догмы «теория», согласно которой СССР и США отличаются друг от друга только по уровню технико-экономических показателей. По схеме Ростоу, например, преимущества США в этом смысле по сравнению с СССР носят временный характер. А другие капиталистические страны, такие, например, как Канада, уже

сейчас в принципе не отличаются от Советского Союза, находясь на той же «стадии зрелости».

О чём свидетельствует такая метаморфоза? Прежде всего о глубоком кризисе буржуазной идеологии. Начиная с 1917 г. идеологи капитализма предрекали крах Советской республики. Но все их пророчества лопались как мыльные пузыри. Исторические успехи Советского Союза уже невозможно стало ни отрицать, ни замалчивать. Теория «индустриального общества» и представляет собой попытку объяснить эти успехи в наиболее приемлемой для буржуазии форме. Достижения СССР преподносятся в отрыве от социалистической общественной системы и марксистско-ленинской идеологии, изображаются как естественный результат «модернизации». Таким образом, утверждал теоретик международных отношений Л. Халле, был найден ответ «на вызов, который представляли собой научные и технические успехи России в связи с запуском первого спутника»¹.

В теории «индустриального общества» процесс социалистической индустриализации получает признание наряду с капиталистической. Он якобы «менее эффективен», «менее целесообразен», но все же это альтернативный путь от отсталости к «зрелости». Одновременно буржуазные идеологи стремятся доказать, будто капитализм не исторически изжившая себя система, а прогрессивный экономический строй и перед ним открыты неограниченные перспективы².

Теория «индустриального общества», стремящаяся перечеркнуть классовую природу противоборства двух

¹ «New York Times Book Review», April 10, 1960, p. 3.

² Наиболее реакционные круги на Западе встретили теорию «индустриального общества» в штыки, усмотрев в ней отрицание основного тезиса империалистической реакции — о «свободном предпринимательстве» как единственном условии экономического прогресса. Создатели школы «большого бизнеса» изображали финансовых магнатов как благодетелей человечества, создателей крупной промышленности и всех благ индустриального общества. Теперь же, согласно новой теории, получалось, что человечество, или по крайней мере значительная его часть, может обойтись и без них, идя другим путем. Отсюда резкий отзыв английского еженедельника «Нью стейтсмен» на книгу Ростоу: «Он оказал плохую услугу тому делу (т. е. капитализму). — А. К.), которому он так явно и искренне предан» («New Statesman», April 30, 1960, N 1500, p. 640—642).

диаметрально противоположных социальных систем, легла в основу новой идеологической стратегии США. Прогресса можно добиться и без социальной революции — таково ее главное положение. Это была линия в первую очередь на подрыв революции в развивающихся странах, на противодействие влиянию на них примера социализма. Наилучшим путем индустриализации, подсказывали американские теоретики, является капиталистический, идя по которому народы развивающихся стран смогут добиться прогресса и без социальных революций. Для этого, писал, например, профессор Принстонского университета С. Блэк, достаточно «приспособить» традиционные политические институты к требованиям современной «эпохи модернизации»¹. Как это сделать — укажут США. Наша задача, говорил президент Кеннеди, — «создание здоровой и расширяющейся экономики для всего некоммунистического мира»².

Если раньше национально-освободительные революции объяснялись «происками международного коммунизма», то теперь ставится вопрос о законности и даже прогрессивности революций в развивающихся странах. «Их революция относится к числу величайших событий в человеческой истории»³, — говорил президент Кеннеди. При этом, однако, делалась попытка перечеркнуть социальную природу национально-освободительных революций, изобразив их как стремление народов к модернизации, к индустриальному развитию. Бывший государственный секретарь Дин Расск в книге «Ветер свободы»⁴, в официальных высказываниях подчеркивал, что именно эта «революция прогресса»⁵, или, как он ее еще называл, «технологическая революция»⁶, призвана «трансформировать соци-

¹ C. Black, editor. Communism and Revolution. Princeton 1964, p. 425.

² «American Foreign Policy. Current Documents. 1961». Wash., 1965, p. 17.

³ T. C. Sorensen. John Kennedy. N. Y., 1965, p. 529.

⁴ D. Rusk. The Wind of Freedom. Boston, 1963, p. 57.

⁵ «The Department of State Bulletin», June 4, 1962, p. 896.

⁶ Распространение получило также выражение «революция растущих надежд» (см. В. Ф. Ли. Стратегия и политика неоколониализма США. М., 1971).

альные, экономические и политические отношения» в бывших колониях и полуколониях¹.

Таким образом, теория «единого индустриального общества» означала стремление империализма США приспособиться к новым условиям, сложившимся в противоборстве с социализмом, с освободительным движением народов.

4. Идеологическое «обоснование» политики «мирного проникновения» в социалистические страны

Новую тактику Вашингтона в отношении социалистических стран, которая должна была заменить обанкротившуюся политику «освобождения», Дж. Кеннеди изложил в книге «Стратегия мира», опубликованной в 1960 г. Он писал о необходимости использования «мирных» идеологических средств для того, чтобы, во-первых, попытаться подорвать единство социалистических стран и, во-вторых, расшатать основы социализма в них.

Прежде всего это относилось к социалистическим странам Европы. «Мы должны сейчас медленно и осторожно... выращивать семена свободы в любых трещинах в железном занавесе»² — так формулировал Дж. Кеннеди цели империалистической политики. «Поощрять разногласия» среди социалистических стран, «перетягивать» отдельные из них на сторону США, пытаться «оторвать их от СССР» — все это выдавалось за политику «мирного проникновения». Заместитель государственного секретаря Д. Болл определял ее следующим образом: «содействовать силам изменения внутри коммунистических стран», «поощрять медленную эрозию железного занавеса», способствовать тому, чтобы социалистические страны становились «менее крепко спаянными... более доступными для влияния идей свободы!»³.

¹ «Business Week», March 25, 1961, p. 104.

² John Kennedy. The Strategy of Peace, p. VIII.

³ «American Foreign Policy. Current Documents. 1962». Wash., 1966, p. 28—29; см. Ю. М. Мельников. Внешнеполитические доктрины США, стр. 367, 368.

Итак, цель — ослабить и в конечном счете ликвидировать социалистический строй — не менялась, но для достижения ее на первый план выдвигались иные средства.

Отныне основным методом подрыва социализма становился не грубый наjam и откровенные угрозы, как это предусматривала даллесовская политика «освобождения», а постепенное расшатывание социалистического строя изнутри. Суть новой тактики выражал термин «эрозия». Подобно тому как под воздействием стихии из почвы выветриваются полезные вещества и она становится бесплодной, так, представлялось американским стратегам, непрекращающиеся подрывные действия будут подтачивать силы социализма и в конце концов приведут к его выхолащиванию и размыванию.

При этом важно подчеркнуть следующее: во-первых, «мирное проникновение» в социалистические страны должно было осуществляться под прикрытием ядерного устрашения; во-вторых, параллельно продолжалось провоцирование международных кризисов и разрабатывалась новая военная тактика борьбы с национально-освободительным движением (так называемая «контрпартизанская война»); наконец, само «мирное проникновение», как явствует из официальных источников, отнюдь не было мирным на деле, поскольку предполагало конкретные подрывные действия против существующего в социалистических странах строя. В новой форме проявляется все та же империалистическая тенденция к подмене идеологической борьбы политическими диверсиями.

Идеологическим обоснованием политики «мирного проникновения», а впоследствии и политики «наведения мостов», провозглашенной в 1964 г. президентом Джонсоном, послужила теория «единого индустриального общества» и вытекающие из нее теории «конвергенции» и «дeидеологизации».

Как уже отмечалось, теоретики «единого индустриального общества», руководствуясь исключительно уровнем технико-экономических показателей, утверждают, что процесс индустриализации порождает «сходные условия жизни» в социалистическом и капиталистическом обществах. Так, например, между СССР и

США рано или поздно исчезнет, дескать, всякое различие: они сойдутся в одной точке, произойдет их «слияние», «конвергенция» (подобное утверждение означало не что иное, как поглощение социализма капитализмом). А коль скоро социализм и капитализм в недалеком будущем все равно «сольются», то сегодняшние различия в их общественном строе и идеологии роли не играют. «Коммунизм,— утверждает Ростоу,— это болезнь переходного периода»¹. Когда всеобщее благосостояние будет достигнуто, социалистическое общество «излечится от этой болезни». В идеологии больше нужды не будет. Наступит полная «деидеологизация».

Вывод о «деидеологизации» формулировался, говоря кратко, следующим образом: поскольку капиталистический и социалистический пути в равной мере приводят к развитому индустриальному обществу (конечно, капиталистического типа), то теряет смысл идеологическая борьба и открывается «возможность идеологического перемирия»². США и СССР должны в силу этого отказаться от идеологической борьбы.

Такова, по мнению «либералов», найденная наконец перспектива международного развития, ведущая к «единому миру».

Разновидности теории «деидеологизации» разнообразны. А. Шлезингер-младший писал о будущем «смешанном обществе», в котором не будет места для «устаревших идеологий»³. Джордж Кеннан считал, что «русский коммунизм» и «западный либерализм» в конечном счете «сольются в единое общество» с «единой идеологией»⁴. Мысль о несущественности идеологического фактора в условиях «индустриального общества» развивал и У. Ростоу.

Небезынтересно, как автор «теории стадий», будучи председателем Совета планирования политики госу-

¹ W. W. Rostow. *The Stages of Economic Growth: a Non-Communist Manifesto*, p. 162.

² «Nation», May 7, 1960, vol. 190, p. 19.

³ A. M. Schlesinger. Jr. M. White, editors. *Paths of American Thought*. Boston, 1963, p. 537.

⁴ «World Technology and Human Destiny», Ann Arbor, 1961, p. 79; G. Kennan. *For a New Act of Faith*. «Concern», March 15, 1965.

дарственного департамента, на практике мыслил себе «идеологическое сосуществование». Оно, по его мысли, должно было привести к полной победе капиталистического строя. 9 января 1964 г. он выступил перед съездом представителей монополий с докладом на тему «Формирование будущего». Подчеркнув, что главная задача США — сохранить свои передовые позиции на мировой арене, Ростоу заявил: «У нас есть все основания считать, что принципы, на которых зиждется наше общество, исторически жизнеспособны для второй половины XX столетия, как и для первой: США располагают ресурсами ума и таланта для сохранения позиции мирового лидерства; частному предпринимательству открывается великое будущее в развивающихся странах; у нас есть возможность создать великое содружество развитых стран свободного мира, простирающееся от Японии до Берлина»¹.

Разговоры об «идеологическом сосуществовании», об «отмирании идеологии» преследовали вполне определенную цель: идеологически разоружить силы мирового социализма. При этом антикоммунизм этих и подобных им «теорий» маскировался «миролюбивой» фразеологией.

Характерна в этом смысле концепция «эрозии», разработанная в основном усилиями З. Бжезинского, назначенного в 1961 г. директором нового антикоммунистического центра — Института по проблемам коммунизма при Колумбийском университете. Бжезинский сумел быстро приспособиться к новой обстановке, отказавшись от «теории тоталитаризма», одним из авторов которой являлся. В книге «Советский блок: единство и конфликты» (1960 г.) он обнаруживает такую «закономерность» развития социалистических стран: по мере роста благосостояния людей влияние марксистской идеологии на их сознание должно якобы «уменьшаться». «Для коммунистического лагеря,— пишет он,— конечная опасность заключается... в постоянной эрозии общих идеологических основ»². «Эрозия», рассуждает Бжезинский, начнется в европейских социа-

¹ W. W. Rostow. Shaping the Future. «The Department of State Bulletin», vol. L, N 1284, February 3, 1964, p. 174—183.

² Z. Brzezinski. The Soviet Bloc. Unity and Conflict, p. 407.

листических странах, а затем перекинется на Советский Союз: «В коммунистических государствах могут быть сформулированы идеи, которые, вырастая из недр официальной идеологии, тем не менее представляют собой более новые и терпимые ее варианты»¹.

При этом он делает ряд оговорок: не следует его слова понимать так, что советские люди «отказываются от марксизма-ленинизма», ибо последний «крепко связан с советской действительностью»; не следует преуменьшать его значения, «иначе мы можем не понять того, что происходит в мире»². «Процесс эрозии в настоящее время уравновешивается определенными влияниями, действующими в противоположном направлении и придающими коммунистической идеологии новую силу». Но все же, настаивает Бжезинский, «идеологическая эрозия» в конце концов произойдет, хотя ее «необходимо ожидать с большим терпением»³.

«Теория эрозии» на первый взгляд носит вполне «мирный» характер. В самом деле, Бжезинский рассуждает не о войне. Он говорит о «выветривании» идеологии. «Миролюбивость» «теории эрозии» усиленно подчеркивала буржуазная печать. В июне 1962 г. орган деловых кругов журнал «Бизнес уик» писал: «Восток и Запад должны сосуществовать в течение неопределенного периода, поскольку разрушительная сила ядерного оружия исключает чью-либо победу. Тем временем США могут одержать успех посредством попыток разобщить и ослабить коммунистический мир. Это может быть достигнуто путем отыскания сферы совпадения национальных интересов с отдельными коммунистическими странами»⁴.

Речь как будто идет о попытках в рамках сосуществования вести идеологическую борьбу с целью «отыскать сферы совпадения национальных интересов с отдельными коммунистическими странами». На деле же буржуазные идеологи призывают к идеологическим диверсиям против социалистических стран на основе «дифференцированного подхода» к ним. В официальном документе «Идеология и внешняя политика»

¹ Z. Brzezinski. Ideology and Power in Soviet Politics, p. 94.

² Ibid., p. 98, 134.

³ Ibid., p. 94.

⁴ «Business Week», June 16, 1962.

от 17 января 1960 г., в подготовке которого Бжезинский принимал деятельное участие, говорилось о «создании предпосылок для эрозии... коммунистической идеологии» как в Советском Союзе, так и в других социалистических странах путем принятия «специальных мер извне».

В числе таких мер назывались следующие: поощрять «силы национализма» («национализм может явиться основной силой, способной бросить вызов власти Советов»); пытаться противопоставить идеологии марксизма-ленинизма так называемый «гуманный», или «демократический», социализм; «создать напряжение» в социалистическом лагере путем подрыва единства составляющих его стран («эрозия... соединительного идеологического стержня представляется вполне возможной»). Предполагалось также содействовать «центробежным силам». «США выступают за самоопределение внутри коммунистического блока»¹ — так формулируется эта центральная задача американской политики в отношении социалистических стран.

Большое значение придавалось попыткам подорвать руководящую роль коммунистических партий в социалистических странах. Нужно заменить партийный аппарат «обычным бюрократическим», — говорилось в документе «Идеология и внешняя политика».

Установку на ликвидацию руководящей роли коммунистических партий в странах социализма Л. Галантьер, член антисоветского «Комитета Свободная Европа», один из руководителей радиостанции того же названия, выразил следующим образом: покончить с «концентрацией власти в руках коммунистической партии»².

Авторы документа «Идеология и внешняя политика» считали необходимым также добиваться «разложения общества» в социалистических странах посредством установления более широких контактов с представителями интеллигенции и политиками «на среднем

¹ «U. S. Congress. Senate Committee on Foreign Relations. United States Foreign Policy. Ideology and Foreign Affairs», p. 4, 18, 77—78.

² «Propaganda and the Cold War», p. 90.

и высшем уровне», для того чтобы «постепенно оказать влияние на их идеологические убеждения»¹.

Разработанная правительством США на 60-е годы программа идеологической борьбы, построенная на «теории эрозии», являлась на деле программой подрывных действий, рассчитанной в конечном счете на буржуазное перерождение социалистических стран (через промежуточный этап «улучшенного», «демократического социализма»). Речь шла о долговременной программе, результаты которой, по замыслу ее авторов, проявятся не сразу, а через ряд лет, и только в том случае, если «подталкивание извне» будет проводиться империализмом активно и целеустремленно: «Эрозия представляет собой лишь отдаленную перспективу... ее не следует ожидать в ближайшем будущем»², — подчеркивается в документе «Идеология и внешняя политика». Характерно и следующее признание: «Утверждения о том, что такие действия поддерживают холодную войну или возрождают ее, не должны мешать претворению в жизнь намеченных целей. Напротив, нужно сознательно стремиться к созданию напряженности».

Так обнаруживается далеко не мирный характер «теории эрозии».

Большое значение придавалось возможному влиянию на социалистические страны Европы со стороны Западной Европы. Исходя из общих установок теорий «единого индустриального общества» и «конвергенции», буржуазные теоретики предсказывали конечное «слияние» европейских социалистических стран с капиталистическими. «Именно Западная Европа может стать главным центром идеологического и экономического притяжения для стран Восточной Европы... — подчеркивал З. Бжезинский. — Идея европейского единения может противостоять в Европе марксистско-ленинской идеологии»³. Он же разработал «ступенчатый» план «эволюции Восточной Европы», предусматривающий буржуазное перерождение стран социализма. Первая ступень: способствовать большей

¹ «U. S. Congress. Senate Committee on Foreign Relations. United States Foreign Policy. Ideology and Foreign Affairs», p. 77.

² Ibid., p. 2—3.

³ Z. Brzezinski. Europa bis zum Ural. «Der Monat», Juni 1964.

«автономии» социалистических стран, с тем чтобы «в конечном счете добиться их возвращения в лоно Европы» (разумеется, капиталистической). Вторая ступень: использовать «автономную» Восточную Европу в качестве приводного ремня, связующего всю Европу, объединенную на буржуазной основе, с Советским Союзом.

В статье, опубликованной 26 марта 1965 г. в гамбургском еженедельнике «Ди цайт», Бжезинский выдвинул идею «плана Маршалла для Восточной Европы», с помощью которого США могли бы добиваться «поглощения» Восточной Европы Западом, а заодно и укрепления собственного влияния на европейском континенте. Новый план, как полагал автор, позволит США вдохнуть свежие силы в «атлантическое партнерство», «укрепит пошатнувшиеся позиции США как лидера Запада», даст возможность привлечь социалистические страны в «общеверхопейскую систему экономического сотрудничества» под эгидой США. Это, по мысли Бжезинского, приведет к «преодолению раскола Европы», «к постепенному отказу от экономических и политических межгосударственных границ», а в конечном счете к «преодолению коммунистической идеологии в странах Восточной Европы» и к «внутренней либерализации восточноевропейских обществ»¹. Подробно этот план был изложен Бжезинским в книге «Альтернатива расколу», изданной в 1965 г.²

Обращает на себя внимание (помимо того что подрывные действия названы «либерализацией») новый подход к проблемам Европы. Если «атлантические» идеологи подчеркивали противоположность «Запада», охватывающего Западную Европу и США, «Востоку», включающему СССР и восточноевропейские страны, то теперь ставился вопрос об «общности» Западной и Восточной Европы³.

¹ «Die Zeit», 26 März 1965.

² Z. Brzezinski. Alternative to Partition: For a Broader Conception of America's Role in Europe. N. Y., 1965.

³ Россия и Запад связаны «общей логикой развития, общим эволюционным процессом... Русская культура не существует независимо от европейской» (R. Mathewson, Jr. Russian Literature and the West. «Slavic Review», September 1962, p. 413—417).

Представляет в этой связи интерес «спектральная теория», выдвинутая Г. Робертсом, директором Института Центральной и Восточной Европы при Колумбийском университете. Он утверждал, что социалистические страны надо изучать не в отрыве от Западной Европы, а как часть «европейского спектра», охватывающего весь европейский континент. «Если рассмотреть Европу как спектр, можно попытаться найти в ней место для малых стран Европы», а также для России¹, — писал Г. Робертс.

Уточним, что значит рассматривать Европу как спектр. Слово «спектр» употребляется в физике для обозначения совокупности простых гармонических колебаний, на которые может быть разложено сложное колебательное движение. По аналогии под «европейским спектром» надо понимать совокупность стран, гармонически связанных между собой, однородных, однотипных. Коренные различия в общественном строе Г. Робертс попросту отбрасывает. Он, таким образом, тоже пытается обосновать «теорию идеологической эрозии».

Как видим, буржуазные идеологи, активно включившись в разработку новой политики в отношении социалистических стран, меняют аргументацию. Теории, обосновывающие изоляцию восточноевропейских государств от западноевропейских, уступают место концепциям, доказывающим их общность вплоть до возможности «слияния».

Суть этих концепций ясна: нужно добиваться постепенной ликвидации в социалистических странах социализма. 23 мая 1964 г. президент Л. Джонсон, изложив в г. Лексингтоне (штат Виргиния) программу «наведения мостов», подчеркнул: цель программы в том, «чтобы вся Европа объединилась в общество свободы»². У. Ростоу, выступивший 5 июня в Хейверфордском колледже (штат Пенсильвания), пояснил: предусматривается «мирными методами положить конец коммунизму». Для этого, подчеркнул он, необходимо «конструктивно сотрудничать с силами национализма и либерализма»³. Примерно в том же духе проком-

¹ «Slavic Review», March 1964, p. 5.

² «The Department of State Bulletin», June 15, 1964, p. 923.

³ «The Department of State Bulletin», June 22, 1964, p. 962.

ментировал тактику «наведения мостов» Джордж Макги (в то время американский посол в ФРГ): с помощью мирных средств «поощрять эволюцию народов восточноевропейских стран к национальной независимости... и созданию свободного (т. е. капиталистического.—*A. K.*) общества»¹.

Подрывная сущность политики «наведения мостов» наглядно проявилаась во время событий в Чехословакии в августе 1968 г. В широкой идеологической кампании против социалистического строя, которая была организована пропагандистскими службами западных держав, отсутствовали лобовые атаки на коммунизм и открытое восхваление капитализма, присущие антикоммунистическим диверсиям 50-х годов. Антикоммунизм выступил в данном случае в новой форме, под маской «защиты» социализма, когда подрывные действия, направляемые из-за рубежа и нацеленные на реставрацию капитализма, осуществляются под видом заботы об «усовершенствовании» социализма и его идеологической основы — марксизма-ленинизма.

Антисоциалистические силы в Чехословакии, поддерживаемые из-за рубежа, выступали с требованиями «гуманного», «улучшенного» социализма национального образца. Против КПСС и Советского Союза была развернута злостная пропагандистская кампания, ставившая целью раскол социалистического лагеря, изоляцию СССР.

Здоровые силы в КПЧ и чехословацком обществе, поддержанные всей мощью братских социалистических стран, дали отпор замыслам реакции. Оказав братскую интернациональную помощь ЧССР, страны социалистического содружества сорвали планы империалистов.

Истинный смысл разговоров о «слиянии» социализма с капитализмом, о «мирном проникновении» и т. п. раскрыл Г. Кан, директор Гудзоновского института, автор нашумевшей книги о «ступенях эскалации» войны во Вьетнаме². Он сочинил «сценарий» развития событий в Чехословакии, сделав тем самым достоянием общественности конечные планы западных держав.

¹ «The Department of State Bulletin», November 9, 1964, p. 720.

² *H. Kahn. On Escalation. London, 1965.*

Вслед за ликвидацией руководящей роли КПЧ должно было последовать образование буржуазных партий и в конечном счете победа в Чехословакии «социал-демократии с капиталистическим оттенком». С определенными нюансами чехословацкий «сценарий» должен был затем повториться в других восточноевропейских странах¹.

Начав с рассуждений об идеологической «эрозии», организаторы политических диверсий приступили к подрывным действиям против социалистических стран, чтобы таким путем способствовать разложению основ социализма, восстановлению капитализма в социалистических странах.

* * *

В 60-х годах, наряду с продолжением агрессивной политики, империализм США разрабатывает стратегию приспособления.

Идеологической основой этой стратегии можно считать «теорию единого индустриального общества», в которой антикоммунизм и восхваление капитализма выступают не открыто, а в замаскированной форме. «Теория единого индустриального общества» используется при разработке новой тактики в отношении развивающихся стран. Но главное ее назначение — служить идеологической основой для подрывной политики империализма в отношении социалистических государств. На первый план выдвигаются средства так называемого «мирного проникновения» с целью ослабить единство социалистического содружества, расшатать устои социализма в отдельных странах. По поводу подобной тактики Л. И. Брежnev говорил: «Идеологии и политики империализма развернули против коммунистов интенсивную подрывную работу. Они используют все приемы и методы, чтобы ослабить единство коммунистического фронта, вогнать клинья туда, где намечаются малейшие трещины»².

Подлинный смысл этой политики раскрылся в результате чехословацких событий 1968 г., когда была

¹ «Fortune», November 1968, p. 127.

² Л. И. Брежнев. Ленинским курсом, Речи и статьи, т. 2. М., 1970, стр. 602.

предпринята попытка опрокинуть социалистический строй в этой стране и нанести удар по позициям социализма в Европе. Помощь социалистических стран чехословацкому народу, явившаяся актом интернациональной солидарности, сорвала далеко идущие планы империализма. Вместе с тем был нанесен серьезный удар по его тактике «мирного проникновения» и идеологическим концепциям, призванным ее обосновать.

1. Поиски новых концепций для прикрытия и обоснования империалистической политики

Разрабатывая и осуществляя — как в политике, так и в идеологии — стратегию приспособления к условиям, сложившимся в противоборстве с социализмом, империалистические круги пытаются использовать любые трудности, проявившиеся в социалистическом содружестве, а также в мировом коммунистическом движении. Большое значение при этом придается попыткам с разных сторон атаковать марксизм-ленинизм как идеально-теоретическую основу социалистического содружества и коммунистического движения. Империализм блокируется с определенными антисоциалистическими силами в некоторых социалистических странах, а также активно использует в своих целях раскольническую линию руководителей Китая.

Однако эта стратегия не смогла изменить господствующей тенденции укрепления дружбы и сплоченности стран социализма, активизации всемирной антиимпериалистической борьбы. Подводя на XXIV съезде КПСС итоги мирового развития за пять лет, Л. И. Брежnev подчеркнул: «Продолжал крепнуть и углубляться великий союз трех основных революционных сил современности — социализма, международного рабочего движения и национально-освободительной борьбы народов»¹.

Знаменателен сам факт, что империалистические стратеги сосредоточивают усилия на попытках нанести удары по марксизму-ленинизму. Это свидетельст-

¹ «Материалы XXIV съезда КПСС», стр. 4.

вует о возросшем осознании ими решающего воздействия коммунистической идеологии и практики социалистического строительства на ход мирового развития, определяющего в конечном счете победу сил мира, свободы, прогресса.

Немаловажное значение, в частности, придается попыткам доказать, будто ныне капитализм уже не тот, каким был накануне второй мировой войны и в первые послевоенные годы. Известный на Западе социолог Джордж Лихтхайм, например, выпустил в 1971 г. книгу, громко названную «Империализм», главная задача которой «опровергнуть» (в который раз!) ленинское учение¹. Лихтхайм готов признать, что на Западе сегодня господствует капитализм, т. е. частная собственность на средства производства, но ...без империализма. Понимая под «империализмом» захватническую политику, он считает, что свойственное капиталистическим державам стремление к захватам территорий, рынков и источников сырья отошло в прошлое. Теперь они уже якобы не нуждаются в подобной политике и, более того, готовы оказать помощь и содействие развивающимся странам.

Ряд буржуазных «теоретиков» развивает мысль о том, что позиции держав на международной арене определяются не общественно-политическим строем, а научно-техническими факторами. В книге «Политика и стадии роста», изданной в 1971 г., У. Ростоу объясняет причину возникновения войн «технологической зрелостью» общества. Содержание международных отношений, заявляет он, сводится к попыткам «достигших зрелости» стран повернуть в свою пользу «баланс сил»². Согласно Ростоу, «войны XX столетия объясняются не империализмом и не побуждениями, вытекающими из так называемой монополистической стадии капитализма: экономическую основу войн следует искать «в соблазне и страхе, которые испытывают некоторые новые страны, достигшие зрелости, в отношении близлежащих обществ, находящихся на переходных стадиях»³. Ростоу имеет в виду, что так называемые

¹ G. Lichtheim. Imperialism. N. Y., 1971.

² W. W. Rostow. Politics and the Stages of Growth. N. Y., 1971, p. 23.

³ W. W. Rostow. The Stages of Economic Growth, p. 120—121.

«достигшие зрелости» страны независимо от общественного строя непременно имеют агрессивные намерения в отношении соседних стран, если последние находятся на более низкой по сравнению с ними стадии развития. Эти намерения, согласно Ростоу, оправданы страхом возможной агрессии со стороны соседей, когда те в свою очередь достигнут «стадии зрелости».

Главной достигшей «стадии зрелости» страной Ростоу считает Советский Союз, на который и возлагает основную ответственность за возникновение международных кризисов в послевоенные годы. Отсюда ясна антисоветская направленность его схемы. Вместе с тем такая постановка вопроса призвана представить в искаженном свете сущность империалистической политики. Так, согласно классификации Ростоу, США давно миновали беспокойную «стадию зрелости» и теперь стремятся лишь к «высокому качеству жизни», не будучи якобы заинтересованными в проведении агрессивной политики¹.

С иных позиций пытаются опровергнуть реакционную сущность империализма теоретики крайне правого направления. Американский автор Амори де Риенкур, например, признает: да, империализм существует, и главной империалистической страной являются США. Но это не порочный «колониальный империализм» европейского образца, а новый, «благотворный» империализм, воплощающий «вершину цивилизации». Включение других стран во всемирную «американскую империю», к созданию которой призывает де Риенкур, является «благом» для них, ибо означает конец международным распрям².

Можно было бы считать концепцию Риенкура всего лишь перепевом старых теорий «Пакс Американа», если бы не одна существенная деталь: наряду с американской существует, оказывается, еще одна «империя», с которой США вынуждены делить «господство над миром». Такой «империей», следуя свойственному

¹ Замалчивание Ростоу агрессивной политики Соединенных Штатов даже рецензент газеты «Нью-Йорк таймс» профессор Р. Хайлбронер назвал «поразительным» («New York Times Book Review», August 1, 1971, p. 20).

² A. de Riencourt. The American Empire. N. Y., 1968, p. 37.

реакционным идеологам методу универсализации пороков империализма, Риенкур называет... социалистическое содружество.

Чего добиваются буржуазные авторы, ставя вопрос о «двуих империях»? Во-первых, как уже отмечалось, делается попытка протащить мысль о появлении какого-то качественно нового, «прогрессивного» империализма; во-вторых, преследуя антикоммунистические и антисоветские цели, они стремятся опорочить внешнюю политику государств социалистического содружества. Социалистическим странам, в частности СССР, клеветнически приписываются те же цели, которые свойственны империалистическим государствам. Наконец, предпринимается своеобразный маневр: империализм, дескать, более не стремится к мировому лидерству, он готов поделить мир с социализмом, предоставив ему роль «младшего партнера»¹.

Теория «двуих империй», или «двуих сверхдержав», откровенно реакционна². Важно вместе с тем отметить следующее: для выдвинувших ее идеологов крайне правого направления она объективно означает отступление с их прежних позиций. Давно ли Джеймс Бэрнхем, чей восторженный отзыв на книгу Риенкура красуется на ее обложке, призывал к мировому господству США? Теперь его единомышленники вынуждены признать, что в современном мире США не всесильны, что капитализму противостоит другая система, с которой Соединенные Штаты, хотят они того или нет, вынуждены считаться.

Названные «теории» и «концепции» в чем-то отличаются друг от друга, но всем им свойственна общая антикоммунистическая, антиреволюционная направленность, стремление доказать, что империализма как социальной системы в природе не существует. Не существует, следовательно, и борьбы двух противоположных систем на мировой арене. Наблюдаются всего лишь определенные «империалистические тенденции» в политике, которые якобы присущи как капиталистическим, так и социалистическим странам. При этом

¹ A. de Riencourt. The American Empire, p. 337.

² Примечательно, что один из вариантов этой «теории» активно пропагандируется маоистами.

попытки приукрасить империализм, скрыть его реакционную, агрессивную сущность неизменно сопровождаются клеветой на социализм, национально-освободительное и рабочее движение.

Рассмотренные «теоретические» построения преподносятся на Западе как «новые» и «новейшие». Но действительно ли они оригинальны? «...Империализм нельзя «отождествлять» с современным капитализмом», «под империализмом надо понимать не «фазу» или ступень хозяйства, а политику, именно определенную политику...». Эти слова принадлежат не буржуазным теоретикам 70-х годов, а Карлу Каутскому, которого за его «теорию ультраимпериализма» подверг уничтожающей критике В. И. Ленин. «Суть дела в том,— подчеркивал В. И. Ленин,— что Каутский отрывает политику империализма от его экономики, толкая об аннексиях, как «предпочитаемой» финансовым капиталом политике, и противопоставляя ей другую возможную будто бы буржуазную политику на той же базе финансового капитала. Выходит, что монополии в экономике совместимы с немонополистическим, ненасильственным, незахватным образом действий в политике»¹. Ту же мысль в слегка подновленной форме пытаются протащить и современные апологеты финансового капитала, трактующие об «империалистических тенденциях» в политике.

В. И. Ленин высмеял и тех, кто еще в годы, предшествовавшие первой мировой войне, говорил о возможности «благотворного влияния» монополий на судьбы народов других стран: «Где же, кроме как в фантазии сладеньких реформистов, существуют тресты, способные заботиться о положении масс вместо завоевания колоний?»²

Труд В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма», откуда взяты эти слова, впервые увидел свет в середине 1917 г. Но глубоко научная ленинская характеристика империализма, реакционная, агрессивная природа которого осталась неизменной, полностью применима и сегодня.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 390.

² Там же, стр. 381.

Большое значение для обоснования внешнеполитических притязаний США придается научно-техническим факторам. Американские идеологи и политики выдвинули тезис о «техническом лидерстве» США, которое якобы определяет их руководящую роль в мире и «благотворное воздействие» на молодые развивающиеся государства. Американское правительство, заявил в одном из выступлений государственный секретарь Роджерс, «делает все, что в его силах, чтобы помочь бедным странам разрешить свои проблемы развития путем более эффективного использования техники».

Факты, однако, показывают, что в условиях капитализма научно-техническая революция не становится сама по себе ускорителем общественного прогресса.

Несспособность капитализма обеспечить социальный прогресс фактически признают авторы новейших теорий «постиндустриального», «технотронного» общества, восхваляющие могущество науки и техники капиталистических стран, и прежде всего США.

Что же представляют собой эти новые теоретические построения апологетов капиталистической системы?

«Теория стадий экономического роста» У. Ростоу утверждала, будто вступление всех стран в стадию «высокого массового потребления» является процессом автоматическим. Рано или поздно, используя в экономике открытия науки и техники, все страны, на каком бы уровне они в данный момент ни находились, поднимутся по ступеням экономического роста на высшую стадию.

В схемах же «постиндустриализма» такая перспектива отрицается. Вступление в грядущий «технотронный век» объявляется исключительной привилегией отдельных, уже достигших высокого уровня научно-технического развития капиталистических стран — таких, как США, Япония, некоторые страны Западной Европы. Развивающимся же государствам из нужды не выбраться; она является для них не временным, а перманентным фактором. При этом, конечно, замалчи-

вается тот факт, что за экономическую отсталость бывших колониальных и зависимых стран несет ответственность империализм.

Авторы новых теорий (Д. Белл, Г. Кан, А. Винер) утверждают: современный научно-технический прогресс недоступен для экономически слаборазвитых государств. Разрыв между странами, эффективно использующими новейшую технику, и теми, которые не в состоянии это делать, чрезвычайно велик и будет возрастать, рассуждает, например, С. Блэк. «Нельзя предполагать,— пишет он,— что все общества в состоянии добиться темпов и уровней развития, свойственных наиболее развитым обществам. Разница между развитыми и неразвитыми странами увеличится»¹.

Высокие темпы роста народонаселения, согласно «теориям постиндустриализма», усугубят этот разрыв. «Темпы экономического роста отстают от роста численности населения,— пишет С. Блэк.— Поэтому постепенно, на протяжении десятилетий, население становится беднее»².

Объективно все эти теории свидетельствуют о провале широковещательных планов прошлых лет (например, «революции растущих надежд» или «Союза ради прогресса»), в которых народам развивающихся стран сулили рост благосостояния в результате американской «помощи». Истекшие годы наглядно показали, что империализм с его политикой неоколониализма лишает эти страны надежд на социальный и экономический прогресс.

Идеологические диверсии против национально-освободительного движения

Национально-освободительная борьба народов — важная составная часть мощных революционных процессов современности. «Главное состоит в том,— отмечал в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии тов. Л. И. Брежnev,— что борьба за национальное

¹ C. Black. Modernization. «American Foreign Policy in International Perspective». Edited by M. Hancock and D. Rustow, N. Y., 1971, p. 17.

² Ibid.

освобождение во многих странах стала практически перерастать в борьбу против эксплуататорских отношений, как феодальных, так и капиталистических»¹.

Одно из главных направлений политики империализма состоит в том, чтобы попытаться выхолостить из национально-освободительной борьбы ее революционное содержание, превратить из силы антиимпериалистической в проимпериалистическую. Военные диктатуры отслужили свою службу, рассуждает, например, К. Дейч. Местные диктатуры могут удержать власть лишь при поддержке штыков Запада. Интервенция же встречает растущий отпор со стороны народов. К тому же, как показала война во Вьетнаме, вооруженная агрессия обходится очень дорого. «Повсюду в мире мы сталкиваемся с общей тенденцией к повышению стоимости интервенции»². В 1969 г. К. Дейч приводил в подтверждение такие данные: даже в случае если бы США удалось покорить Южный Вьетнам, то для того, чтобы держать в повиновении 17 млн. населения, американцам потребовалось бы 1,5 млн. солдат. Другой специалист, Брайан Козье, в 1969 г. подсчитал: во Вьетнаме уничтожение одного партизана обходилось Соединенным Штатам в среднем в 409 тыс. долларов, в то время как в 1954 г. вся операция ЦРУ по свержению демократического правительства в Гватемале стоила всего 500 тыс. долларов³. «В целом,— приходят к выводу американские ученые,— милитаризм как инструмент внешней политики себя не оправдывает»⁴. В этих условиях империалисты видят свою задачу в том, чтобы, подключившись к национально-освободительной борьбе, способствовать установлению «приемлемых» правительств, постепенно подталкивая их на угодный Западу путь.

В последние годы все более широко применяется тактика «мирного вторжения», или «операций по стабилизации положения». Она зафиксирована в военных уставах американской армии, имеет свои правила и

¹ «Материалы XXIV съезда КПСС», стр. 18.

² K. Deutsch. Nationalism and its Alternatives. N. Y., 1969, p. 85.

³ B. Cogier. The Masters of Power. Boston, 1969, p. 258, 313.

⁴ A. B. Bronwell, editor. Science and Technology in the World of the Future. N. Y., 1970, p. 384.

предписания. Вместе с тем делаются попытки расширить границы понятия «мирное вторжение» таким образом, чтобы оно могло оправдать вмешательство США «по просьбе правительства», для оказания содействия в установлении «закона и порядка»¹ во внутренние дела той или иной страны с целью подавления национально-освободительной борьбы.

Таков выбор, предлагаемый развивающимся странам: военная диктатура или правительство, опирающееся на «поддержку» Запада, но名义ально находящееся в стороне от идеологической борьбы. Но возможно ли последнее? Существует ли путь, который обходит стороной борьбу двух систем на международной арене? Такого пути, как неоднократно подчеркивал В. И. Ленин, нет. «...Вопрос стоит только так: буржуазная или социалистическая идеология. Середины тут нет... Поэтому *всякое умаление социалистической идеологии, всякое отстранение от нее означает тем самым усиление идеологии буржуазной*»².

Маскировка империалистической экспансии

Рост милитаризма — важнейшее проявление углубления общего кризиса капитализма. «Милитаризм, — подчеркивал Л. И. Брежnev в своем выступлении на международном Совещании коммунистических и рабочих партий в Москве в июне 1969 г., — всегда был неотъемлемой чертой империализма. Но сегодня он достиг поистине небывалых масштабов»³.

Военные нужды поглощают львиную часть государственного бюджета Соединенных Штатов. «До недавнего времени, — отмечает А. Ярмолинский, автор исследования о «военном истеблишменте» США, — на

¹ Из текста речи, подготовленной для офицеров Службой информации американской армии (Senator J. W. Fulbright. The Pentagon Propaganda Machine. N. Y., 1970, p. 83).

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 39—40.

³ «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы». М., 1969, стр. 47.

долю военных приходилось три четверти федеральных расходов...»¹ В 1971/72 финансовом году на «национальную оборону» было выделено почти 80 млрд. долларов; эта сумма не включает в себя множество других, завуалированных военных расходов. Америка «превратилась в милитаристскую и агрессивную страну,— такое признание исходит от представителя американских военных кругов генерала Д. Шоупа.— Военно-промышленный комплекс оказывает огромное влияние на внешнюю политику США».

Идеологические оруженосцы империализма изыскивают все новые способы маскировки агрессии, отрицания ее империалистической природы. Эту роль, в частности, призван сыграть социал-дарвинизм, или «биополитика»,— буржуазная концепция, развенчанная еще В. И. Лениным и Г. В. Плехановым. Современные биополитики определяют «агрессивность» как выражение «наступательных импульсов и тенденций к самоутверждению, присущих человеку и другим животным»².

Выходит, что агрессия — свойство не империализма, а животной природы человека.

Для маскировки империалистической природы агрессивных войн используются и буржуазные теории «международных кризисов». Сторонники этих теорий в США утверждают, будто международные кризисы — это неуправляемые явления, не зависящие от социальной природы породившего их государства и нежданно-негаданно обрушающиеся на людей. Профессор Принстонского университета О. Янг, например, прибегает к следующей академически-отвлеченной формуле: международный кризис — это «ряд быстро развертывающихся событий, увеличивающих влияние дестабилизирующих сил в ...системе международных отношений»³. При такой формулировке снимается главный вопрос: кто, какие силы несут ответственность за возникновение данной, конкретной кризисной ситуации

¹ A. Jarmolinsky. The Military Establishment. Its Impact on American Society. N. Y., 1971, p. 8.

² P. A. Cornig. The Biological Bases of Behavior. «World Politics», vol. XXIII, April 1971, N 3, p. 345.

³ O. Young. The Intermediaries. Princeton, 1967, p. 15.

в мире. Создается впечатление, что события развертываются стихийно.

Известные американские теоретики А. Винер и Г. Кан определяют международный кризис как «ситуацию, связанную с серьезным международным конфликтом»¹. Как возникают подобные ситуации в современном мире, какие социально-политические силы ответственны за их создание,— они не говорят. Другой теоретик международных отношений, Ч. Герман, называет кризисы «критическими моментами, когда конфликтующие стороны либо ввергаются в войну, либо ликвидируют предмет спора»². Обратим внимание: «конфликтующие стороны ввергаются в войну». Безличная форма предполагает отсутствие какой-либо ответственности за возникновение войны, стороны по-просту «ввергаются» в нее. Иными словами, война может нагрянуть так же неожиданно, беспричинно, как стихийное бедствие в природе.

При такой постановке вопроса снимается ответственность с империализма за провоцирование войн и военных конфликтов. Она дает возможность обойти вопрос о причинах международных кризисов, иными словами, о причинах возникновения войн в современную эпоху.

Таковы некоторые концепции, используемые в настоящее время для маскировки империалистической агрессии.

Концепция «мирового сообщества»

Единая международная политика западного мира, осуществляемая под эгидой Вашингтона,— заветная мечта империалистических кругов США.

Но для единой политики необходимы и общие цели. В обстановке обострения межимпериалистических противоречий найти такую цель нелегко. Среди «рецептов», которые предлагают американские политические теоретики, в последнее время все большее внимания обращают на себя концепции «мирового сообщества», или «сообщества развитых стран», установления «мирового порядка». В чем же их смысл?

¹ C. Hermann. Crises in Foreign Policy. Princeton, 1969, p. 22.

² Ibid., p. 23.

Строго говоря, все эти концепции не новы и не оригинальны. О «естественном порядке» говорили американские экспансионисты конца XIX века, когда США вступили на путь колониальных захватов. Президента Вудро Вильсона изображали не иначе как «архитектором нового мирового порядка»¹. Печать того времени так поясняла смысл этого «порядка»: «Лига наций, когда она будет образована, восстановит порядок, расправившись с Россией»². Таким образом, «новый мировой порядок» предусматривал восстановление целостности капиталистической системы и контрреволюцию как средство борьбы с новой общественно-экономической формацией.

Сегодня теоретическую разработку концепции «мирового порядка», или «мирового сообщества», мы находим у целой группы американских политических исследователей — С. Хоффмана, З. Бжезинского, Д. Розенау и др. Все они сходятся на ряде основных положений: антикоммунистической направленности проектируемого «сообщества», главенствующей роли США в нем, отказе его членов от национального суверенитета.

Идеологической основой современных концепций «мирового сообщества», как и в прошлом, является антикоммунизм. Однако в данном случае выступает он не открыто, а маскируясь схемами «постиндустриального» или «технотронного» общества, которые в конце 60-х годов приходят на смену теориям «индустриального общества».

Выше уже говорилось, что отличительная особенность теории «единого индустриального общества», вызвавшая в свое время нападки на нее со стороны правых сил в США, состояла в том, что за социалистическими странами «признавалось» право на будущее. У. Ростоу, помещая Советский Союз на предпоследней стадии — «стадии зрелости», допускал его скорое продвижение к пятой, высшей стадии.

В новейших же «постиндустриальных» схемах социалистическим странам демонстративно не отводится никакого места на том основании, будто они «безна-

¹ A. Dudden, editor. *Woodrow Wilson and the World of To-day*. Philadelphia, 1957, p. 758.

² «Evening Star», January 16, 1919.

дежно отстали» от главных империалистических держав и это отставание не временное явление, а якобы закономерно вытекает из «марксистской экономической системы»¹. Марксизм «не способен справиться с проблемами развитого мира XX века»², — утверждает З. Бжезинский. Марксизм-ленинизм клеветнически объявляется «консервативной» силой, несовместимой с «технотронным веком». Во всех этих антикоммунистических построениях бросается в глаза откровенное нежелание считаться с объективной реальностью сегодняшнего мира. В то время как идеи марксизма-ленинизма революционизируют мир, их одним росчерком пера относят к разряду «консервативных». Социалистические страны показывают образец решения сложнейших социальных, экономических, политических и национальных проблем в интересах трудаящихся масс, а марксизм-ленинизм тем не менее объявляется беспомощным перед лицом «проблем XX века». Полная научная несостоятельность подобных «теорий» очевидна. Но они нужны идеологам капитализма для «обоснования» следующего вывода: право на будущее сохранится за социалистическими странами лишь в том случае, если в них произойдет «эволюция».

Идею «эволюции», — иными словами, отхода некоторых социалистических стран от социализма — пропагандировали на протяжении 60-х годов теоретики так называемого «либерального» направления — Ч. Боулс, Д. Кеннан, А. Шлезингер-младший. Расчет на такую «эволюцию» был главным при конструировании схем долгосрочной политики империализма в отношении социалистических стран. Но теперь в концепцию «эволюции» вводится новый элемент. Если раньше «эволюция» мыслилась как результат в основном социально-политических процессов, то ныне утверждают, что она-де явится неизбежным следствием научно-технического прогресса.

Задача Запада, заявил, например, выступая в американском конгрессе, З. Бжезинский, — «создать кли-

¹ F. Kohler, M. Harvey. Soviet Science and Technology. Some Implications for U. S. Policy. «Orbis», Fall 1969, N 3, p. 687.

² Z. Brzezinski. Between Two Ages. America in the Technetronic Era. N. Y., 1970, p. 74.

мат», благоприятствующий «эволюции» социалистических стран. И добавил, что такая политика «оставляет достаточно простора для маневра, политического давления, шантажа, создания кризисов и так далее»¹.

В новейших трудах американских теоретиков (Розенау, Хоффмана и др.) подчеркивается первостепенное значение общего классового интереса для совместных действий капиталистических стран на международной арене. Особенno отмечается «сложная взаимозависимость между внутренней политической системой и международной», «решающее влияние внутренней политики государств-членов на определение правил и действий (международной) системы»².

Важным аспектом концепции «мирового сообщества» является его заданная антиреволюционная направленность, оправдание интервенции против борющихся за свободу и национальную независимость народов. В качестве «теоретического» фундамента используется противопоставление «глобального города» «глобальному гетто».

«Глобальное гетто» — унизительное понятие, введенное американскими теоретиками «постиндустриального» общества для обозначения стран «третьего мира»³. Если, согласно теориям «индустриального общества», модернизация этих стран рассматривалась как вопрос времени (рано или поздно, следуя «законам эволюции», им предстояло вступить в «индустриальную фазу»), то теперь их отсталость закрепляется с фатальной предопределенностью. Технологический разрыв между развитыми и развивающимися странами, вещают авторы новой концепции, непреодолим уже сегодня, а со временем будет увеличиваться в геометрической прогрессии⁴.

¹ «U. S. Relations with Europe in the Decade of the 1970's. Hearings before the Subcommittee on Europe of the Committee on Foreign Affairs. House of Representatives. 91st Congress, 2d Session. February — April 1970». Wash., 1970, p. 230, 233.

² J. Rosenau, editor. *Linkage Politics. Essays on the Convergence of National and International Systems*. N. Y., 1969, p. 331—332.

³ T. Von Laue. *The Global City*. N. Y., 1969.

⁴ По подсчетам Г. Кана и А. Винера, к 1985 г. доля валового национального продукта на душу населения составит: в Нигерии — 107 долларов, в Пакистане — 134, в Индонезии — 112, в Индии — 169 по сравнению с 6510 долларами в США и 3080 долла-

Из отсталости выхода нет, заявляют буржуазные идеологи, ибо низкие темпы роста валового национального продукта сопровождаются катастрофическим ростом населения в развивающихся странах. Правда, делаются оговорки о возможности ликвидации голода, жилищного кризиса, предупреждения массовых эпидемий (в значительной мере благодаря помощи США¹). В целом, однако, положение изображается как безвыходное.

Взяв этот тезис за основу, буржуазные идеологи делают из него логический для империализма вывод. «Мировая деревня» (или «гетто») питает постоянную, органическую враждебность к «мировому», или, как они выражаются, «глобальному городу». Поэтому на протяжении всего обозримого будущего она явится источником агрессивных действий, угрожающих безопасности «города». Эти действия «неизбежны», поскольку органически вытекают из экономических (все увеличивающийся технологический разрыв), психологических (расовая ненависть к белому человеку) и иных факторов, и поэтому они должны быть заранее запрограммированы как постоянно действующий элемент международных отношений. «Агрессивность «третьего мира», заявляет Бжезинский, — «необходимый атрибут низкого уровня развития»².

Эта мысль, в свою очередь, позаимствована у теоретиков «индустриального общества», например у Ростоу, утверждающего, что агрессивность — свойство стран, вступающих в «стадию зрелости». Таким путем создается концепция о якобы «перманентной агрессивности» развивающихся стран и необходимости «перманентного интервенционизма», чтобы сдерживать и подавлять «аггрессивность». К этому в конечном счете и сводится квинтэссенция «общего интереса», существующего объединить страны проектируемого «мирового сообщества».

«Обоснованием» необходимости контрреволюционных действий является и противопоставление «просве-

рами в Японии (H. Kahn and A. Wiener. *The Year 2000*. N. Y., 1967, p. 136—140).

¹ «The United States and the World in the 1985 Era». N. Y., 1964, p. 78—79.

² Z. Brzezinski. *Between Two Ages*, p. 6.

щенных» стран «Севера» постоянно бунтующему «Югу»¹. Агрессия, порождаемая странами «третьего мира», рассуждает, например, Бжезинский, столь же естественна и неизбежна, как систематические взрывы гнева в городских гетто. Стихийно выходит наружу накопившаяся напряженность. Жители больших городов к этим периодическим вспышкам привыкли и относятся к ним спокойно, зная, что существуют «организованные механизмы» (т. е. полиция, армия), которые в состоянии обуздить насилие, «рутинизировать конфликт».

«Точно так же,— продолжает Бжезинский,— в более развитых частях мира существует тенденция со стороны истэблишмента и среднего класса «глобального города» относиться индифферентно к конфликтам в третьем мире... при том условии, разумеется, что эти конфликты не скажутся на отношениях между наиболее сильными государствами. Таким образом, войны в третьем мире представляются допустимыми, поскольку их масштаб удерживается на уровне, не представляющем угрозы для крупнейших держав»².

Термин «рутинизация конфликтов» чрезвычайно удобен. Он предполагает не только приемлемость военных конфликтов в «третьем мире» в качестве обычных, вполне нормальных явлений, но и существование постоянно действующих механизмов «сообщества развитых стран» (некой международной жандармерии), призванных контролировать и направлять эти конфликты, а также в случае необходимости осуществлять интервенцию. Подобные концепции дают возможность представить военные действия, которые велись Соединенными Штатами во Вьетнаме, поддержку агрессии Израиля на Ближнем Востоке в виде «оправданных» действий, направленных на создание «стабильного мирового порядка», «стабильной международной системы».

Как бы ни стремились теоретики «мирового сообщества» сформулировать для него объединяющую цель, придав ему антикоммунистическую, контрреволюционную направленность, концы с концами у них не

¹ M. Harrington. American Power in the Twentieth Century. N. Y., 1967; J. A. Joyce. End of an Illusion. L., 1969.

² Z. Brzezinski. Between Two Ages, p. 6.

сходятся. При более внимательном рассмотрении оказывается, что «мировое сообщество» в конечном счете направлено не только против социалистических стран и национально-освободительного движения, но и против национальных интересов союзников США по «сообществу».

В различных американских проектах «мирового сообщества» назойливо проводится мысль о несоответствии национального суверенитета «глобальным реальностям» XX века, о необходимости «наднациональных» связей. Эта идея пропагандировалась еще в пору открытых претензий США на мировое господство.

Теперь она преподносится в несколько иной форме. Американские теоретики ставят вопрос о «регионализме» как переходной ступени от суверенного национального государства (остающегося «пока» основным субъектом международных отношений) к «мировому сообществу». «Регионализм» определяется как «наднациональный блок народов, связанных между собой главным образом географическими узами, но в сочетании с одним или несколькими другими... факторами». Региональные группы, заявляет профессор Корнеллского университета Л. Снайдер, — это «островки надежды в мире суверенных государств» на пути к «мировому сообществу»¹.

Обосновывая дальнейший переход от «регионализма» к «глобализму», теоретик международных отношений Карл Дейч выдвигает концепцию «сцепления»². «События, о которых сообщается почти ежедневно, отвергают принципы суверенитета. Политическая жизнь... во всех странах взаимосвязана». Этот тезис пространно развивает в книге «Политика сцеплений» Джеймс Розенau. «Стучевываются границы между системами национальными и интернациональными», происходит их «конвергенция». «Прилагательное «глобальный» представляется нам более полезным, чем «международный» или выражение «национальное» государство»³, — подчеркивается в этой книге.

¹ L. Snyder. *The New Nationalism*. Cornell University Press. 1968, p. 337, 340.

² K. Deutsch. *External Influences in the Internal Behavior of States*; R. Farrel, editor. *Approaches to Comparative and International Politics*. Evanston, 1966.

³ J. Rosenau, editor. *Linkage Politics*, p. 2—3, 31.

Ту же мысль подробно развивает и Бжезинский. Он констатирует формирование в современную эпоху «глобального политического процесса», в корне отличного от «классических» международных отношений. Последние характеризуются приматом суверенного государства с его национальной системой вооружений, коммуникаций, экономикой, идеологией. В наступающем же «технотронном веке» все это якобы вытесняется интересами «наднациональными», глобальными. «Хотя формальные правила игры поддерживают иллюзию, будто в ней участвуют игроки, именуемые государствами... фактически, пока дело не доходит до войны, она ведется на гораздо менее формальной основе, при значительно более смешанном составе участников»¹, — утверждает З. Бжезинский.

Лишенные «формальной основы» (т. е. суверенных государств), международные отношения уподобляются «бессистемным» связям между людьми в большом городе. «Традиционные грани между внутренней и внешней политикой стираются»², — заключает Бжезинский, повторяя тезис теоретиков «сцепления».

Тезис этот, составляющий важный элемент концепции «мирового сообщества», откровенно реакционен. Он подрывает основы международного права, порывает с принципами, зафиксированными в декларациях и документах Организации Объединенных Наций. В частности, на юбилейной XXV сессии Генеральной Ассамблеи ООН принята «Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН», в которой подтверждается принцип суверенного равенства государств — равноправных членов международной организации, независимо от различий экономического, социального, политического или иного характера.

Требование отказа от принципа национального суверенитета, изложенное в теоретических изысканиях буржуазных ученых, имеет под собой реальную экономическую подоплеку. Оно отражает противоречия между «глобальной» экспансией американских сверхмо-

¹ Z. Brzezinski. Between Two Ages, p. 5.

² Ibid., p. XIII.

нополий и интересами национальных государств, стоящими на пути этой экспансии.

И еще одно обстоятельство. «Глобальная» политика складывается, согласно воззрениям упомянутых теоретиков, под воздействием современной научно-технической революции. Они заявляют, что для средств массовых коммуникаций нет государственных границ¹. Люди в разных концах мира вовлекаются в единый «общечеловеческий» поток связей: «Современная наука и технология взорвали пространство и время физического мира и таким путем увеличили взаимозависимость политического мира»².

Современная научно-техническая революция действительно создает объективные возможности для сближения людей всех стран и континентов, открывает безграничный простор для преобразования природы и общества, усиливает закономерную тенденцию к единству в развитии человечества, на которую в свое время указывал К. Маркс. Буржуазный период истории, писал он, призван, в частности, «развить мировые сношения, основанные на взаимной зависимости всего человечества...»³. Однако реализация этих возможностей немыслима в условиях капиталистического строя, являющегося главной преградой на пути социального и экономического прогресса человечества.

Если попытаться раскрыть истинную сущность проектов «мирового сообщества», очистив их от словесной шелухи, то нельзя не прийти к выводу, что фактически речь идет о возрождении идеи «Пакс Американа», предусматривающей сплочение капиталистического мира под эгидой США. В 40—50-х годах идея «мира по-американски» провозглашалась откровенно, интересы союзников фактически не принимались во внимание. Теперь проповедуется примерно та же идея, но маскируется она разговорами о «сообществе развитых стран», о «равном партнерстве», об объединении стран «развитого Севера» против «отсталого Юга».

Подлинная американоцентристская подоплека концепций «мирового сообщества» тщательно закамуфли-

¹ M. McLuhan. *Understanding Media: the Extension of Man.* N. Y., 1964.

² J. Rosenau, editor. *Linkage Politics*, p. 2.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9, стр. 230.

рована, но она то и дело проглядывает. Фактически, согласно классификации американских теоретиков, США — единственная страна, вступившая в «постиндустриальный век» и указывающая всем остальным государствам путь в будущее¹. Бжезинский прямо утверждает, что «США являются основным глобальным распространителем технотронной революции. В настоящее время американское общество оказывает наибольшее воздействие на все остальные общества»². Несмотря на заверения об «общности интересов», по «технотронным схемам» выходит, что Западная Европа, Канада и Япония отстают от США и разрыв между ними вряд ли существенно сократится в будущем.

О возрождении многими теоретиками идеи американского руководства миром свидетельствует и то, что наряду с проектами «мирового сообщества», в которых эта идея замаскирована, в США выпускается немало работ, где о главенствующей роли Америки говорится без стеснения, открыто, даже вызывающе³.

Выдвижение концепции «мирового сообщества» — в любых ее вариациях — в качестве идеологического обоснования внешней политики США на 70-е годы наводит на ряд соображений. Прежде всего оно отражает растущие внешнеполитические трудности, которые испытывает империализм в результате изменившегося в пользу социализма соотношения сил на мировой арене. Агрессивные акции на протяжении всего послевоенного периода, в особенности преступная интервенция в Индокитае, привели к значительной моральной и политической изоляции США. Расширился фронт антиимпериалистической борьбы, усилились противоречия между империалистическими державами. В этих условиях правящие круги США наталкиваются на серьезные затруднения. Они не в состоянии оправдать в глазах собственного народа, а также народов других стран свои притязания на роль мирового жандарма. Концепция «мирового сообщества», по мы-

¹ H. Kahn and A. Wiener. The Year 2000, p. 149.

² Z. Brzezinski. Between Two Ages, p. 24.

³ G. Liska. Imperial America. Baltimore, 1966; R. Steel. Pax Americana. N. Y., 1967; A. de Riencourt. The American Empire. N. Y., 1968; H. Magdoff. The Age of Imperialism, N. Y., 1969.

сли ее авторов, дает возможность смазать эти трудности, создать видимость существования объединяющей все капиталистические страны цели.

Остановившись именно на этой идее, американские теоретики продемонстрировали, что испытывают идейный голод. Как уже отмечалось выше, концепция «мирового сообщества» имеет давнюю историю. Во внешней политике США она использовалась неоднократно и всякий раз безуспешно. Видимо, «мировое сообщество» оказалось наиболее удобной формулой активизации антикоммунизма: добиваться сплочения Запада, ссылаясь на «угрозу коммунизма», в современных условиях дело нереальное. При таких обстоятельствах удобнее протащить антикоммунизм через «черный ход», афишируя тем временем «универсальный гуманизм американской миссии»¹.

Вместе с тем подобные концепции наглядно иллюстрируют неспособность буржуазных теоретиков выдвинуть сколько-нибудь последовательную теорию для обеспечения солидарности капиталистического мира в условиях углубления его общего кризиса. Да и какая может быть солидарность, если ведущими принципами «сообщества» наряду с антикоммунизмом и перманентной враждой к национально-освободительному движению объявляется отказ входящих в него стран от национального суверенитета?

Концепция «мирового сообщества» — еще один показатель углубления кризиса буржуазной идеологии, ее несостоятельности перед наступлением идей марксизма-ленинизма. Подлинным содружеством народов является мировая система социализма. Социалистические страны стремятся к тому, чтобы стать дружной семьей народов, «семьей сплоченной и крепкой, в которой люди земли видели бы прообраз будущего мирового сообщества свободных народов»².

¹ «American Foreign Policy in International Perspective». Edited by *M. Hancock and D. Rustow*, p. 93.

² «Материалы XXIV съезда КПСС», стр. 14.

2. Идеология американских «ультра»

Перечисленные выше теории и концепции идеологов буржуазно-«либерального» направления широко используются для обоснования и оправдания внешней политики США.

Обратимся теперь к концепциям теоретиков правого направления, которые также оказывают серьезное влияние на политическое мышление в США. Здесь наблюдается целый спектр взглядов, начиная от умеренных и кончая ультраправыми.

Теоретики-консерваторы (Клинтон Росситер, Расел Кэрк, Стефан Поссони, Уильям Кинтнер), как правило, отмежевываются от крайностей ультраправых экстремистов. Но анализ взглядов как тех, так и других показывает, что разделяющая их грань призрачна¹. При определенных различиях в оттенках, консерваторов и ультраправых объединяет грубый антикоммунизм. В отличие от «либералов», они не прибегают к изощренным теориям («индустриальное общество», «деидеологизация»), чтобы скрыть свой антикоммунизм. Их вполне удовлетворяет клеветническая выдумка о «коммунистической угрозе».

В 60-х годах американские «либералы» поспешили объявить, что в США этот миф умирает. Делали они это не из симпатии к коммунизму, а в угоду ложной посылке о его «эрозии». Коммунизм, твердили они, «размывается» и поэтому «угроза» с его стороны «свободному миру» уменьшается; задача заключается в том, чтобы лишь содействовать ускорению этого процесса. Что же касается консерваторов и ультраправых, то многие вышедшие в последние годы «труды» свидетельствуют о том, что они никогда не расставались со старым мифом. Бывший шеф ФБР Эдгар Гувер, к примеру, написал на эту тему не один объемистый опус, ставший, с легкой руки американской охранки, стандартным учебным пособием по антикоммунизму в американских школах². Теоретиком Гувера, естественно,

¹ R. Ellsworth, S. Harris. The American Right Wing. Wash., 1962, p. 46.

² J. E. Hoover. Masters of Deceit. N. Y., 1960; «The Study of Communism». N. Y., 1964.

не назовешь. Миф о «коммунистической угрозе» он преподносит в своих творениях слишком уж примитивно. Любое неугодное правящему классу явление — демонстрации против войны во Вьетнаме, борьба против дискриминации негров, волнения среди студенчества — объявляется угрозой безопасности страны, частью всеобъемлющего «коммунистического заговора».

Джеймс Бэрнхем, видный идеолог ультраправых, называл участников антиоенных демонстраций «варварами», которых якобы завербовала действующая «по приказу Москвы» Коммунистическая партия Соединенных Штатов. Те, кто против войны во Вьетнаме, заявлял он, — предатели. Они «участники войны» против пресловутого «порядка и законности». «Фантастично, что великая страна допускает нападки на центры власти... — заявил Бэрнхем по поводу весенних (1971 г.) антиоенных демонстраций в Вашингтоне, умалчивая о расправе полиции с их участниками. — Еще более фантастично, что мы стали мириться с подобными агрессивными выпадами против цивилизованного порядка»¹.

Политическое мышление американских «ультра» предельно прямолинейно. Оно базируется на убогой идеологической установке: тот, кто против господствующих в США порядков, — участник «управляемого из Москвы международного коммунистического заговора». Он враг Америки и должен быть изолирован от общества. Заговор же надо выкорчевывать с корнем.

...8 декабря 1958 г. в просторной вилле в г. Индианаполисе 11 именитых дельцов собрались специально для того, чтобы выслушать Роберта Уэлча, видного предпринимателя, в прошлом члена правления могущественной Национальной ассоциации промышленников. Выступление Уэлча растянулось на два дня. Собравшиеся приняли решение о создании тайной организации для борьбы против «коммунистического заговора», который, как утверждал докладчик, грозит вот-вот захлестнуть Соединенные Штаты. Так появилось на свет пресловутое «Общество Джона Бэрча» — один из центров американских «ультра». Доклад

¹ «National Review», May 18, 1971, p. 523.

Уэлча, прочитанный на учредительном съезде «Общества», впоследствии был опубликован в «Синей книге», ставшей евангелием наиболее оголтелых реакционных сил.

Угроза катастрофы нависла над Америкой, говорится в «Синей книге». В Восточной Европе утвердились «коммунистические режимы». Коммунистически-ми стали Китай, Северная Корея, Северный Вьетнам. «Повсюду в Азии позиции ант коммунизма рушатся». Коммунизм оказывает влияние также на Западную Европу и Латинскую Америку. Движущую силу этого процесса автор «Синей книги» усматривает в «международном коммунистическом заговоре», ближайшей жертвой которого должна стать Америка. Не за горами время, пугает лидер бэрчистов, когда Америка превратится в заштатную провинцию «мировой коммунистической империи». Американский народ может быть насильственно втянут в «международную коммунистическую организацию». Опасность ужасна и почти неотвратима. «Ультра» должны немедленно взяться за дело, иначе «коммунисты достигнут своей конечной цели». «Общество Джона Бэрча,— говорится в «Синей книге»,— вынуждено вступить в борьбу с коммунистами в силу навязанной ему необходимости. Мы обязаны задержать и разгромить эти организованные силы зла»¹.

Одна из глав «Синей книги» посвящена «философским основам» бэрчизма. Роберт Уэлч называет своим наставником Шпенглера, хотя без ложной скромности признается, что в целом в бэрчизме «больше от Уэлча, нежели от Шпенглера». Что же привлекло новое поколение реакционеров к духовному отцу Гитлера? Оказывается, Шпенглер, «несмотря на тошнотворное проявление эрудиции», обнаружил смертельную болезнь, разъедающую западную цивилизацию. Болезнь эта — распространяемый коммунистами «рак колLECTивизма». От него гибнет Европа. Заражена им и Америка, но последнюю можно еще спасти, если немедленно «остановить коммунистов» и порвать связи с умирающей Европой. Книга полна подобного рода заклинаний.

¹ «The Blue Book of the John Birch Society». Belmont, Massachusetts, 1961, p. 33—34.

Миссия бэрчистов — снабдить американцев, пребывающих «в духовном вакууме», «целью жизни». Она состоит в том, чтобы включиться в войну против «коммунистического заговора» и вести ее до «победного конца». «В этом деле,— подчеркивается в «Синей книге»,— все средства хороши, в том числе самые «низменные и грязные». Для ведения «политической войны» необходима крепко сколоченная организация, возглавляемая «жестким, диктаторским и динамичным боссом», готовым «разломить черепа» врагам. Таковым и объявляет себя Роберт Уэлч — новоявленный фюрер, одержимый фанатической ненавистью к коммунизму. «Я не скрываю своего фанатизма,— заявляет Уэлч,— нет в мире такой силы, которая заставит меня прекратить борьбу»¹.

Главари фашистского «Общества Джона Бэрча» на страницах своего ежемесячника «Америкэн опиньон» откровенно призывают подавить «коммунистический заговор» с помощью атомных бомб, «огромный военный успех которых был доказан в Хиросиме и Нагасаки». Всякое иное решение проблемы — проявление «трусости». В этом пороке, по мнению бэрчистов, повинно правительство: вместо того чтобы одним ударом покончить с «международным коммунистическим заговором», оно раздувает затяжные локальные конфликты, единственный смысл которых в том, чтобы содействовать упрочению власти окопавшихся в Вашингтоне чиновников. Благоприятных условий для нанесения решающего удара было множество, вещает «Америкэн опиньон», но все они из-за преступной трусости упущены. Разве не было такой возможности во время войны в Корее? Но правительства Трумэна, а затем Эйзенхауэра, понукаемые «либералами», не воспользовались ею, создав заодно «психологический барьер» на пути применения атомной бомбы в будущем².

«Психологический барьер», основанный на страхе «ядерного возмездия русских», рассуждает орган американских `фашистов, не имеет под собой почвы.

¹ «The Blue Book of the John Birch Society», p. 96, 117—118, 170.

² «American Opinion», February 1971, p. 31.

И главным образом потому, что у русских вообще нет никакой атомной бомбы, все это «сплошной блеф». Свое «автеритетное» мнение по этому поводу на страницах «Америкэн опинъон» высказал в 1971 г. сотрудник журнала Мэдфорд Эванс, постоянно ратующий за военное использование атомной бомбы. Его «аргументы»: «Русская бомба в основе своей — блеф». Выдумкой является и «русский спутник». «Я говорил не раз, что самостоятельное производство ядерного оружия в Советской России, а тем более в Красном Китае совершенно немыслимо в свете того, что нам известно о русской (и китайской) технологии. Вечно отсталая страна, искалеченная разрушительной войной... не могла к 1949 г. собственными силами создать атомную бомбу»¹. Единственная реальность — американский ядерный потенциал, эффективность которого получила наглядное подтверждение в 1945 г.

Рецепт, предлагаемый Мэдфордом Эвансом, примерно таков: «Несколько атомными бомбами можно шутя разделаться с Советской Россией, а заодно и с засевшими в Вашингтоне «либералами». Истинный американец, согласно катехизису «ультра», уповаёт на бога, памятуя изречение своего поверженного кумира Голдуотера: «Мы никогда не примиримся с властью коммунистов в какой-либо части света».

Крайняя степень авантюризма, полное нежелание считаться с реальностями современного мира, готовность ввергнуть мир в пучину атомной войны — таковы характерные черты писаний «ультра».

Нам могут возразить: ведь все это горячечный бред, стоит ли на него обращать внимание! Дело, однако, в том, что вопреки пророчествам «либералов», которые были готовы похоронить «ультра» сразу же после провала Голдуотера на выборах 1964 г.², их влияние в последние годы заметно возросло. В настоящее время в США насчитывается более тысячи ультраправых организаций.

¹ Ibidem, p. 87.

² Известный социолог С. Липсет, например, считал, что вылазка Голдуотера, выставившего свою кандидатуру на пост президента, представляла собой «последний вымученный вздох умирающей социальной группы» («Dissent», Spring 1965, p. 156).

Голдуотер потерпел поражение, но собранные им 27 млн. голосов, подчеркивает известный американский историк Хофстетер, «свидетельствуют о том, что правое крыло представляет значительные и, по всей видимости, постоянные силы в нашей политической жизни»¹.

Справедливость этих слов подтверждают не только 10 млн. голосов, полученные Джорджем Уоллесом на выборах 1968 г., но и распространенность ультраправых настроений. На страницах «Нью-Йорк таймс», «Нью-Йорк геральд трибюн» и других органов «большой печати» нередко появляются статьи завзятых идеологов «ультра» — М. Рута, М. Эванса, У. Бакли и др., которые прежде не выходили за пределы «Америкэн опиньон» и «Нэшнл ревю».

«Рецепты» борьбы с «коммунистической угрозой» предлагаются и на страницах «академических» изданий — в книгах А. Бускарена, Д. Даллина, Э. Гудмена, У. Кинтнера, Р. Страус-Хюпе и др. В «солидных» томах фактически повторяются нехитрая аргументация о «заговоре», о «коммунистических планах мирового господства», призывы к «тотальной войне».

Движение «ультра» отнюдь не стихийно, оно вскармливается монополистическим капиталом и во многом отражает настроения военно-промышленного комплекса, который, по словам председателя сенатской комиссии по иностранным делам У. Фулбрайта, является «преобладающей силой в США»².

Эти настроения, разумеется, сказываются на внешнеполитической пропаганде.

Во время предвыборной кампании 1968 г. республиканцы поставили вопрос об усовершенствовании деятельности ЮСИА. Осуществленные в этой связи организационные мероприятия привели к тому, что в Информационном агентстве усилилось влияние реакционных элементов. В январе 1969 г. на пост директора ЮСИА был назначен президент телевизионной

¹ R. Hofstadter. *The Paranoid Style in American Politics*. London, 1966, p. 137.

² «Psychological Aspects of Foreign Policy. Hearings before the Committee on Foreign Relations. U. S. Senate, 91st Congress. First Session. June 5, 19, 20, 1969». Wash., 1969, p. 105.

компании «Си-Би-Эс» Фрэнк Шекспир, известный своими правыми взглядами. Было уволено 375 сотрудников, придерживающихся «либеральных» взглядов¹. Последовал ряд перемещений в заграничном аппарате ЮСИА, преследовавших цель усилить антикоммунистическую и антисоветскую направленность в работе агентства. «Эти перемещения,— сообщала газета «Вашингтон пост»,— производятся на том основании, что США выступают против одной идеологии — коммунистической»².

Ответственные посты в ЮСИА заняли известные реакционные идеологи, например, Д. Бэрхем и У. Бакли из ультраправого ежемесячника «Нэшнл ревю». Последний введен в состав консультативной комиссии по информации при ЮСИА³, где проводит резко выраженный антикоммунистический курс. В частности, он потребовал, чтобы «Голос Америки», отличающийся, как известно, антисоветскими выпадами, проводил «еще более четкую антикоммунистическую линию»⁴.

По распоряжению Ф. Шекспира библиотеки ЮСИА за границей стали работать по принципу «сбалансированного комплектования». Фактически, как отмечает американская печать, это означает изъятие книг «либеральных» авторов и замену их произведениями авторов из лагеря консерваторов и ультраправых (Р. Кэрка, К. Росситера, У. Бакли, Д. Бэрхема, Р. Рейгана, Б. Голдуотера и др.)⁵.

В деятельности ЮСИА допускаются акции, которые препятствуют смягчению международной напряженности. Так, осенью 1969 г. Ф. Шекспир в беседе с представителями информационной службы ФРГ заявил, что стремление Бонна улучшить отношения с Советским Союзом не встречает понимания в США. Заявление руководителя ЮСИА шло вразрез с официальной внешнеполитической установкой государственного

¹ «Newsweek», January 12, 1970, p. 27.

² «Washington Post», April 2, 1970.

³ «The New York Times», May 25, 1970.

⁴ «The New York Times», July 23, 1970.

⁵ «The New York Times», May 25, 1970.

департамента и потому вызвало недовольство государственного секретаря У. Роджерса¹.

Комментируя это, газета «Вашингтон пост» отметила: «ЮСИА намеренно ищет возможности для выражения жесткой антисоветской линии».

В пропаганде ЮСИА на СССР и другие социалистические страны главная ставка делается на национализм, на попытки разобщить социалистические страны, добиться раскола мировой социалистической системы.

Значительное содействие в этом оказывает ЮСИА сионистская пропаганда. Программы радиостанций «Голос Израиля», стремление распространять сионистскую литературу в социалистических странах, рассылка сионистских периодических изданий — все эти трафаретные средства используются для раздувания антисоветизма и еврейского национализма².

Л. И. Брежnev в своей речи на международном Совещании коммунистических и рабочих партий 1969 г. подчеркнул: «Империалисты хорошо понимают всю силу международной пролетарской солидарности. Именно поэтому в своей борьбе против сил социализма, против революционного движения они делают ставку на национализм. Они рассчитывают таким путем разобщить, раздробить коммунистическое движение, противопоставить революционные отряды друг другу»³.

Известные ограничения, налагаемые на деятельность ЮСИА за рубежом, побуждают правящие круги США изыскивать иные возможности для усиления антикоммунистической пропаганды. Как сообщил в ноябре 1971 г. Ф. Шекспир, в дальнейшем правительенную пропаганду все в большей степени предполагается заменять деятельностью частных радио- и телевизионных компаний. «ЮСИА готово все больше полагаться в этом смысле на них»⁴, — замечал Ф. Шекспир.

В аппарате ЮСИА работают более 10 тыс. человек,

¹ «Washington Post», October 19, 1970.

² См. «Антикоммунизм и антисоветизм — профессия сионистов». М., 1971, стр. 62—63.

³ «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы», стр. 74.

⁴ «The New York Times», November 27, 1971.

из них примерно 7 тыс. за рубежом (в том числе 5 тыс. иностранцев) и 3 тыс. в Вашингтоне¹. Если пропагандистские функции будут в значительной мере переданы частным американским компаниям, то есть основания полагать, что деятельность самого агентства все в большей мере сосредоточится на подрывных «психологических» операциях. Об этом свидетельствует, в частности, официальная директива (апрель 1970), согласно которой директору ЮСИА вменяются в обязанность «разработка и выполнение чрезвычайных планов и программ мобилизационной готовности в случаях чрезвычайного положения» с целью «способствовать разумному пониманию их за границей». Предусматривается также обеспечение — в случае необходимости — одновременных прямых радиопередач на главных языках мира на все районы земного шара. Особо отмечается ответственность ЮСИА за проведение специальных «психологических операций» в кризисных ситуациях, а также обязанность агентства выделять в распоряжение вооруженных сил США за границей своих сотрудников для участия в проводимых войсками «психологических операциях». ЮСИА, подчеркивается в директиве, «оказывает необходимую поддержку военному командованию в ведении психологической войны на театре или театрах военных действий».

Таким образом, внешнеполитическая пропаганда США в значительной мере остается орудием «психологической войны». Идеологическая борьба, естественная в условиях противоборства двух противоположных социальных систем на международной арене, постоянно превращается империализмом в средство подрывных действий.

3. Новые веяния

Сегодня в США к вопросам внешней политики привовано внимание всех слоев общества. «Проблемы внешней политики превратились в предмет интенсивного обсуждения со стороны такого большого числа людей, какого не наблюдалось в Америке со временем

¹ «The Washington Post», April 2, 1970.

ее вступления во вторую мировую войну»¹, — отмечают авторы исследования об оппозиционном движении среди американской молодежи. Война во Вьетнаме затронула интересы буквально каждого американца. Антивоенные акции превратились поистине в массовое движение. Против войны и милитаризации экономики выступили студенты из десятков колледжей и университетов страны, борцы за равноправие негров, рабочие, члены профсоюзов, интеллигенция. Это движение отразило не только кризис самой внешней политики США, но также кризис доверия к официальному обоснованию этой политики.

Этому процессу содействовало обнародование летом 1971 г. секретных документов Пентагона, обнаруживших закулисную историю вьетнамской войны. Даниэл Эллсберг и Антони Рассо, сотрудники исследовательской корпорации «Рэнд», передавшие документы ряду ведущих американских газет, объяснили свой поступок стремлением рассказать американскому народу правду о войне во Вьетнаме. Многим, кто еще верил официальной версии, документы Пентагона буквально раскрыли глаза. «Недоверие в отношении правительства, — писал в 1971 г. влиятельный журнал «Форчун», — является одним из существенных элементов морального состояния общества»².

Новое явление 70-х годов — оппозиция официальной политике со стороны представителей деловых кругов. До недавнего времени фигуры, подобные Сайрусу Итону, зачинателю Пагуошского движения, были редкостью. Сегодня существует несколько организаций представителей деловых кругов, выступающих за политику мира и экономического сотрудничества со всеми странами. Более 3 тыс. человек объединил комитет «Движение бизнесменов за мир во Вьетнаме». В него вошли экономист Д. К. Гэлбрейт, бывший американский посол в Японии Э: Рейшауэр, известные в прошлом военные деятели генерал Шоуп, адмирал Тру и др. Комитет выступал со следующими требованиями: не только покончить со всяkim американским военным участием в Индокитае, но и остановить процесс мили-

¹ P. Jacobs and S. Landau. The New Radicals. N. Y., 1966, p. 82.
² «Fortune», August 1971, p. 371.

таризации американских учреждений; пересмотреть международные обязательства правительства, имея в виду более эффективное использование его гигантской власти.

Разумеется, эти требования диктуются не каким-либо отходом бизнесменов от классовых позиций, а элементарным трезвым расчетом. События минувшего десятилетия показали, что военные расходы, приносящие баснословные прибыли монополиям, связанным с производством вооружений, отрицательно сказываются на других отраслях экономики. Достигнув определенного уровня, эти расходы ведут к замедлению темпов экономического роста и ускорению инфляции, что снижает доходы многих корпораций. Как отметил один из руководителей антивоенного движения Э. Солк, выступая 2 февраля 1972 г. в сенате, результатами наращивания Пентагоном гонки вооружений «являются серьезная инфляция, растущий дефицит платежного баланса, отсутствие доверия к доллару как внутри страны, так и за рубежом, волнения в городах, техническое отставание во многих отраслях нашей промышленности, а самое главное — отсутствие средств и ресурсов для поощрения сильного, жизнеспособного и здорового общества»¹.

Соображения трезвого расчета в противовес безудержной амбиции милитаристских кругов подсказывают наиболее дальновидным бизнесменам необходимость развития делового сотрудничества с СССР. Многие выражают обоснованное беспокойство, что, придерживаясь устаревших догм «холодной войны», США могут упустить блестящие возможности, которые сулит развертывание экономических связей с СССР и другими социалистическими странами. Высказываются опасения, что инициативу могут перехватить представители западноевропейских и японских фирм.

Происходят и более глубокие процессы. Руководящие круги США начинают осознавать необратимость изменений в расстановке сил на международной арене, произошедших в результате роста могущества СССР, всего социалистического содружества. Растет понима-

¹ См. «Правда», 28 июня 1972 г.

ние того, что продолжающееся накопление огромных запасов ядерного оружия и средств его доставки не диктуется необходимостью и представляет угрозу прежде всего для самих Соединенных Штатов. Выражается страх перед опасностью эскалации локальных войн. Даже втягиваясь в незначительные на первый взгляд конфликты, США, как подчеркивает ряд теоретиков, стоят перед угрозой новых Вьетнамов¹. При современной же глобальной расстановке сил, как показал опыт, возможность победы в крупном военном столкновении практически исключена. Все это способствует наметившейся тенденции к переосмыслению некоторых доктрин «холодной войны».

Новые веяния наметились также в сфере теории, хотя они недостаточно определены. Настойчиво подчеркивается необходимость «обуздить военных» и «строить мир», указывается на «индивидуальную ответственность каждого» за «создание мира, в котором все люди смогут жить». Об этом говорили видные американские ученые Г. Лассуэлл, Г. Моргентау, С. Мелман, К. Боулдинг, М. Раскин и др. в выступлениях на национальной конференции по теме «Вызов: строительство мира» в Нью-Йорке в марте 1969 г.² Не ясно, однако, как именно предполагается добиться этих достойных целей.

Наиболее часто повторяется мысль о неизбежной в современную эпоху интернационализации международных отношений. Процесс интернационализации, как считают многие ученые и политические деятели, совершается на наших глазах. Стихийно, независимо от желания отдельных государств, образуется «обширная инфраструктура» людей, участвующих в международных экономических, научных, культурных связях, которая содействует формированию «универсального интернационализма». Со временем этот «универсальный интернационализм», по мнению многих американских ученых, вытеснит устаревшие концепций разделенного мира³.

¹ M. Halperin. *Defense Strategies for the Seventies*. Boston, 1971, p. 91.

² «The Challenge of Building Peace». The First National Convocation. N. Y., 1969, p. 26—28, 30, 42.

³ A. B. Bronwell, editor. *Science and Technology in the World of the Future*. N. Y., 1970, p. 372.

Сенатор Джордж Макговерн выражал схожую мысль, когда писал: «В наших попытках обеспечить американскую безопасность и международный мир нам следует делать меньший упор на вооружения и союзы и больший — на создание международной системы по обеспечению мира»¹. Член Верховного суда США Уильям Дуглас посвятил одну из своих книг «глобальному федерализму», в котором усматривает конструктивный путь международного объединения².

Среди ученых в области точных наук распространено мнение, что современная научно-техническая революция в силу своего международного характера сама по себе содействует усилиям по ослаблению международной напряженности. «Наука представляет собой первое действительно всеобщее предприятие человечества, все страны обязаны сообща добиваться международной безопасности и всеобщего процветания»³, — формулируют свое кредо издатели «Бюллетеня ученых-атомников».

Разумеется, наивны надежды на то, что в мире, где происходит острая борьба двух противоположных социальных систем, развитие науки и техники само по себе проложит дорогу ко всеобщему миру. Вместе с тем мысль о том, что научно-техническая революция открывает новые сферы для международного сотрудничества, безусловно верна и плодотворна. Она лишний раз подтверждает, что необходимость такого сотрудничества находится в порядке дня. Объективно идеи «интернационализма», «всемирной федерации», «мирового содружества» отражают господствующую в сегодняшнем мире тенденцию к консолидации демократических и миролюбивых элементов, свидетельствуют о тяге многих буржуазных деятелей и ученых к мирному сосуществованию, о реальности надежды на обеспечение мира. Не случайно политики пытаются перехватить эти идеи, чтобы использовать их в прямо противоположных целях — для обоснования экспанси-

¹ «The Annals of the American Academy of Political and Social Science», July 1969, p. 14.

² *W. Douglas*. Toward a Global Federation. N. Y., 1968.

³ *Science and Public Affairs*. «Bulletin of the Atomic Scientists», January 1971, vol. XXVII, N 1, p. 3.

онистских планов, прикрываемых лозунгом «мирового сообщества».

Новые веяния в американской общественной и политической жизни составляют часть общей изменившейся картины международных отношений, в которых происходят глубочайшие сдвиги. Особенность этих сдвигов состоит в том, что они затронули самую основу современной системы международных отношений — соотношение сил на международной арене, которое все больше складывается в пользу социализма. Это определяет возможность успешного практического осуществления социализмом решающей роли в мировых делах.

Пленум ЦК КПСС, состоявшийся в мае 1972 г., имел все основания констатировать растущее влияние советской внешней политики на развитие международных отношений. Принципиальная, последовательная внешняя политика СССР, отмечается в его постановлении, «отвечает коренным интересам Советского Союза, мирового социализма, национально-освободительного движения, активно способствует утверждению принципов мирного сосуществования государств с различным социальным строем, отпору агрессивной политики империализма»¹.

В результате последовательного осуществления КПСС и Советским правительством ленинской внешнеполитической программы XXIV съезда открылась возможность для проведения советско-американских переговоров на самом высшем уровне в конце мая 1972 г. в Москве.

Московская встреча убедительно показала, что, несмотря на различия в идеологиях и в социальных системах СССР и США, а также на различия и даже противоположность их позиций в некоторых вопросах мировой политики, улучшение советско-американских отношений в интересах народов обеих стран и мира во всем мире осуществимо и полезно. Положительные результаты переговоров оказались возможными прежде всего потому, что в их основу были положены принципы равенства и взаимного уважения интересов. 29 мая 1972 г. Генеральный секретарь ЦК КПСС

¹ «Коммунист», 1972, № 8, стр. 3.

Л. И. Брежnev и президент США Р. Никсон подписали документ «Основы взаимоотношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки, где подчеркивается: «Необходимыми предпосылками для поддержания и укрепления между СССР и США отношений мира являются признание интересов безопасности сторон, основывающейся на принципе равенства, и отказ от применения силы или угрозы ее применения»¹. Это положение предполагает отказ США от политики «с позиций силы» и ставки на военное превосходство, политики, которая в послевоенный период проводилась ими на международной арене.

Значение провозглашения этой новой тенденции в политике США широко отмечалось в американской печати. «Ключом к советско-американским отношениям сегодня является идея равенства», — писал главный редактор влиятельной газеты «Крисчен сайенс монитор» Эрвин Кэнхэм. «США согласились с тем фактом, что дни их явного превосходства в ядерной области миновали»², — констатировал «Ньюсик».

В документах, подписанных в ходе советско-американских переговоров в верхах, как и в других важнейших международных документах (договорах СССР с ФРГ и Польши с ФРГ, четырехстороннем соглашении по вопросам, относящимся к Западному Берлину, принципах сотрудничества между СССР и Францией и т. д.), получил признание принцип мирного сосуществования государств с различным общественным строем. «...В ядерный век, — говорится в документе «Основы взаимоотношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки», — не существует иной основы для поддержания отношений между ними, кроме мирного сосуществования. Различия в идеологии и социальных системах СССР и США не являются препятствием для развития между ними нормальных отношений, основанных на принципах суверенитета, равенства, невмешательства во внутренние дела и взаимной выгоды»³.

¹ «Правда», 30 мая 1972 г.

² См. «Правда», 10, 11 июня 1972 г.

³ «Правда», 30 мая 1972 г.

Официальное признание правительством США принципа мирного сосуществования государств с различным общественным строем имеет поистине историческое значение. Оно свидетельствует о крахе попыток империализма навязать миру политику «с позиции силы».

«Принятый в Москве документ «Основы взаимоотношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки», — говорится в решении Политбюро ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР, — создает международно-правовые предпосылки для того, чтобы связи и сотрудничество между ними во всех областях, представляющих взаимный интерес, строились на прочной, долговременной основе, без какого бы то ни было ущерба для третьих стран».

Важнейшее значение имеют также и другие советско-американские договоры и соглашения, подписанные в Москве, — об ограничении систем противоракетной обороны, о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений. Эти документы от имени Советского Союза подписал Л. И. Брежнев, от имени США — Р. Никсон. Были подписаны также соглашения о сотрудничестве в области охраны окружающей среды, в освоении космоса, в различных отраслях науки и техники, здравоохранении. Осенью 1972 г. они были дополнены соглашением о развитии торгово-экономических связей и другими. Отраженная в этих документах тенденция к разрядке международной напряженности стала возможной в результате сложившегося соотношения сил, роста могущества Советского Союза, всего социалистического содружества. Она является результатом претворения в жизнь Программы мира, намеченной XXIV съездом КПСС.

Нормализация отношений между Советским Союзом, наиболее мощным социалистическим государством, и Соединенными Штатами, крупнейшей страной современного капитализма, имеет огромное значение для оздоровления международного политического климата. Успехи советской внешней политики содействуют дальнейшему упрочению позиций социализма на мировой арене, успехам всех прогрессивных сил. Они спо-

Собствовали исторической победе народа Вьетнама над империалистической агрессией.

Начавшийся в мае 1972 г. процесс нормализации советско-американских отношений был закреплен и продолжен в результате визита Л. И. Брежнева в США в июне 1973 г. В ходе переговоров на высшем уровне было подписано десять соглашений и документов. Важнейшим из них, бесспорно, является соглашение между СССР и США о предотвращении ядерной войны.

В выступлении по американскому телевидению Л. И. Брежнев заявил: «Даже если бы не было других результатов нашей второй встречи с Президентом США, и то можно было бы с полным правом сказать, что она займет достойное место в анналах развития советско-американских отношений и в международной жизни в целом».

Очень большое значение имеют соглашение об основных принципах переговоров о дальнейшем ограничении стратегических наступательных вооружений и другие документы.

Подписание этих документов стало возможным в результате того, что в основу переговоров были положены принципы равной безопасности сторон и недопустимости получения односторонних преимуществ, прямо или косвенно.

Начавшаяся перестройка международных отношений на основе принципов мирного сосуществования — принципов, выдвинутых В. И. Лениным в самом начале становления социализма, — свидетельствует о вынужденном отступлении империализма перед лицом инициативной, целенаправленной политики Советского государства.

То, что империализм вынужден идти на уступки, имеет принципиальное значение для классовой, в том числе идеологической, борьбы рабочего класса. Для сил прогресса не безразлично, в каких условиях они ведут борьбу, в каком направлении развиваются события — укрепляются ли элементы мирного сосуществования в отношениях между капиталистическими и социалистическими государствами, или же увеличивается напряженность и возникают вооруженные конфликты. Иными словами, пролетариату не безразлично,

каким из двух методов (о которых говорил В. И. Ленин¹) действует буржуазия: методом ли реформ и уступок или же методом насилия.

Вынужденный маневрировать, приспосабливаться к меняющемуся соотношению сил, империализм, понятно, не отказывается от стратегических целей своей борьбы против мирового социализма, международного рабочего класса и национально-освободительного движения. Идеологические основы его внешней политики — защита системы частной собственности и эксплуатации, антикоммунизм, антиреволюционная, антимонардная направленность, милитаризм, расизм, шовинизм — сохраняются. Но сегодня империализм вынужден искать средства, соответствующие новым условиям.

В США на крайне правом фланге реакционные деятели типа сенаторов Джексона и Голдуотера, конечно, ополчаются против тенденций к смягчению международной напряженности. Но показательно, что сегодня даже они вынуждены изменить аргументацию. Представители «ультра» строят свою критику советско-американских соглашений не на постулате «американского превосходства», как это делалось до сих пор, а запугивают «неминуемым превосходством России» в области стратегических вооружений. Такая постановка вопроса свидетельствует о том, что и правые приспосабливаются на свой манер к новым условиям.

Даже известный теоретик «холодной войны» Герман Кан отдает определенную дань новым веяниям. В современных условиях, отмечается в изданном в августе 1972 г. исследовании возглавляемого им Гудзоновского института, «всеобщая война (и поэтому в определенной степени любая война) почти немыслима и, возможно, невероятна в качестве практической альтернативы». Тем не менее, оставаясь верным себе, Г. Кан предупреждает об опасности для США «эрозии превосходства над Советским Союзом в стратегическом балансе сил».

Что касается идеологов из стана буржуазных либералов, то сегодня они вынуждены постепенно приходить к признанию принципов мирного сосуществования

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 67.

вания. Д. Кеннан, чьи взгляды подверглись существенной эволюции еще в 60-х годах, сегодня заявляет: «Нет никаких причин считать, что эти две державы (СССР и США.—А. К.)... не смогут мирно сосуществовать в течение неограниченного времени, не прибегая к вооруженному конфликту»¹. По мнению Г. Моргентау, после советско-американских переговоров в верхах «началась новая глава в американской внешней политике и международных отношениях в целом»².

Не перевелись, однако, теоретики, которые фактически паразитируют на мирном сосуществовании, соглашаясь признать его «подлинным» лишь в том случае, если оно будет распространено на сферу идеологии. При этом сами буржуазные теоретики, конечно, от идеологической борьбы отказываются не намерены. Появление реалистических моментов в политике империализма трактуется ими как изменение сущности империализма, ставшего якобы «прогрессивным». Строятся, в частности, расчеты на то, что расширение связей с социалистическими странами откроет новые возможности для «расшатывания» основ социализма, подрыва социалистического содружества «мирными» средствами. З. Бжезинский, например, вновь толкует о возможности «эволюции советской системы» в условиях «международного плюрализма»³.

КПСС, коммунистические и рабочие партии стран социалистического содружества сочетают конструктивную внешнеполитическую деятельность, направленную на упрочение мира и международной безопасности, с решительным отпором агрессивным устремлениям империализма, в том числе и в идеологической области.

«КПСС исходила и исходит из того,— говорил Л. И. Брежнев в докладе «О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик»,— что классовая борьба двух систем— капиталистической и социалистической— в сфере экономики, политики и, разумеется, идеологии будет продолжаться. Иначе и быть не может, ибо мировоззрение и классовые цели

¹ «Foreign Affairs», October 1972, p. 220.

² «The New Republic», January 6, 13, 1973, p. 20.

³ «Foreign Affairs», October 1972, p. 209.

социализма и капитализма противоположны и непримиримы. Но мы будем добиваться, чтобы такая исторически неизбежная борьба перешла в русло, не угрожающее войнами, опасными конфликтами, бесконтрольной гонкой вооружений. Это будет огромным выигрышем для дела мира во всем мире, для интересов всех народов, всех государств»¹.

Мирное сосуществование государств с различным общественным строем как раз и означает, что неизбежная между двумя системами классовая борьба ведется не военными, а мирными — экономическими, политическими, идеологическими — средствами. При этом, однако, нельзя забывать, что империализм пытается извратить существование идеологической борьбы, превращая ее в «психологическую войну». Ввиду тесной взаимосвязи идеологии и внешней политики не исключено, что реакционные силы могут попытаться повернуть вспять наметившиеся положительные сдвиги в международных отношениях, пользуясь и подрывными идеологическими средствами. Нет оснований считать, что идеологические мифы империализма перестали служить силам агрессии.

В любом случае новая обстановка требует повышенной бдительности, а главное, усиления наступательной идеологической борьбы. На необходимость постоянной бдительности и готовности давать отпор любым поискам агрессивных кругов империализма, последовательной борьбы против реакционной идеологии и пропаганды вновь обратил внимание апрельский (1973 г.) Пленум ЦК КПСС.

* * *

*

Особенности империализма, его политики и идеологии вызваны тем, что «в современную эпоху главное направление исторического развития определяют мировая социалистическая система, силы, борющиеся против империализма, за социалистическое переустройство общества»². Для того чтобы под напором этих

¹ Л. И. Брежnev. О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических республик. М., 1972, стр. 42—43.

² «Материалы XXIII съезда КПСС». М., 1966, стр. 183.

мощных сил сохранить массы в идейном и политическом плену, империализм вынужден приспособливаться. Пытаясь скрыть свою подлинную природу и укрепить свои идеологические позиции, он стремится использовать в своих классовых целях ряд важных явлений современности, и в частности научно-техническую революцию.

Большие усилия предпринимаются буржуазными теоретиками, чтобы прикрыть свойственную империализму агрессивность. В то же время военщина, представители консервативного и ультраправого направлений американской буржуазной идеологии продолжают проповедовать культивировать культ силы, откровенный антисоветизм. Все эти течения оказывают влияние на внешнюю политику и пропагандистскую деятельность США. Но не они сегодня являются определяющими.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История внешней политики американского империализма показывает: для того чтобы правильно ориентироваться в ней, необходимо знать не только цели правящих кругов, но и идеи, используемые в ее обоснование. Империализм нуждается в целой системе идеологических мифов для оправдания своей агрессивной внешней политики. Эта система, периодически обновляемая в соответствии с изменившимися историческими условиями, маскирует подлинные идеологические основы империалистической внешней политики. «Империализм не может рассчитывать на успех, открыто провозглашая свои действительные цели,— заявил Л. И. Брежнев на международном Совещании коммунистических и рабочих партий.— Он вынужден создавать целую систему идеологических мифов, затуманивающих подлинный смысл его намерений, усыпляющих бдительность народов»¹.

Идеологическое кредо империализма США четко определилось в период подготовки и осуществления первой войны за передел мира — испано-американской войны 1898 г.: защита системы частной собственности и эксплуатации, антнародная, антиреволюционная направленность, милитаризм, шовинизм, мировое господство. Оно было изложено в произведениях ранних американских экспансионистов.

С наступлением эпохи империализма усиливается борьба трудящихся капиталистических стран, насле-

¹ «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы», стр. 78.

ния колоний и полуколоний против возрастающего гнёта монополий. Народные массы все активнее выходят на арену политической жизни. Поэтому уже на ранних этапах развития империализма правящие круги США прибегают к фальсификации, чтобы скрыть от народа идеологические основы проводимой ими внешней политики. Для этого используются концепции буржуазных теоретиков, которые в отличие от апологетов экспансии умело маскируют подлинные интересы и цели империализма.

Отсюда характерная двойственность: открытое провозглашение экспансионистских целей, с одной стороны, маскировка и приукрашивание их — с другой. Эта двойственность находит отражение во внешнеполитических доктринах того времени, например, доктрине «открытых дверей», где подлинная цель империализма США замаскирована, и политике «большой дубинки», где она выступает обнаженно.

Проявляется, таким образом, присущее империализму расхождение между принципами и целями внешней политики и их трактовкой, ее подлинными основами и идеологическим обоснованием. Этот разрыв выступает в дальнейшем как определенная закономерность империалистической внешней политики, обусловленная классовой природой монополистической буржуазии, ее глубокой враждебностью народным массам и в то же время стремлением удержать их в рамках своей идеологии.

Важным фактором, содействующим проявлению этой закономерности, является и углубляющийся раскол внутри самого господствующего класса, часть которого вынуждена выступать за более гибкие методы политики. «Чем больше форма общения данного общества, а следовательно и условия господствующего класса, — пишут К. Маркс и Ф. Энгельс, — развивают свою противоположность по отношению к ушедшим вперед производительным силам, чем больше вследствие этого раскол в самом господствующем классе, как и раскол между ним и подчиненным классом, — тем неправильней становится, конечно, и сознание, первоначально соответствовавшее этой форме общения...»¹

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 283.

Особенность внешней политики США в эпоху империализма заключается и в следующем: в то время как ее подлинные классовые основы — защита строя частной собственности и эксплуатации, антисоциальная направленность, милитаризм, шовинизм — остаются неизменными, формы идеологического обоснования политики постоянно меняются.

Существенно меняются направленность и методы империалистической внешней политики в связи с расколом мира на две системы в результате Великой Октябрьской социалистической революции. В условиях развернувшегося общего кризиса капитализма первоочередной целью империализма становится ликвидация социалистической системы в лице первого в мире социалистического государства, восстановление капитализма в качестве единственной всеохватывающей социальной системы. Антикоммунизм является главным идеально-политическим оружием империализма в борьбе за достижение этой цели. Вместе с тем — и в этом его важная особенность — антикоммунизм используется империализмом из тактических соображений, для маскировки своих глобальных экспансионистских устремлений. Именно таково назначение пресловутого тезиса о «коммунистической угрозе», которым в течение десятилетий прикрываются агрессивные акции империализма США. Антикоммунизм, таким образом, выступает одновременно как идеология, политика и тактика империализма. Но сам факт, что империализм для маскировки своих подлинных целей вынужден прибегать к антикоммунизму, отражающему крайнюю степень деградации буржуазной идеологии, свидетельствует о его глубоком идеально-политическом кризисе.

Необходимо отметить также следующее: если в своей основе антикоммунизм остается неизменным, то формы его выражения постоянно меняются. На первых порах антикоммунизм фигурирует преимущественно в наиболее грубой форме. В дальнейшем же, по мере углубления общего кризиса капитализма, он все более тщательно маскируется.

В последние годы антикоммунизм нередко выступает чуть ли не под видом «защиты» коммунизма, вернее, «улучшения» его. В этом отчетливо проявляется

стратегия приспособления империализма к новым условиям, сложившимся в результате противоборства с социализмом.

Проявляется она также и в более изощренных способах защиты капитализма, его внутренней и внешней политики.

Таким образом, в эпоху общего кризиса капитализма, подлинные идеологические основы внешней политики империализма США тщательно скрываются. На поверхность же выступает система идеологических мифов. Она представляет собой комплекс теорий и концепций, используемых государством для обоснования и оправдания перед мировым общественным мнением не только своей внешнеполитической деятельности, но и капитализма как социальной системы.

Прослеживается определенная зависимость между изменением объективных условий в мире и перестройкой идеологической аргументации империализма. В общих чертах периоды этой перестройки соответствуют этапам углубления общего кризиса капитализма. На каждом из этих этапов, который знаменуется новым наступлением сил социализма, империализм вынужден менять формы своей защиты, приспосабливаясь к новым условиям. Идеологические концепции, используемые во внешней политике США, становятся более изощренными по мере наступления сил социализма. Большую гибкость приобретает и сама империалистическая политика.

Приспосабливаясь к меняющейся обстановке в мире, империализм выдвигает все новые концепции в обоснование своей внешней политики.

Определенную изобретательность в этом направлении проявляют теоретики «либерального» крыла буржуазии, которые на каждом повороте истории стремятся обновить идеологическое обоснование империалистической политики. Примером этого могут служить модные буржуазные концепции «индустриального общества», «деидеологизации», «мирового сообщества» и др. Подобная «активность» буржуазной мысли не что иное, как идеологическое приспособление империализма к изменяющимся условиям. Вместе с тем идеологии правого толка сохраняют преемственность ряда «теорий». Например, клеветническая концепция «ком-

мунистической угрозы» сохраняется фактически неизменной во внешней политике США на всем протяжении общего кризиса капитализма. Этот тезис, являющийся стержневым в идеологии ультраправых сил, используется для раздувания антисоветизма и антисоветизма.

В условиях, когда мировая система социализма становится решающим фактором исторического развития, проявляются определенные новые тенденции в идеологическом приспособлении империализма. Меняются не только формы защиты и обоснования его внешней политики. В отдельных случаях империализм вынужден идти на уступки и по существу. Именно такой уступкой является признание государственными деятелями и буржуазными теоретиками идеи мирного сосуществования государств с различным общественным строем.

При этом не следует попадать в плен иллюзий, будто изменилось существо империализма. В обстановке противоборства двух социальных систем идеологическая борьба на международной арене — закономерное явление.

Но буржуазные идеологи не в состоянии выдвинуть идеи, которые отражали бы объективную закономерность исторического развития и соответствовали чаяниям народных масс. Поэтому усилия пропаганды сплошь и рядом сосредоточиваются на подрывной деятельности, «психологической войне», что означает подмену идеологической борьбы грубым вмешательством во внутренние дела других государств. Это служит одним из источников международной напряженности и угрозы миру.

Л. И. Брежнев в своем выступлении на международном Совещании коммунистических и рабочих партий в 1969 г. подчеркнул, что империализм «создана теперь гигантская пропагандистская машина, использующая все современные средства идеологического воздействия... Ежечасно, и днем и ночью трудовой народ почти всего земного шара подвергается в той или иной мере воздействию буржуазной пропаганды, буржуазной идеологии. Наемные идеологи империалистов создали специальную псевдокультуру, рассчитанную на оглушение масс, на притупление их общественного

сознания. Борьба против ее развратающего влияния на трудящихся — важный участок работы коммунистов»¹.

Такая борьба настоятельно необходима для того, чтобы освобождать сознание масс от влияния буржуазной идеологии. Она приобретает особенно большое значение в связи с возросшей ролью идеологического фактора во внешней политике, стремлением империалистических кругов поставить идеологические мифы на службу агрессии.

Борьба против буржуазной идеологии означает одновременно наступление на порождаемую империализмом угрозу войны. В 1918 г. буржуазные политики типа Вильсона «обосновывали» антисоветскую интервенцию ссылками на «помощь» русскому народу. Мюнхенской политике западных держав, содействовавшей развязыванию второй мировой войны, служила «теория умиротворения». Лживый тезис о «коммунистической угрозе» широко использовался для обоснования «холодной войны». Американскую агрессию во Вьетнаме правящие круги США пытались прикрыть фиговым листком «вьетнамизации». Попытки сплотить империалистический лагерь в борьбе против социалистических стран, революционного, национально-освободительного движений преподносятся под вывеской «мирового сообщества».

Маскировку империалистической политики, способы ее обоснования с помощью философских, социологических, экономических и иных аргументов необходимо развенчивать, вскрывая всякий раз ее подоплеку. Раскрытие подлинных основ империалистической внешней политики является для марксистов-ленинцев дополнительным плацдармом наступательной борьбы против буржуазной идеологии. «У нас, товарищи, есть могучее оружие борьбы против буржуазной идеологии — идеология марксизма-ленинизма,— сказал Л. И. Брежnev в своем выступлении на международном Совещании коммунистических и рабочих партий.— Мы хорошо знаем ее силу. Мы видим, что наши идеи все шире распространяются в массах. Сегодня именно

¹ «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы», стр. 78.

марксизм-ленинизм находится в наступлении, и это наступление мы должны развертывать все шире»¹.

В наше время ленинские принципы социалистической внешней политики — пролетарский интернационализм и мирное сосуществование государств с различным общественным строем — превратились в реальную силу мирового развития. Программа мира, принятая XXIV съездом КПСС, успешно претворяется в жизнь. Целеустремленная, динамичная внешняя политика СССР, в осуществление которой большой личный вклад вносит Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежnev, отражает основные тенденции современных международных отношений и оказывает все более активное воздействие на их развитие в интересах сил мира и прогресса. Значительно укрепились позиции братских стран социализма, возросло влияние их согласованной политики на ход международных событий.

«Активная, инициативная международная политика КПСС,— говорится в постановлении апрельского (1973 г.) Пленума ЦК КПСС,— опирающаяся на могучую силу и авторитет Советского государства, на поддержку всего народа, способствует позитивным сдвигам в мировой обстановке». Большую роль в закреплении этих сдвигов сыграл исторический визит Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева в США в июне 1973 г.

Учитывая реальности современного мира, империализм вынужден идти на частичные уступки, на известную корректировку своей политики. В результате в международных отношениях начался новый этап, который характеризуется переходом от «холодной войны» к разрядке напряженности и налаживанию мирного сосуществования.

Дальнейшее изменение соотношения сил в мире в пользу социализма приводит к тому, что социалистические принципы международных отношений все в большей степени влияют на сознание людей во всем мире. Овладевая массами, идеи становятся серьезной материальной силой. Они обретают относительно са-

¹ «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы», стр. 78.

мостоятельное значение, начинают оказывать активное воздействие на ход исторических событий. Так происходит сегодня с идеями мирного сосуществования, которые получают широкое признание в качестве нормы отношений государств с различным социальным строем. Эти идеи все больше теснят отжившие свой век реакционные концепции, составляющие идеологические основы внешней политики империализма.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Г л а в а I. Генезис идеологии американского экспансионизма (Краткий исторический очерк)	8
Г л а в а II. Антикоммунизм — главная идеологическая основа внешней политики империализма	30
Г л а в а III. Теория «американской исключительности» на службе внешней политики США в 50-х годах	81
Г л а в а IV. Кризис политики и идеологии «холодной войны» в конце 50-х годов	113
Г л а в а V. Идеологические формы империалистической стратегии приспособления и их отражение во внешней политике США 60-х годов	137
Г л а в а VI. О некоторых особенностях внешнеполитической идеологии империализма на современном этапе	173
Заключение	216

Ася Ефимовна Кунина
ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США

Заведующий редакцией *К. Н. Сванидзе*

Редактор *Г. К. Фокина*

Младший редактор *Е. Б. Салынская*

Художник *Н. П. Пешков*

Художественный редактор *Н. Н. Симагин*

Технический редактор *О. М. Семенова*

Сдано в набор 9 апреля 1973 г. Подписано в печать 24 августа 1973 г. Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Условн. печ. л. 11,76. Учетно-издл. л. 11,68. Тираж 16 тыс. экз. А04675. Заказ № 2329. Цена 73 коп.

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий»,
Москва, Краснопролетарская, 16.

73 коп.

